P
11219

11219

3858
4
1

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

V - 894

Х-111
П-81

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ А. С. ПУШКИНА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть шестая.

КРИТИКА О ПУШКИНѢ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

П—39

ИЗДАЛЪ
В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собств. домъ.
1910.

ТЮМЕНСКО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАННЫХЪ В. А. ЗЕЛИНСКИМЪ.

1. Пособія по изученію русскаго языка:

1. **Справочникъ по русскому правописанію**, съ приложеніемъ орѳографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква ѣ. Составленъ по „Руководству" Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. Ц. 50 к.

2. **Справочникъ по русскому правописанію.** Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

3. **Справочникъ по русскому правописанію.** Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

4. **Справочникъ по русскому правописанію.** Выпускъ IV. Правописаніе, словопроизведеніе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Изд. 2 е. Ц. 75 к.

5. **Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку.** Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 6-е. Ц. 25 к.

6. **Вступительный курсъ зрительнаго диктанта.** Книга для элементарныхъ орѳографическихъ упражненій. (Готовится къ печати).

7. **Зрительный диктантъ.** Самодактованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія по методѣ списыванія и разрѣшенія орѳографическихъ задачъ. Часть первая. Изд. 17-е. Ц. 50 к.

8. **Зрительный диктантъ.** Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 9-е. Ц. 40 к.

9. **Подробный орѳографическій словарь,** заключающій въ себѣ: правильное начертаніе словъ, указаніе удареній и раздѣленіе каждаго слова на части, для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Приложеніе къ „Зрительному диктанту". Ц. 2 р.

10. **Справочный словарь буквы ѣ.** Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ ѣ. Изд. 4-е. Ц. 25 к.

11. **Таблицы** для письменнаго грамматическаго разбора № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4 Глаголъ. (Печатаются новымъ изданіемъ).

12. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ. „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію.“ Изд. 2-е. Ц. 25 к.

13. Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію. Опытъ группировки орѳографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14. а) **Обученіе грамотѣ по звуковому способу.** Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.

15. б) **Методическія указанія и примѣрные уроки** по объяснительному чтенію. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 6-е. Цѣна 1 р. Вмѣстѣ съ Хрестоматіей—1 р. 25 к.

16. в) **Методическія указанія и образцовые уроки** по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ три предыдущія книги допущены въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Три выпуска. Изд. 6-е. Цѣна каждому выпуску 2 р.

18. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первыя три части изданіе 4-е, а четвертая часть изданіе 3 е. Цѣна каждой части 2 р.

19. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. Первая часть изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я, 3-я, 5-я и 6-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а прочія части—2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. Ц. по 1 р. за часть. (1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 6-я и 7-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

22. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Первая и вторая части изданіе 4-ое, а третья часть изд. 3-е. Цѣна по 1 р. за часть.

23. Критическіе разборы романа **Тургенева: „Отцы и Дѣти“.** Изд. 3-е. Ц. 50 к.

24. Критическіе разборы романа **Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“.** Ц. 3 р. (Оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“).

25. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. 1-я и 2-я части изд. 3-е, а остальн.—2-е. Ц. по 1 р. за часть.

26. Критическіе разборы **„Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунѣ“—Тургенева.** Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. Изд. 4-е. Ц. 80 к.

27. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. Изд. 2-е. Каждая часть по 1 р.

28. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

29. Критическіе разборы **„Записокъ Охотника“—Тургенева.** Изданіе 3-е. Ц. 50 к.

30. Критическіе разборы романа **„Новь“—Тургенева.** Ц. 70 к.

31. Критическіе разборы повѣсти **„Рудинъ“—Тургенева.** Изданіе 2-е. Ц. 40 к.

32. Критическіе разборы романа **„Дымъ“—Тургенева.** Изданіе 2-е. Ц. 40 к.

33. Критическіе разборы романа **Ѳ. М. Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе“.** Ц. 1 р.

34. Критическіе разборы **„Записокъ изъ Мертваго Дома“—Достоевскаго.** Ц. 40 к.

35. Критическіе разборы **„Мертвыхъ Душъ“—Гоголя.** Ц 1 р.

36. И. С. Тургеневъ. Біографія, ходъ развитія его таланта и общая оцѣнка его литературной дѣятельности. Оттискъ изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. Ц. 50 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, д. Михайлова.

Цѣны книгамъ показаны безъ пересылки. Пересылка по дѣйствительной почтовой таксѣ. Выписывающіе книгъ на сумму отъ трехъ рублей за пересылку не платятъ, исключая платы за переводъ денегъ при наложенномъ платежѣ.

ОБЛАСТНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ.

891.7
З-49 п. VI
П 91 VI
32.
891
З-49

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

А. С. ПУШКИНА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть шестая.

КРИТИКА О ПУШКИНѢ

В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ИЗДАЛЪ

В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собств. домъ.

1910.

КРИТИКА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

*) Сочиненія Александра Пушкина.

Санктпетербургъ. Одиннадцать томовъ. 1838—1841 г.

VI.

Поэмы: „Русланъ и Людмила“. „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“. „Братья-Разбойники“.

Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первой поэмой Пушкина—„Русланъ и Людмила“. Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титломъ „отца Руслана и Людмилы“. Представители другой крайности, старые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ „Руслана и Людмилы“. Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ—чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, то-есть хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, пробѣсовъ поэзіи. Перелистуйте, отъ скуки, журналы 1820 года, и вы съ трудомъ повѣрите, что все это писалось и

*) В. Бѣлинскій. „Отечественныя Записки“ 1843—1846 г. Первыя пять главъ настоящаго критическаго обзора см. въ 5-й части „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина“.

читалось не болѣе, какъ какихъ-нибудь 24 года назадъ... И это относится не къ однимъ порицательнымъ, но и къ хвалительнымъ статьямъ, которыми наводнялись журналы того времени вслѣдствіе появленія „Руслана и Людмилы". Впрочемъ, подобное явленіе столько же понятно, сколько естественно и обыкновенно. Люди, которымъ не дано способности углубляться въ сущность вещей, раздѣляются на старовѣровъ и на верхоглядовъ. Первые стоятъ за старое и слѣдуютъ мудрому правилу: „все старое хорошо, потому что оно старое, а все новое дурно, потому что оно — новое"; вторые стоятъ за новое и слѣдуютъ мудрому правилу: „все новое хорошо, потому что оно — новое, а все старое дурно, потому что оно — старое". Несмотря на всю противоположность этихъ двухъ партій, онѣ очень похожи одна на другую, потому что источникъ ихъ возрѣнія, при всемъ своемъ различіи, одинъ и тотъ же: это—нравственная слѣпота, препятствующая видѣть сущность предмета. Старовѣры, какъ люди всегда дряхлые, если не годами, то душой, управляются привычкой, которая замѣняетъ имъ размышленіе и избавляетъ ихъ отъ всякой умственной работы. Привыкнувъ съ молодости слышать, что такой-то писатель великъ, они не заботятся узнать, почему онъ великъ и точно ли онъ великъ, и готовы считать безбожникомъ всякаго, кто осмѣлился бы усомниться въ величіи этого писателя. Такимъ-то образомъ до появленія Пушкина у нашихъ стовѣсниковъ слыли за великихъ писателей Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Петровъ, Херасковъ, Богдановичъ, и въ ихъ глазахъ Державинъ потому же самому былъ великъ, почему и Сумароковъ съ Херасковымъ, то-есть по неоспоримому праву давности, а совсѣмъ не потому, чтобъ они умѣли чувствовать и постигать красоты его поэзіи. У кого есть эстетическій вкусъ и кто способенъ находить красоты въ Державинѣ, тотъ уже не можетъ восхищаться Сумароковымъ, Херасковымъ или Петровымъ, а стовѣсники, о которыхъ мы говоримъ, равно благоговѣли передъ Сумароковымъ и Херасковымъ, какъ и передъ Державинымъ. Ломоносова же считали одни

наравнѣ съ Державинымъ, другіе ставили выше Державина, а третьи оставались въ недоумѣніи, кому изъ нихъ отдать пальму первенства. Ясный знакъ, что всѣми этими мнѣніями управляла привычка, одна привычка и больше ничего... Каково же было должно этимъ старымъ тѣмъ привычкамъ до такого страннаго поруганія, когда общій голосъ публики нарекъ знаменитымъ поэтомъ какого-то Александра Пушкина, который, по метрическимъ книгамъ, жилъ на свѣтѣ не болѣе двадцати одного года! Къ вящшему соблазну, рѣчешный Пушкинъ осмѣлился писать такъ, какъ до него никто не писалъ на Руси, возымѣлъ неслыханную дерзость или паче отъявленное буйство—идти своимъ собственнымъ путемъ, не взявъ себѣ за образецъ ни одного изъ законодателей парнасскихъ, великихъ поэтовъ иностранныхъ и россійскихъ, каковы: Гомеръ, Пиндаръ, Виргилій, Горацій, Овидій, Тассъ, Мильтонъ, Корнель, Расинъ, Буало, Ломоносовъ, Сумароковъ, Державинъ, Петровъ, Херасковъ, Дмитріевъ и проч. А извѣстно и вѣдомо было въ тѣ времена каждому, даже и не учившемуся въ семинаріи, что талантъ безъ подражанія геніямъ, утвержденнымъ давностью, гибнетъ вдругъ жертвою собственнаго своевольства. Самъ Жуковскій, хотя онъ и прямо населилъ словесницамъ своими балладами и своимъ романтизмомъ, самъ Жуковскій держался Шиллера; а Батюшковъ именно потому и былъ отличнымъ поэтомъ, что подражалъ Парни и Мильвуа, которые, вмѣстѣ взятые, не годились ему и въ парнасскіе камердинеры... По всѣмъ этимъ резонамъ долой Пушкина! Или онъ или мы: а вмѣстѣ съ нимъ намъ тѣсно на землѣ!.. И это продолжалось не менѣе десяти лѣтъ сряду. Однакожъ Пушкинъ устоялъ, и теперь развѣ только какія-нибудь литературныя аномаліи, которыхъ одно имя возбуждаетъ смѣхъ, вопіютъ еще нерѣдко противъ законности правъ Пушкина на титло великаго поэта: но они противопоставляютъ ему уже не Сумарокова съ Херасковымъ, а своихъ собственныхъ, нарочно для этого случая испеченныхъ геніевъ, которые

...немножечко дерутъ,
Зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.

Такъ всегда время побѣждаетъ предразсудки людей, и на ихъ развалинахъ возстановляетъ побѣдоносное знамя истины: но тѣмъ не менѣе для будущаго времени всегда остается та же работа. Въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ всѣ привыкли къ имени Пушкина и къ его славѣ, а потому всѣ и повѣрили наконецъ, что Пушкинъ великій поэтъ. Но отъ этого дѣло не исправилось для будущихъ поэтовъ, и ихъ всегда будутъ принимать не съ общими кликами восторга, но и съ свистками и съ каменьями, до тѣхъ поръ, пока не привыкнутъ къ ихъ именамъ и ихъ славѣ. Развѣ теперь не то же самое сбывается на нашихъ глазахъ съ Гоголемъ и Лермонтовымъ, что было съ Пушкинымъ? Есть люди, которые, по какому то внутреннему безсознательному побужденію, съ жадностью читаютъ каждое новое произведеніе Гоголя и чуть не наизусть знаютъ всѣ прежнія его сочиненія, а между тѣмъ приходятъ въ непритворное негодованіе, если при нихъ Гоголя назоветъ великимъ поэтомъ... Подождите еще нѣсколько — привыкнутъ, и тогда — горе человѣку, который сдѣлаетъ хотя бы тѣнь замѣчанія не въ пользу Гоголя. Такова ужъ натура этихъ людей! Они клянутся только побѣдителю и признаютъ власть только того, кого боятся.

Но не лучше старовѣровъ и верхогляды, которые рукоплещутъ только торжеству настоящей минуты, и не хотятъ знать о заслугѣ, которую самые же прославляли за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Для нихъ хорошо только новое, и въ литературѣ они цѣнятъ только моду. Новый водевиль, пустой и пошлый, для нихъ выше всѣхъ комедій, для нихъ выше и „Бориса Годунова" Пушкина, и „Горя отъ ума" Грибоѣдова, и „Ревизора" Гоголя. Они совсѣмъ не то, что люди движенія, которые въ своей крайности, восторгаясь новымъ литературнымъ явленіемъ, отрицаютъ всякую заслугу со стороны прежнихъ писателей. Нѣтъ, верхогляды

совѣмъ не фанатики: они не отрицаютъ важности старыхъ писателей и старыхъ сочиненій, а просто не хотятъ ихъ знать, старое же для нихъ все, что появилось хотя за десять лѣтъ какой-нибудь пошлости, занятыми ихъ сегодня. Каждый изъ нихъ знаетъ по именамъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ, но ни одинъ изъ нихъ не читалъ ни Ломоносова, ни Державина, ни Карамзина, ни Дмитріева, ни Озерова. Они читаютъ только современное, новое, хотя бы оно состояло изъ сущихъ пустяковъ.

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ приверженцахъ старины, которые отстаиваютъ старое противъ новаго по привязанности къ школѣ, къ принципамъ, въ которыхъ воспитанъ. Въ людяхъ этого разряда много смѣшного и жалкаго, но много и достойнаго любви и уваженія. Это не дѣти привычки, о которыхъ мы говорили выше: это — дѣти извѣстной доктрины, извѣстнаго ученія, извѣстной мысли. Равнымъ образомъ и противоположные имъ поклонники новаго, какъ новой мысли, новаго созерцанія, новаго духа, заслуживаютъ любовь и уваженіе, несмотря на ихъ крайности и смѣшныя, односторонніе убѣжденія. Фанатизмъ не есть истина, но безъ фанатизма нѣтъ стремленія къ истинѣ. Фанатизмъ — болѣзнь, но, вѣдь, болѣзнь есть принадлежность только живого, а не мертваго: камень или трупъ не знаютъ болѣзни...

Причиной энтузіазма, возбужденнаго „Русланомъ и Людмилой", было конечно и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями, но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданной доселѣ новинкой. Какъ бы то ни было, но нельзя не понять и не одобрить такого восторга: русская литература не представляла ничего подобнаго „Руслану и Людмилѣ". Въ этой поэмѣ все было новое и стихи, и поэзія, и шутка, и сказочный характеръ вмѣстѣ съ серьезными картинами. Но бывшаго негодованія, возбужденнаго сказкой Пушкина, нельзя было бы совсѣмъ понять, если бъ мы не знали о существованіи старовѣровъ, дѣтей привычки. На что озлились они? На нѣсколько волшебныя картины

въ эротическомъ духѣ! Но они давно уже знакомы были съ ними черезъ Державина и въ особенности черезъ Богдановича... При томъ же они никогда не ставили этихъ вольностей въ вину, напримѣръ, Аріосту. Парни, несмотря на то, что вольности въ „Русланѣ и Людмилѣ" — сама скромность, само цѣломудріе въ сравненіи съ вольностями этихъ писателей. Это были писатели старые: къ ихъ славѣ давно уже всѣ привыкли, и потому имъ было позволено то, о чемъ не позволялось и думать молодому поэту. Забавнѣе всего, что „Душенька" Богдановича была признаваема старовѣрами за произведеніе классическое, то-есть такое, которое уже выдержало пробу времени и высокое достоинство котораго уже не подвержено никакому сомнѣнію. Судя по этому, имъ-то и надобно было особенно восхищаться поэмой Пушкина, которая во всѣхъ отношеніяхъ была неизмѣримо выше „Душеньки" Богдановича. Стихъ Богдановича прозаическій, вялый, вопіющій, языкъ обветшалый и, сверхъ того, то и дѣло искаженный такъ называемыми тогда „нѣмецкими вольностями": поэзіи почти нисколько, картины блѣдны, сухи. Словомъ, несмотря на всю незначительность „Руслана и Людмилы", какъ художественнаго произведенія, смѣшно было бы доказывать неизмѣримое превосходство этой поэмы передъ „Душенькой". Сверхъ того, она навѣяна была на Пушкина Аріостомъ, и русскаго въ ней, кромѣ именъ, нѣтъ ничего: романтизма, столь ненавистнаго тогдашнимъ словеснымъ, въ ней тоже нѣтъ ни нѣсколько: романтизмъ также осмѣянъ въ ней, и очень мило и остроумно, въ забавномъ выходѣ противъ „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ". Короче: поэма Пушкина должна была составить торжество псевдо-классической партіи того времени. Но не тутъ-то было! При второмъ изданіи „Руслана и Людмилы", вышедшемъ въ 1828 году, напечатано нѣсколько ругательныхъ статей на эту поэму, написанныхъ въ 1820 году: перечтите ихъ — и вы не повѣрите глазамъ своимъ! Для образчика такихъ критикъ выписываемъ отрывокъ одной изъ нихъ, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы" 1820 года по случаю помѣщеннаго въ

„Сынъ Отечества" отрывка изъ „Руслана и Людмилы" еще до появленія этой поэмы вполнѣ:

„Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камоэнса Мысъ бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди Океана Россійской словесности. Пожалуйста, напечатайте же мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются — и остановятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій.

„Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т.-е. *сказки* и *пѣсни* народныя. Что объ нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ вспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинной забавой и составляла все богатство познаній. Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ *сказки* и *пѣсни*, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали *Еруслановы* и *Бовы* на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный!

„Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?.. чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать *Киршу Данилова*.

„Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе *Еруслану Лазаревичу*? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 №№ *Сына Отечества*. Тамъ неизвѣстный пишетъ *на образчикъ* выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей *Людмила и Руслань* (не Еруслань ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Пишетъ оживляетъ *мужичка самъ съ ноготь, а борода съ локоть*, придаетъ еще ему безконечные усы („С. Отеч.", стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ что всего драгоцѣннѣе: Руслань наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которой лежитъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помню какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей: те-

перь на старости сподобился вновь то же услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени... Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть *стариннаго* нашего пѣснословія, поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Русланову разсказчику, напримѣръ:

Шутите вы со мною,
Всѣхъ *удавлю* васъ бородою!..

Каково?

. . . Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ *предъ носомъ* молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ...

Картина, достойная Кирши Данилова! Далѣе чихнула голова, за ней и эхо *чихаетъ*... Вотъ что говоритъ рыцарь:

Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

Потомъ рыцарь ударяетъ голову въ *щеку* тяжелой *рукавицей*... Но увольте меня отъ подобнаго описанія, и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово, ребята!* Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться! Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ страшилищъ. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появились между нами? Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ отвратительна, а нимало не смѣшна и не забавна. Dixi.

Житель Бутырской слободы.

Итакъ, ясно, что „бутырскаго" критика оскорбили прежде всего сказочныя характеры поэмы „неизвѣстнаго пиита", т-е. Пушкина. Но какой же, если не сказочный, характеръ Аріостова „Orlando furioso"? Правда, рыцарскій сказочный міръ заключаетъ въ себѣ несравненно больше поэзіи и занимательности, чѣмъ бѣдный міръ русскихъ сказокъ; но что касается до сказочныхъ нелѣпостей, столь оскорбившихъ вкусъ бутырскаго критика, — ихъ довольно въ поэмѣ Аріоста. — И онъ, право, стоитъ „мужичка самъ съ ноготь, а борода съ локоть", или головы богатыря. Но, впрочемъ ли, Аріостъ — писатель классическій, которато слава уже утверждена была слишкомъ двумя столѣтіями: стало

быть, къ нему и къ его славѣ уже привыкли... Вольно же было Пушкину сочинить новую поэму, которой не было еще и года отъ роду, какъ ее ужъ въ пухъ разругали... При томъ же Аріоста самъ Вольтеръ объявилъ „величайшимъ изъ новѣйшихъ поэтовъ": стало быть, послѣ такого авторитета, какъ авторитетъ Вольтера, смѣло можно было хвалить Аріоста, не боясь попасться впросакъ. Вѣдь, литературные авторитеты, подобно Корнцу, на то и существуютъ, чтобъ люди могли быть умны безъ ума, свѣдущи безъ ученія, знающи безъ труда и размышленія и безошибочно правы безъ помощи здраваго смысла. Вотъ другое дѣло, еслибъ кто изъ признанныхъ авторитетовъ, напримѣръ, Ломоносовъ или Поповскій, могли объявить свое мнѣніе въ пользу „Руслана и Людмилы", тогда всѣ единодушно признали бы эту сказку геніальнымъ произведеніемъ! Хорошая порука — божіе дѣло, и чужой умъ — всегда спасеніе для тѣхъ, у кого нѣтъ своего. Что бурсацкія критики нашей поэзіи не только выраженія „хватить сороти, стать перетъ носомъ, щекотать подъ ложемъ" и „ѣду, не свищу, а наѣду, не спущу", но и „умирающій лучъ солнца", это очень происходило отъ привычки къ обливанному провинціальному общимъ мѣстамъ пресѣщенному Пушкину поэзіи, и отъ непривычки къ благородной простотѣ и близости къ натурѣ. Все привычка! Одинъ бурсацкій критикъ до того ожесточился противъ „Руслана и Людмилы", что рѣшилъ „хвалить" и „ложемъ" назвать мудрецами... Вотъ до чего строго придрались даже къ безсмертному Пушкину, они, эти безусловные поклонники всѣхъ русскихъ поэтовъ до Пушкина, которые изо всѣхъ силъ и со всевозможнымъ усердіемъ уродовали русскій языкъ неслыханными усѣченіями, насильемъ грамматики и разными „пінтическими вольностями" Кобзова, Ѳедорова, Шихматова въ „Русланѣ и Людмилѣ", по въ сравненіи со стихами „Душеньки" Богдановича, сказокъ Дмитріева, „Странствованій" и „Домосѣда" Батюшкова и даже „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ" Жуковскаго, онъ — самое изящество, самая... Осторбленная привычка этого не замѣчать, если вид-

ОНБ ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ТЮМЕНЬ

ла, то для того только, чтобъ, по извѣстной привязчивости, ставить молодому поэту въ непростительную вину то, что считала чуть не достоинствомъ въ старыхъ. Какъ человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, эту привязчивость возбудилъ къ себѣ и Грибоѣдовъ. При „Вѣстникѣ Европы" одинъ бутырскій критикъ состоялъ въ должности явнаго зоила всѣхъ новыхъ яркихъ талантовъ: поэтому „Горе отъ ума" возбудило всю желчь его. Такъ, между прочимъ было сказано по поводу отрывка изъ „Горя отъ ума", помѣщеннаго въ альманахѣ „Талія": „Смѣемъ надѣяться, что всѣ, читавшіе отрывокъ, позволятъ намъ отъ лица всѣхъ просить Грибоѣдова издать всю комедію" Бутырскій критикъ „Вѣстника Европы", указавъ на эти слова, восклицаетъ: „Напротивъ, лучше попросить автора не издавать ея, пока не перемѣнитъ главнаго характера и не исправитъ слога"

Мы указываемъ на всѣ эти явленія, разумѣется, не для того, чтобъ доказать ихъ чудовищную нелѣпость: игра не стоила бы свѣчъ, и смѣшно было бы снова позвать къ суду людей, и безъ того уже давно проигравшихъ тяжбу во всѣхъ инстанціяхъ здраваго смысла и вкуса. Нѣтъ, мы хотѣли только охарактеризировать время и нравы, которые застать Пушкинъ на Руси при своемъ появленіи на поэтическое поприще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и показать, какую роль чудовище-привычка играетъ тамъ, гдѣ бы должны были играть роль только умъ и вкусъ. Оставимъ же въ сторонѣ эти многочисленныя нелѣпыя древности, заключающіяся въ журнальныхъ листкахъ „Вѣстника Европы", и обратимся къ „Руслану и Людмилѣ".

Бутырскіе критики, какъ мы видѣли, особенно оскорбились въ „Русланѣ и Людмилѣ" тѣмъ, что показалось имъ въ этой поэмѣ колоритомъ мѣстности и современности въ отношеніи къ ея содержанію. Но именно этого то совсѣмъ и нѣтъ въ сказкѣ Пушкина: она столько же русская, сколько и нѣмецкая или китайская. Кирша Даниловъ не виноватъ въ ней ни душой ни тѣломъ, ибо въ самой худшей изъ собранныхъ имъ русскихъ пѣсенъ больше русскаго духа, чѣмъ во всей поэмѣ Пушкина, хотя онъ въ своемъ

поэтическомъ прологѣ къ ней и сказалъ: „Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“. Вѣроятно, Пушкинъ не зналъ сборника Кирши Данилова въ то время, когда писалъ „Руслана и Людмилу“; иначе онъ не могъ бы не увлечься духомъ народно-русской поэзіи, и тогда его поэма имѣла бы по крайней мѣрѣ достоинство сказки въ русско-народномъ духѣ, и притомъ написанной прекрасными стихами. Но въ ней русскаго — одни только имена, да и то не всѣ. И этого русизма нѣтъ такъ же и въ содержаніи, какъ и въ выраженіи поэмы Пушкина. Очевидно, что она — плодъ чуждаго вліянія и скорѣе пародія на Ріоста, чѣмъ подражаніе ему, потому что напыщать нѣмецкихъ рыцарей изъ русскихъ богатырей и витязей — значитъ искажать равно и нѣмецкую и русскую дѣйствительность. Намъ такъ мало осталось памятниковъ отъ доисторическихъ временъ Руси, что Владиміръ Красное-Солнышко столько же для насъ миѳъ, сколько Владиміръ, просвѣтитель Руси, историческое лицо; а сказки Кирши Данилова, въ которыхъ является дѣйствующимъ лицомъ языческій Владиміръ, явно сложены въ позднѣйшія времена. И потому Пушкинъ отъ преданія только и воспользовался, что словомъ „Солнце“, прилоненнымъ къ имени Владиміра. Поэма небогатая. Во всемъ остальномъ его Владиміръ-Солнце — пародія на какого-нибудь Карла Великаго Тальовы же Руслань, и Рогдай, и Фарлафъ: дѣйствительность ихъ, историческая и поэтическая, такой же точно пробы, какъ и дѣйствительность Финна, Наины, богатырской головы и Черномора. Пушкинъ съ особенной радостью ухватился, было, за такъ называемаго „вѣщаго Баяна“, поняв слово „баянъ“ какъ нарицательное и равнозначительное словамъ: „скальдъ, бардъ, менестрель, трубадуръ, миннезингеръ“. Въ этомъ онъ раздѣлялъ заблужденіе всѣхъ нашихъ словесниковъ, которые, напедь въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“ вѣщаго баяна, соловья стараго времени, который „аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслью по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки“, — заключили изъ этого, что Гомеры древней Руси назывались баянами.

Что въ древней Руси были свои пѣснопѣвцы, сказочники, балагуры и прибаутчики такіе же, какъ и теперь въ простомъ народѣ бываютъ подобные, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: но по смыслу текста „Слова" ясно видно, что имя Бояна есть собственное, а отнюдь не нарицательное. „Да и Боянъ „Слова" такъ непроглядненъ и загадоченъ, что на немъ нельзя построить такихъ и остроумныхъ догадокъ, на которыя такъ щедры досужіе антиквары, а тѣмъ менѣе можно заключить изъ него что-нибудь достовѣрное. И потому весь баянъ Пушкина — ни болѣе ни менѣе, какъ риторическая фраза. О прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ" положительно можно сказать: „Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ": но этотъ прологъ явился только при второмъ изданіи поэмы, то есть черезъ восемь лѣтъ послѣ перваго изданія, стало быть, — гораздо, какъ Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ народной русской поэзіи. Первые семнадцать стиховъ, которыми начинается „Русланъ и Людмила", отъ стиха „Тамъ дубъ зеленый" до стиха: „Низко кланяясь гостямъ", положительно „пахнутъ Русью": по нимъ начинается и ими же оканчивается русскій духъ всей этой поэмы: больше въ ней его стихомъ не слыхать, видомъ не видать. Мы даже позволяемъ, что не были-бъ эти семнадцать счастливыхъ стиховъ поводомъ къ присоединенію къ нимъ всей поэмы... Какъ бы то ни было, только поэма эта — плодъ сильнаго, еще незрѣлаго таланта, который, вмѣсто жалкой дѣятельности, схватился безъ разбора за первый предметъ, мысль о которомъ какъ-то промелькнула передъ нимъ въ веселый часъ. Весь тонъ поэмы шуточный. Поэтъ не принимаетъ никакого участія въ созданіяхъ его фантазіи: онъ просто чертитъ арабески и потѣшается ихъ забавной странностью. Оттого, какъ самъ Пушкинъ справедливо замѣтилъ впослѣдствіи, она холодна. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней много граціи, игривости, остроумія: есть живость движенія и еще больше блеска, но очень мало жара. Въ эпизодѣ о Финнѣ проглядываетъ чувство: оно вспыхиваетъ на минуту въ воспѣваніи Руслана къ

усѣянному костьми полю, но это воззваніе оканчивается нѣсколько риторически. Все остальное холодно.

Вообще „Руслань и Людмила“ для двадцатыхъ годовъ имѣла то же самое значеніе, какое „Душенька“ Богдановича для семидесятыхъ годовъ. Разумѣется, велика перевѣсь на сторонѣ поэмы Пушкина и въ отношеніи къ превосходству времени и къ превосходству таланта. Но наше время далеко впереди обѣихъ этихъ эпохъ русской литературы, — и потому если „Душеньку“ теперь нѣтъ никакой возможности прочесть отъ начала и до конца по доброй волѣ, а не по нуждѣ, которая можетъ заставить прочесть и „Телемахиду“, то „Руслана и Людмилу“ можно только перелистывать отъ нечего дѣлать, но уже нельзя читать, какъ что нибудь дѣльное. Ея литературно-историческое значеніе гораздо важнѣе художественнаго. По своему содержанію и отдѣлкѣ она принадлежитъ къ числу переходныхъ поэтъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ неопредѣленный элементъ: въ нихъ Пушкинъ является ученикомъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ. Въ „Русланѣ и Людмилѣ“, какъ мы уже сказали выше, нѣтъ ни признака романтизма; вкусъ ощутителенъ недостаточъ поэзіи, несмотря на все изящество выраженія и всю прелесть стиха, неслыханныя до того времени. Скажемъ больше: даже со стороны формы какъ ни много она выше обветшалыхъ формъ прежней поэзіи, есть звенья, соединяющія „Руслана и Людмилу“ съ прежней школой поэзіи: мы разумѣемъ здѣсь употребленіе словъ „брегъ, и „бракъ“ и произвольное употребленіе усѣченныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмѣ Пушкина вмѣстѣ больше десятка. Словомъ, если бъ не недостатокъ самомыслительности и не избытокъ привычки, такъ называемые классики того времени должны были бы торжествовать, какъ свою побѣду надъ такъ называвшимися тогда романтиками, появленіе „Руслана и Людмилы“, на Пушкинѣ сосредоточились всѣ надежды своей партіи, а истинные представители романтизма, слѣдовательно самаго опаснаго ихъ врага, видѣли въ Жуковскомъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые

изъ нихъ были какъ будто близки къ этому взгляду. Въ „Вѣстникѣ Европы" 1824 года одинъ классикъ разсердился за то, что Верстовскій, положившій на музыку „Черную Шаль" Пушкина, назвалъ ее кантатою.

„Почему (говоритъ бутырскій классикъ) Верстовскій возвелъ простую пѣсню на степень кантаты? Такого ли содержанія бываютъ кантаты собственно такъ называемыя? Такими ли видимъ ихъ у Драйдена, у Жанъ-Баптиста Руссо и у другихъ поэтовъ знаменитыхъ? *(Хороши знаменитости—Драйденъ и Жанъ-Баптистъ Руссо!)* Истощивъ средства свои на страсти, бушующія въ душѣ безвѣстнаго человѣка, что употребитъ онъ, когда нужно будетъ силою музыки возвысить значительность словъ въ тѣхъ кантатахъ, гдѣ историческія или миѳологическія во многихъ отношеніяхъ намъ извѣстныя и для всѣхъ просвѣщенныхъ людей занимательныя лица страдаютъ или торжествуютъ?—Въ пѣснѣ Пушкина представляется намъ какой-то молдаванинъ, убившій какую то любимую имъ красавицу, которую соблазнилъ какой то армянинъ. Достойно ли это того, чтобъ искусный композиторъ изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей, чтобъ для пѣсни тратилъ сокровища музыки? Не значитъ ли это воздвигнуть огромный пьедесталъ для маленькой красивой куклы, хотя бы она была сдѣлана на Севрской фабрикѣ? Угадываю причины, побудившія Верстовскаго къ сему подвигу, и знаю напередъ отвѣтъ изъ отвѣтовъ: „А. Пушкинъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ поэтовъ нашихъ". Что касается до стихотворства, я самъ отдаю ему совершенную справедливость; стихи его отмѣнно гладки, плавны, чисты; не знаю, кого изъ нашихъ сравнивать съ нимъ въ искусствѣ стопосложенія; скажу болѣе: *Пушкинъ не охотникъ щеголять эпитетами, не бросается ни въ сантиментальность, ни въ таинственность, ни въ пошлость, ни въ пустословіе: онъ живъ и стремителенъ въ разсказѣ; употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смыслѣ; наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раздѣленіи мыслей*: все это составляетъ *внѣшнюю* (?) красоту его стихотвореній. Гдѣ-жъ однако тѣ качества, которыя по словамъ Горація, составляютъ поэта? гдѣ vena divinior? гдѣ os magna sonaturum?" (№ 1, стр. 70 и 71).

Замѣчаете ли, что нашъ Бутырскій критикъ видѣлъ кое-что въ Пушкинѣ, и если не увидѣлъ всего,—ему помѣшала привычка Пушкинъ не любилъ щеголять эпитетами, не бросался ни въ сантиментальность, ни въ таинственность, ни въ пошлость, ни въ пустословіе: онъ живъ и стремителенъ въ разсказѣ, употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смыслѣ, наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раз-

леній мыслей: все это дѣйствительно составляло неотъемлемыя качества Пушкинской поэзіи, и качества великія, по — видите ли — по мнѣнію бумернаго классика, это не больше, какъ внѣшняя (?) красота стихотворенія Пушкина, потому что гдѣ же въ нихъ mens divinior (божественное безуміе, вступленіе, восторгъ), гдѣ os magna sonaturum? А что такое разумѣли подъ этимъ наши псевдо-классическіе критики? Вотъ что:

...Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ!
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то!..

Прочтите всю превосходную сатиру Дмитріева „Чужой Толкъ" — и вы еще лучше поймете, что наши классики разумѣли подъ mens divinior. Хотя многія изъ первыхъ произведеній Пушкина (какъ, напримѣръ, „Черная Шаль", „Наполеонъ", „Андрей Шенье") не чужды декламаціи и риторической напряженности, но для нашихъ классиковъ этого было мало: они не могли увидѣть въ Пушкинѣ mens divinior, — такъ привыкли они къ напыщенной пустотѣ одописи своего времени! Посмотрите, изъ чего хлопотали бывало: изъ названій, изъ словъ, „ода, кантата, пѣснь" и т. п. Мы сами слышали однажды, какъ глава классическихъ критиковъ, почтенный, умный и даровитый Мерзляковъ, сказалъ съ каѳедры: „Пушкинъ пишетъ хорошо, но, Бога ради, не называйте его сочиненій поэмами!" Подъ словомъ „поэма" классики привыкли видѣть что-то чрезвычайно важное. Съ „кантатами" ихъ познакомили Дюкренъ и Жанъ-Батистъ Руссо: стало-быть, то уже не кантата, что не было рабской копіей съ какой-нибудь кантаты этихъ двухъ риторовъ-стихотворцевъ. И какимъ образомъ страсти безвѣстнаго человѣка могли быть предметомъ такого высокаго рода поэзіи, какъ кантата? — съ нихъ было бы за глаза довольно и нѣжной пѣсенки вродѣ: „Стонетъ сизый голубочекъ": вѣдь, въ залы входитъ только господа, а слуги остаются въ переднѣй! Въ то время высокій священный санъ человѣка не признавался ни за что: человѣкъ считался тогда не только публичнымъ [illegible]

нія, но и простого канцеляриста. Какъ же можно было видѣть равнодушно, что талантливый композиторъ тратитъ сокровища музыки на чувство какого-то армянина..

А между тѣмъ бутырскіе классики были близки и къ тому, чтобы увидѣть въ Жуковскомъ истиннаго своего врага, какъ это можно замѣтить изъ слѣдующихъ строкъ:

„Будучи однимъ изъ почитателей (но не слѣпыхъ и раболѣпныхъ) таланта нашего отличнаго стихотворца В. А. Жуковскаго, я такъ же, какъ и прочіе мои соотечественники, восхищался многими прекрасными его произведеніями. Такъ, м. г. м., и я, хотя не имѣю чести быть орлиной породы, смѣлъ прямо смотрѣть на солнце, любовался блескомъ его и согрѣвался живительной его теплотой до тѣхъ поръ, пока западные, чужеземные *туманы и мраки* не обложили его и не заслонили свѣтъ его отъ слабыхъ глазъ моихъ, слабыхъ потому, что не могутъ видѣть свѣта сквозь мракъ и туманъ. Говоря языкомъ общепонятнымъ, я съ восхищеніемъ читалъ и перечитывалъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ" переводъ Греевой элегіи, „Людмилу", „Свѣтлану", „Эолову Арфу", многія мѣста изъ „Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ" и разныя другія стихотворенія Жуковскаго. Но съ нѣкотораго времени, когда имя его стало появляться подъ стихотвореніями, въ которыхъ все нѣмецкое, кромѣ буквъ и словъ,—восторгъ и удивленіе во мнѣ уступили мѣсто сожалѣнію о томъ, что стихотворецъ съ такими превосходными дарованіями оставилъ красоты и приличія языка: оставилъ тѣ средства, которыми онъ усыновилъ русскимъ „Людмилу", „Ахилла" и столько другихъ произведеній словесности чужестранной... оставилъ, и для чего же? Чтобы ввести въ нашъ языкъ обороты, блестки ума и безсмыслицу выспренность нѣмецкихъ нѣмцевъ стихотворцевъ-мистиковъ! Если первыя баллады Жуковскаго породили толпу подражателей, которые только жалкимъ образомъ его передразнивали, не умѣя подражать красотамъ, разсыпаннымъ щедрой рукой въ прежнихъ его произведеніяхъ,—то мудрено ли, что теперь люди съ превосходными дарованіями или вовсе и безъ дарованій съ жадностью подражаютъ въ немъ тому, что находятъ по своимъ силамъ?.. Истинный талантъ долженъ принадлежать своему отечеству: человѣкъ, одаренный таковымъ талантомъ, если избираетъ поприщемъ своимъ словесность, долженъ возвысить славу природнаго языка своего, раскрыть его сокровища и обогатить оборотами и выраженіями ему свойственными: геній имѣетъ даже право вводить новые, но не иноплеменные, и никогда не выпускать изъ виду свойства и приличія языка отечественнаго". (*„В. Е."* 1821, *т. CXVII, стр.* 19—21).

Но и тутъ, ясно, привычка помѣшала увидѣть дѣло такъ, какъ оно было: бумажный классикъ не видѣлъ романтизма въ самыхъ ультра-романтическихъ пѣсняхъ Жуковскаго, какова: „Людмила", „Свѣтлана", „Эолова Арфа", „Двѣнадцать Спящихъ Дѣвъ", но увидѣлъ его въ позднѣйшихъ, лучшихъ и по содержанію, и по формѣ, произведеніяхъ Жуковскаго. Подлинно, въ младенческое время литературы и старцы поневолѣ бываютъ дѣтьми.

Восторги, возбужденные „Русланомъ и Людмилой", равно какъ и необыкновенный успѣхъ этой поэмы, несмотря на всю дѣтскость ея достоинствъ, гораздо естественнѣе и понятнѣе, чѣмъ яростныя нападки на нее бумажныхъ классиковъ. Не говоря уже о томъ, что всякая удачная новость ослѣпляетъ глаза, въ „Русланѣ и Людмилѣ" русская поэзія дѣйствительно сдѣлала огромный шагъ впередъ, особенно со стороны техническои. Всѣ восхищались ея прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно-поэтическими, граціозной шуткой, разсказомъ плавнымъ, увлекательнымъ, живымъ и быстрымъ, всей этой игривой затѣйливостью, шаловливостью и причудливостью арабесковъ въ характерахъ и событіяхъ, и никому не приходило въ голову требовать отъ этой поэмы народности, въ которой обличалось ея заглавіе и самое содержаніе, естественности, поэтическои мысли, вполнѣ художественнои отдѣлки. Образца для нея не было на русскомъ языкѣ, а если и были прежде попытки въ этомъ родѣ, то такія ничтожныя, что сравненіе съ ними не могло бы сбавить цѣны съ „Руслана и Людмилы". У того изъ прежнихъ поэтовъ можно было найти стихи, подобные напримѣръ этимъ:

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и почную-
Лампаду зажигаетъ Хель.
Свершились милыя надежды;
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры...
Ни слышитель влюбленный шопотъ

г. Тюмень.

И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?..

Или:

Но прежде юношу ведутъ
Къ *великолѣпной русской банѣ.*
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряныя чаны,
И брызжутъ хладные фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ,
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ пная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ,
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Конечно, теперь смѣшно заблужденіе людей того времени, которые въ „Русланѣ и Людмилѣ" думали видѣть поэтическое воссозданіе народно-русскаго сказочнаго міра; но въ двадцатыхъ годахъ, право, немудрено было, въ первый разъ читая такіе стихи, до того увлечься ими, чтобъ въ описаніи какой-то небывалой, фантастической бани увидѣть „великолѣпную русскую" баню. Кому не извѣстно великолѣпіе нашихъ бань, гдѣ въ такомъ употребленіи „сокъ весеннихъ розъ", а „вѣтви молодыхъ березъ" прозаически называются вѣниками?

Эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“ исполненъ элегической поэзіи; но, какъ и прологъ къ этой же поэмѣ, онъ, если не ошибаемся, былъ написанъ послѣ ея; при ней же явился только во второмъ ея изданіи, въ 1828 году.

Потому ли, что изумительные успѣхи Пушкина и быстрый ходъ его распространяющейся славы слишкомъ озадачили бугырныхъ критиковъ и классиковъ, или потому, что они уже сами начали привыкать къ поэзіи Пушкина, — только противъ „Кавказскаго Плѣнника“ уже почти совсѣмъ не было воплей, а, напротивъ, ему раздавались вездѣ только хвалебные гимны. Даже въ „Вѣстникѣ Европы“ 1823 года была помѣщена похвальная критика этой поэмы (вышедшей въ 1822 году). Эта критика особенно замѣчательна и въ свое время весьма прославилась тѣмъ, что ея сочинитель, при всемъ своемъ стараніи и усердіи, никакъ не могъ догадаться, что сдѣлалось съ черкешенкой и что означаютъ эти прекрасные поэтическіе стихи:

Вдругъ волны глухо зашумѣли
И слышенъ отдаленный стонъ.
На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... *брега яснѣли*
И опьяненные бѣльли;
Но нѣтъ черкешенки младой
Ни у береговъ ни подъ горой...
Все мертво. . на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ волнахъ блеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

Такова была тогда привычка къ прозаичности прежней поэзіи, что слишкомъ поэтическій, и потому уже самому слишкомъ ясный оборотъ, назывался темнымъ и непредѣленнымъ. Да, Пушкину предстоялъ подвигъ — воспитать и развить въ русскомъ обществѣ чувство изящнаго, способность понимать художество, — и онъ вполнѣ совершилъ этотъ великій подвигъ!

„Кавказскій Плѣнникъ“ былъ принятъ публикою еще съ бо́льшимъ восторгомъ, чѣмъ „Руслань и Людмила“, и, надо сказать, эта маленькая поэма вполнѣ достойна была

того пріема, которымъ ее встрѣтили. Въ ней Пушкинъ явился вполнѣ представителемъ своей эпохи: „Кавказскій Плѣнникъ" насквозь проникнутъ ея духомъ. Впрочемъ, поэзія этой поэмы — двойственная: поэтъ былъ равно увлеченъ двумя предметами — поэтическою жизнью дикихъ и вольныхъ горцевъ, и потомъ — элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнью. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Гранціозный образъ Кавказа съ его волшебными дѣтями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русскою поэзіею, и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію. Мы говоримъ „въ первый разъ": ибо какихъ-нибудь пять строфъ, довольно прозаическихъ, посвященныхъ державинскому изображенію Кавказа, и отрывка изъ посланія Жуковскаго къ Воейкову, посвященнаго тоже довольно прозаическому описанію (въ стихахъ) Кавказа, слишкомъ недостаточно для того, чтобы получить какое-нибудь приблизительное понятіе объ этой поэтической сторонѣ. Мы вѣримъ, что Пушкинъ съ добрымъ намѣреніемъ выписалъ въ примѣчаніяхъ къ своей поэмѣ стихи Державина и Жуковскаго, и съ полной искренностью, отъ чистаго сердца, хвалитъ ихъ: но тѣмъ не менѣе онъ оказалъ имъ черезъ это слишкомъ плохую услугу: ибо послѣ его неоцѣненныхъ творческою жизнію картинъ Кавказа никто не повѣритъ, чтобъ въ тѣхъ выпискахъ было что-то о томъ же предметѣ. Мы не будемъ выписывать изъ поэмы Пушкина картинъ Кавказа и горцевъ: кто не знаетъ ихъ наизусть? Скажемъ только, что, несмотря на всю нерѣзкость таланта, которая такъ часто проглядываетъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ", несмотря на слишкомъ юношеское отсутствіе дѣйствія, горы и долины ихъ обитателей, — многія картины Кавказа въ этой поэмѣ и теперь еще не потеряли своей поэтической прелести. Принимаясь за „Кавказскаго Плѣнника" съ горячимъ намѣреніемъ снова перечитывать его, мы невольно увлекаемся имъ, перечитываемъ его до конца и говоримъ: „Нѣтъ, это не то, не то,

и однакожь такъ хорошо!" Какое же дѣйствіе должны были произвести на русскую публику эти живыя, яркія, великолѣпно-роскошныя картины Кавказа при первомъ появленіи въ свѣтъ поэмы! Съ тѣхъ поръ съ легкой руки Пушкина, Кавказъ сдѣлался для русскихъ завѣтной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзіи, страной кипучей жизни, и смѣлыхъ мечтаній! Муза Пушкина какъ бы освятила давно уже на дѣлѣ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоцѣнной кровью сыновъ ея и подвигами ея героевъ. И Кавказъ—эта колыбель поэзіи Пушкина сдѣлался потомъ и колыбелью поэзіи Лермонтова...

Какъ истинный поэтъ, Пушкинъ не могъ описаній Кавказа вмѣстить въ свою поэму, какъ эпизодъ кстати: это было бы слишкомъ дидактическое, а, слѣдовательно, и прозаическое, и потому онъ тѣсно связалъ свои живыя картины Кавказа съ дѣйствіемъ поэмы. Онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, но передаетъ ихъ, какъ впечатлѣнія и наблюденія пѣвца—героя поэмы, и отъ того онѣ имѣютъ особенной жизнью, какъ будто самъ читатель видитъ ихъ собственными глазами на самомъ мѣстѣ. Кто былъ на Кавказѣ, тотъ не можетъ не удивляться вѣрности картинъ Пушкина: взгляните хотя съ возвышенностей, при которыхъ стоитъ Пятигорскъ, на отдаленную цѣпь горъ, — и вы невольно повторите мысленно эти стихи, о которыхъ вамъ можетъ быть не случалось вспоминать цѣлые годы:

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двухглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбурсъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Описаніе дикой воли, разбойническаго героизма и домашней жизни горцевъ — дышатъ чертами ярко вѣрными. Но Черкешенка, связывающая собою обѣ половины поэмы, есть лицо совершенно идеальное, и только внѣшнимъ образомъ

ьѣрное дѣйствительности. Въ изображеніи черкешенки особенно высказалась вся незрѣлость, вся юность таланта Пушкина въ то время. Самое положеніе, въ которое поставилъ поэтъ два главныя лица своей поэмы, черкешенку и плѣнника,—это положеніе, наболѣе плѣнившее публику, отзывается мелодрамой, и можетъ быть по тому самому такъ сильно увлекло самого молодого поэта. Но — такова сила истиннаго таланта! при всей театральности положенія, на которомъ завязанъ узелъ поэмы, при всей его безцвѣтности въ отношеніи къ дѣйствительности — въ рѣчахъ черкешенки и плѣнника столько элегической истины чувства, столько сердечности, столько страсти и страданія, что ничѣмъ нельзя оградиться отъ ихъ обаятельнаго увлеченія, при самомъ ясномъ сознаніи въ то же время, что на всемъ этомъ лежитъ печать какой-то дѣтскости. Съ особенной силой дѣйствуетъ на душу читателя сцена освобожденія плѣнника черкешенкой, и эти стихи—

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ...

Чувство свободы борется въ этой сценѣ съ грустью по судьбѣ черкешенки: вы понимаете, что, неполнившимъ этого чувства свободы, плѣнникъ не могъ не предложить своей освободительницѣ того, въ чемъ прежде такъ основательно и благородно отказывалъ ей: но вы понимаете также, что это только порывъ, и что черкешенка, наученная страданіемъ, не могла увлечься этимъ порывомъ. И, несмотря на всю грусть вашу о погибшей красавицѣ, мученическая смерть которой нарисована такъ поэтически, вы чувствуете, что грудь ваша дышитъ свободнѣе по мѣрѣ того, какъ плѣннику въ туманѣ начинаютъ сверкать русскіе штыки, а до его слуха доходятъ клики сторожевыхъ казаковъ.

Но что же такое этотъ плѣнникъ?—Это вторая половина двойственнаго содержанія и двойственнаго пафоса поэмы: этому лицу поэма обязана своимъ успѣхомъ не меньше,

если не больше, чѣмъ яркимъ краскамъ Кавказа. Плѣнинъ это „герой того времени". Тогдашніе критики справедливо находили въ этомъ лицѣ и неопредѣленность и противорѣчивость съ самимъ собой, которыя дѣлали его какъ бы безличнымъ: но они не поняли, что черезъ это-то именно характеръ пѣѣшника и возбудилъ собой такой восторгъ въ публикѣ. Молодые люди особенно были восхищены имъ, потому что каждый видѣлъ въ немъ болѣе или менѣе свое собственное отраженіе. Эта тоска юношей по своей утраченной юности, это разочарованіе, которому не предшествовали никакія очарованія, эта апатія души во время ея сильнѣйшей дѣятельности, это кипѣніе крови при душевномъ холодѣ, это чувство пресыщенія, послѣдовавшее не за роскошнымъ пиромъ жизни, а смѣнившее собой голодъ и жажду, эта жажда дѣятельности, проявляющаяся въ совершенномъ бездѣйствіи и апатической лѣни, словомъ, эта старость прежде юности, эта дряхлость прежде силы, все это — черты „героевъ нашего времени" со временъ Пушкина. Но не Пушкинъ родилъ или выдумалъ ихъ: онъ только первый указалъ на нихъ, потому что они уже начали показываться еще до него, а при немъ ихъ было уже много. Они не случайное, но необходимое, хотя и печальное явленіе. Почва этихъ жалкихъ пустоцвѣтовъ не поэзія Пушкина или чья бы то ни было, но общество. Это оттого, что общество живетъ и развивается какъ всякій индивидуумъ: у него есть свои эпохи младенчества, отрочества, юношества, возмужалости, а иногда — и старости. Поэзія русская до Пушкина была отголоскомъ, выраженіемъ младенчества русскаго общества. И потому это была поэзія до наивности невинная: она гремѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжные стишки къ милымъ и была совершенно счастлива этими идиллическими занятіями. Дѣйствительностью ея была мечта, а потому ея дѣйствительность была самая аркадская, въ которой невинное блеяніе барашковъ, воркованіе голубковъ, поцѣлуи пастушковъ и пастушекъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только не менѣе невинными восклицаніями: „ахъ" или „о ты, сѣятель

добродѣтель!“ и т. п. Даже романтизмъ того времени былъ такъ наивно-невиненъ, что искалъ эффектовъ на кладбищахъ и пересказывалъ съ восторгомъ старыя бабьи сказки о мертвецахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, колдуньяхъ, о дѣвѣ, которая на судьбу заживо увезенной мертвымъ женихомъ въ могилу, и тому подобные невинные пустяки. Въ трагедіи тогдашняя поэзія очень пристойно выплясывала чинный менуэтъ, дѣлая изъ Донского какого-то крикуна въ римской тогѣ. Въ комедіи она преслѣдовала именно тѣ пороки и нелѣпости общества, которыхъ въ обществѣ не было, и не дотрогивалась именно до тѣхъ, которыми оно было полно, — такъ что комедіи Фонвизина являются въ этомъ отношеніи какими-то исключеніями изъ общаго правила. Въ сатирѣ тогдашняя поэзія нападала скорѣе на пороки древне-греческаго и римскаго или старо-французскаго общества, чѣмъ русскаго. Невинность была всесовершенная, а отсюда, разумѣется, эта поэзія была и нравственной въ высшей степени. Общество пило, ѣло, веселилось. По завѣтамъ нашихъ стариковъ, тогда не по-нынѣшнему умѣли веселиться, и передъ неутомимыми плясунами тогдашняго времени самые заторные нынѣшніе танцоры — просто старики, которые похоронымъ маршемъ выступаютъ тамъ, гдѣ бы надо было вывертывать ногами и выстукивать каблуками такъ, чтобъ полъ трещалъ и окна дрожали. Быть безусловно счастливымъ, это — привилегія младенчества. Младенецъ играетъ жизнью — плещется въ ея свѣтлой волнѣ и безотчетно побѣгаетъ брызгами, которыя производятъ его рѣзвыя движенія: онъ всѣмъ восхищается, все находитъ лучшимъ, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ,—и если ему скоро надоѣдаетъ одна игрушка, то такъ же скоро и нравится его другая. Не таковъ уже возрастъ отрочества — переходъ отъ дѣтства къ юношеству. Правда, и тутъ человѣкъ все еще играетъ въ игрушки, но уже не тѣ игрушки: мѣняетъ ихъ одна на другую, онъ уже сравниваетъ ихъ съ своимъ идеаломъ, и ему грустно, когда онъ не находитъ существенія своего неопредѣленнаго желанія, въ которомъ самъ себѣ не можетъ дать отчета. Лишеніе игрушки — для

него горе, ибо оно есть уже утрата надежды, потеря сердца. Съ юношествомъ эта жизнь сердца и ума вспыхиваетъ полнымъ пламенемъ, и страсти вступаютъ въ борьбу съ сомнѣніемъ. Тутъ много радостей, но столько же, если не больше, и горя: ибо полное счастье только въ непосредственности бытія: отрочество есть начало пробужденія, а юность — полное пробужденіе сознанія, корень котораго всегда горекъ: сладкіе же плоды его — для будущихъ поколѣній, какъ богатое и выстраданное наслѣдіе отъ предковъ потомкамъ...

„Кавказскій Плѣнникъ" Пушкина — „есть общество въ періодѣ его отрочества и почти на переходѣ изъ отрочества въ юношество. Главное лицо его поэмы было полнымъ выраженіемъ этого состоянія общества. И Пушкинъ былъ самъ этимъ плѣнникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ произведеніи идеалъ, мучившій поэта, какъ его собственныя недуги, — для поэта значитъ навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ": слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ. Тѣмъ-то Пушкинъ, какъ великій поэтъ, и отличался отъ толпы своихъ подражателей, что, не имѣвшія сущности своего направленія, всегда крѣпко держась дѣйствительности, которой былъ органомъ, всегда говорилъ новое, между тѣмъ какъ его подражатели и теперь еще хриплыми голосами допѣваютъ свои старыя и всѣмъ надоѣвшія пѣсни. Въ этомъ отношеніи „Кавказскій Плѣнникъ" есть поэма историческая. Читая ее, вы чувствуете, что она могла быть написана только въ извѣстное время, и подъ этимъ условіемъ она всегда будетъ казаться прекрасной. Если-бъ въ наше время даровитый поэтъ написалъ поэму въ духѣ и тонѣ „Кавказскаго Плѣнника", она была бы безусловно ничтожнѣйшимъ произведеніемъ, хотя бы въ художественномъ отношеніи и далеко превосходила Пушкинскаго „Кавказскаго Плѣнника". Но-

торый въ сравненіи съ ней все бы остался такъ же хорошъ, какъ и безъ нея.

Лучшая критика, какая когда-либо была написана на „Кавказскаго Плѣнника", принадлежитъ самому же Пушкину Въ статьѣ его „Путешествіе въ Арзерумъ" находятся слѣдующія слова, написанныя имъ черезъ семь лѣтъ послѣ изданія „Кавказскаго Плѣнника": „Здѣсь напечатъ я измаранный списокъ „Кавказскаго Плѣнника" и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно: но многое угадано и выражено вѣрно". Не знаемъ, къ какому времени относится слѣдующее сужденіе Пушкина о „Кавказскомъ Плѣнникѣ", но оно очень интересно, какъ фактъ, доказывающій, какъ смѣло умѣлъ Пушкинъ смотрѣть на свои произведенія: „Кавказскій Плѣнникъ" — первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ: онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Н. и А. Р., и я мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись" Слова: „характеръ, съ которымъ я насилу сладилъ" особенно замѣчательны: они показываютъ, что поэтъ силился изобразить вић себя (объективировать) настоящее состояніе своего духа, и потому самому не могъ вполнѣ этого сдѣлать.

Въ художественномъ отношеніи „Кавказскій Плѣнникъ" принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Пушкина, въ которыхъ онъ является еще учеником, а не мастеромъ поэзіи. Стихи прекрасны, исполнены жизни, движенія, много поэзіи, но еще нѣтъ художества. Созерцаніе всегда бываетъ соотвѣтственно формѣ, и наоборотъ: недостатки одного тѣсно связаны съ недостатками другой, и наоборотъ Въ отдѣлкѣ стиховъ „Кавказскаго Плѣнника" замѣтно еще, хотя и меньше, чѣмъ въ „Русланѣ и Людмилѣ", вліяніе старой школы Встрѣчаются неточныя выраженія, какъ напримѣръ въ стихѣ: „Ударя шашекъ ихъ жестокихъ", или „Гдѣ обнялъ грозное страданье": попадаются слова: глава, младой, власы. Вступленіе нѣсколько тяжеловато, какъ и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ"; но слабыхъ

стиховъ вообще мало, а оборотовъ прозаическихъ почти совсѣмъ нѣтъ, поэзія выраженія почти вездѣ необыкновенно богата. Какъ фактъ для сравненія поэзіи Пушкина вообще съ предшествовавшей ему поэзіей, укажемъ на то, какъ поэтически выражено въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ самое прозаическое понятіе, что черкешенка учила плѣнника языку ея родины:

Съ неясной рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.

Нѣкоторыя выраженія исполнены мысли, и многія мѣста отличаются поразительной вѣрностью дѣйствительности времени, котораго нѣвцомъ и выразителемъ былъ поэтъ. Примѣръ того и другого представляютъ эти прекрасные стихи:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
Узналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ!
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, духъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Въ этихъ немногихъ стихахъ слишкомъ много сказано. Это краткая, но рѣзко-характеристическая картина пробудившагося сознанія общества въ лицѣ одного изъ его представителей. Проснулось сознаніе, и все, что люди почитаютъ хорошимъ по привычкѣ, тяжело пало на душу человѣка, и онъ въ явной враждѣ съ окружающей его дѣйствительностью, въ борьбѣ съ самимъ собой: недовольный ничѣмъ, во всемъ видя призраки, онъ летитъ вдаль за новымъ разочарованіемъ... Сколько мысли въ выраженіи: „быть жертвой простодушной клеветы“! Вѣдь, клевета

не всегда бываетъ дѣйствіемъ злобы: чаще всего она бываетъ плодомъ невиннаго желанія развѣяться занимательнымъ разговоромъ, а иногда и плодомъ доброжелательства и участія столь же искренняго, сколько и неловкаго. И все это вмѣстѣ умѣлъ выразить однимъ смѣлымъ эпитетомъ! Такихъ эпитетовъ у Пушкина много, и только у него одного впервые начали являться такіе эпитеты!

По мнѣнію Пушкина, „Бахчисарайскій Фонтанъ" слабѣе „Кавказскаго Плѣнника": съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ" (вышедшемъ въ 1824 году) замѣтенъ значительный шагъ впередъ со стороны формы: стихъ лучше, поэзія роскошнѣе, благоуханнѣе. Въ основѣ этой поэмы лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть вполнѣ-силу только вполнѣ развившемуся и возмужавшему таланту: очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею и, можетъ быть, отъ того-то и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ. Въ дикомъ татаринѣ, пресыщенномъ гаремной любовью, вдругъ вспыхиваетъ болѣе человѣческое и высокое чувство къ женщинѣ, которая чужда всего, что составляетъ прелесть владыки и что можетъ плѣнять вкусъ азіатскаго варвара. Въ Маріи - все европейское, романтическое: это—„дѣва среднихъ вѣковъ, существо кроткое, скромное, дѣтски-благочестивое. И чувство, невольно внушенное ею Гирею, есть чувство романтическое, рыцарское, которое перевернуло вверхъ дномъ татарскую натуру деспота-разбойника. Самъ не понимая, какъ, почему и для чего, онъ уважаетъ святыню этой беззащитной красоты, онъ варваръ, для котораго взаимность женщины никогда не была необходимымъ условіемъ истиннаго наслажденія, — онъ ведетъ себя въ отношеніи къ ней почти такъ, какъ паладинъ среднихъ вѣковъ:

Гирей несчастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ;
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ

Ни днемъ ни ночью къ ней не входитъ,
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ,
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей;
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой.
Гарема въ дальномъ отдаленьи
Позволено ей жить одной:
И мнится, въ томъ уединеньи
Сокрылся нѣкто неземной.

Бо́льшаго отъ татарина нельзя и требовать. Но Марія была убита ревнивой Заремой. Ныть и Заремы:

. . . . . она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая-бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Смертью Маріи не окончились для хана муки неразъ-ленной любви:

Дворецъ угрюмый опустѣлъ.
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ:
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ.
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Вѣрно ли: Марія была всю жизнь Гирея: встрѣча съ нею была для него мiгомъ перерожденія, и онъ отъ

новаго, невѣдомаго ему чувства, вдохнутаго ею, еще не сдѣлался человѣкомъ, то уже животное въ немъ умерло, и онъ пересталъ быть татаришкомъ comme il faut. Итакъ, мысль поэмы—перерожденіе (если не просвѣтлѣніе) дикой души черезъ высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая! Но молодой поэтъ не справился съ нею, и характеръ его поэмы въ ея самыхъ патетическихъ мѣстахъ является мелодраматическимъ. Хотя самъ Пушкинъ находилъ, что „сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство", тѣмъ не менѣе ясно, что въ этомъ драматизмѣ проглядываетъ мелодраматизмъ. Въ монологѣ Заремы есть эта аффектація, это театральное наступленіе страсти, въ которыя всегда впадаютъ молодые поэты и которыя всегда восхищаютъ молодыхъ людей. Если хотите, эта сцена обнаружила тогда сильные драматическіе элементы въ талантѣ молодого поэта, но не болѣе, какъ элементы, развитія которыхъ слѣдовало ожидать въ будущемъ. Такъ въ эффектной картинѣ молодого художника опытный взглядъ знатока видитъ несомнѣнный залогъ будущаго великаго живописца, несмотря на то, что картина сама по себѣ не многаго стóитъ: такъ молодой даровитый трагическій актеръ не можетъ скрыть крикомъ и рѣзкостью своихъ жестовъ избытка огня и страсти, которые кипятъ въ его душѣ, но для выраженія которыхъ онъ не выработалъ еще простой и естественной манеры. И потому мы гораздо больше согласны съ Пушкинымъ касательно его мнѣнія насчетъ стиховъ: „Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ" и пр. Вотъ что говоритъ онъ о нихъ: „А. Р. хохоталъ надъ слѣдующими стихами (NB мы выписали ихъ выше)... Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами, и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама".

Несмотря на то, въ поэмѣ много частностей обаятельно прекрасныхъ. Портреты Заремы и Маріи (особенно Маріи) прелестны, хотя въ нихъ и проглядываетъ наивность нѣсколько юношескаго одушевленія. Но лучшая сторона поэмы—это описанія или, лучше сказать, живыя картины магоме-

таискаго Крыма: онѣ и теперь чрезвычайно увлекательны. Въ нихъ нѣтъ этого элемента высокости, который такъ проглядываетъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа. Но онѣ непобѣдимо очаровываютъ этой кроткой и роскошной поэзіей, которыми запечатлѣна соблазнительно-прекрасная природа Тавриды: краски нашего поэта всегда вѣрны мѣстности. Картина гарема, дѣтскія шаловливыя забавы лѣнивой и уныло-однообразной жизни одалискъ, татарская пѣсня — все это и теперь еще такъ живо, такъ свѣжо, такъ обаятельно! Что за роскошь поэзіи, напримѣръ, въ этихъ стихахъ:

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ,
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье темное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.

Описаніе евнуха, прислушивающагося подозрительнымъ слухомъ къ малѣйшему шороху, какъ-то чудно сливается съ картиной этой фантастически-прекрасной природы, и музыкальность стиховъ, сладострастіе созвучій нѣжатъ и лелѣютъ очарованное ухо читателя:

Но все вокругъ него молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ...

Здѣсь даже неправильныя усѣченія не портятъ стиховъ. И какой истинно-лирической выходкой, исполненной пѣсни, замыкаются эти роскошно-сладострастныя картины волшебной природы Востока:

Какъ милы томныя красы
Ночей роскошнаго Востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины,
И вдохновеній сладострастныхъ!

При этой роскоши и пестрящемся сладости поэзіи, которыми такъ богатъ „Бахчисарайскій Фонтанъ", въ немъ нѣтъ еще той легкой, свѣтлой грусти, той поэтической задумчивости, навѣянной на поэта чудно-прозрачными и благоухающими ночами Востока, и поэтической мечтой, которую возбудило въ немъ преданіе о таинственномъ фонтанѣ во дворцѣ Гиреевъ. Описаніе этого фонтана дышитъ глубокимъ чувствомъ:

Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Слѣдующіе стихи (по нашему) составляютъ превосходный музыкальный финалъ поэмы и полны чувства, они сосредоточиваютъ въ себѣ всю силу впечатлѣнія, которое хотѣлъ оставить въ душѣ читателя чтеніе цѣлой поэмы: въ нихъ и роскошь поэтическихъ красотъ, и легкая, свѣтлая, отрадная грусть, такъ бы навѣянная всѣмъ ея содержаніемъ, „Фонтаномъ Слезъ" и предстоящимъ разставаньемъ, [illegible] Гармонія послѣднихъ шести стиховъ упоительна:

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

Вообще „Бахчисарайскій Фонтанъ" — роскошно-поэтическая мечта юноши, и отпечатокъ юности лежитъ равно и на недостаткахъ его и на достоинствахъ. Во всякомъ случаѣ, это — прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи, и роскошь щедрой рукой разбросанныхъ красокъ — строгую отчетливость выполненія.

Теперь намъ предстоитъ говорить о поэмѣ, которая была поворотнымъ кругомъ уже созрѣвшаго таланта Пушкина на путь истинно-художественной дѣятельности: это — „Цыганы". Въ „Русланѣ и Людмилѣ" Пушкинъ является здоровымъ и шаловливымъ ученикомъ, который во время класса, украдкой отъ учителя, чертитъ затѣйливыя арабески, плоды его причудливой и рѣзвой фантазіи: въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ" и „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ" это — молодой поэтъ, еще неопытными пальцами пробующій извлекать изъ музыкальнаго инструмента самобытные звуки, плоды первыхъ, горячихъ вдохновеній: но въ „Цыганахъ" онъ уже

художникъ, глубоко вглядывающійся въ жизнь и мощно воспѣвшій своимъ геніемъ. „Цыганами" открывается средняя эпоха его поэтической дѣятельности, къ которой мы причисляемъ еще „Евгенія Онѣгина" (первыя шесть главъ), „Полтаву", „Графа Нулина", такъ же какъ съ „Бориса Годунова" начинается послѣдняя, высшая эпоха его вполнѣ возмужавшей художественной дѣятельности, къ которой мы причисляемъ и всѣ поэмы, послѣ его смерти напечатанныя. Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ „Цыганъ", „Полтаву", „Евгенія Онѣгина" и „Графа Нулина", а эту статью заключимъ взглядомъ на „Братьевъ-Разбойниковъ", маленькую поэмку, которую по многимъ отношеніямъ считаемъ престраннымъ явленіемъ.

На первомъ планѣ „Цыганъ", напечатанномъ въ 1827 году, выставлено въ заглавіи: „писано въ 1824 году": то же самое выставлено и въ заглавіи вышедшихъ въ 1827 же году „Братьевъ-Разбойниковъ", которые первоначально были напечатаны въ одномъ альманахѣ 1825 года. Стало-быть, обѣ эти поэмы написаны Пушкинымъ въ одинъ годъ. Это странно, потому что тутъ развивается безмѣрное пространство: „Цыганы" — произведеніе великаго поэта, а „Братья-Разбойники" — не болѣе какъ ученическій опытъ. Въ нихъ все сходно, все напоминаетъ, все мелодраму, и ни въ чемъ нѣтъ зрѣлости, отчего эта поэма очень удобна для изученія. Будь она написана въ одно время съ „Русланомъ и Людмилой", она была бы удивительнымъ фактомъ огромности таланта Пушкина: но въ ней одни общія, рѣзкія и размашистыя, рисовки кистью и стремительности. Но какъ произведеніе, современное „Цыганамъ", эта поэма — непозволительная вещь. Ея разбойники очень похожи на Шиллеровыхъ условныхъ героевъ, взятыхъ изъ піэсы Карла Моора. Хотя по внѣшности событія и видно, что оно могло случиться только въ Россіи. Языкъ рѣзко выдаетъ въ ней старательно-разбойника съ ножомъ въ зубахъ, а поэтическій — съ лирой въ рукахъ. Въ образованныхъ сообществахъ отсутствіе языка, приспособленнаго къ выраженію страстей, — большой недостатокъ. Грекъ былъ разбойникъ и мошо-

логи, обращаемые имъ въ бреду къ брату, — рѣшительно мелодрама. Поэма была даже поэзіей, которой такъ богато все, что ни выходило изъ подъ пера Пушкина, даже „Руслань и Людмила". Есть въ „Братьяхъ-Разбойникахъ" даже плохіе стихи и провинціальные обороты, какъ, напримѣръ: „Мелькъ ними зрится и бѣлѣетъ". „Насъ другъ ко другу приковали".

VII.

Поэмы: „Цыгане", „Полтава", „Графъ Нулинъ".

„Цыгане" были приняты съ общими похвалами, но въ этихъ похвалахъ было что-то робкое, нерѣшительное. Въ новой поэмѣ Пушкина подозрѣвали что-то великое, но не умѣли понять, въ чемъ оно заключалось, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, расплывались въ восклицаніяхъ и не жалѣли знаковъ удивленія. Такъ поступили и журналисты: публика была прямодушнѣе и добросовѣстнѣе. Мы хорошо помнимъ это время, помнимъ, какъ многіе были непріятно разочарованы „Цыганами" и говорили, что „Кавказскій Плѣнникъ" и „Бахчисарайскій Фонтанъ" гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэтъ вдругъ перерось свою публику и однимъ огромнымъ взмахомъ отлетѣлъ на высоту, недоступную для большинства. Въ то время, какъ онъ уже самъ безпощадно смѣялся надъ первыми своими поэмами, его добродушные поклонники еще бредили Плѣнникомъ, Черкешенкою, Заремою, Маріей, Гиреемъ, Орлами-разбойниками, и только по какой-то робости похвалили „Цыганъ", и не боясь окомпрометировать себя, какъ образованныхъ судей изящнаго, или цѣлуя восхищаясь пѣснью Земфиры и сценой убійства. Явный знакъ, что Пушкинъ уже пересталъ быть выразителемъ нравственной настроенности современнаго ему общества, и что отселѣ онъ явился уже воспитателемъ будущихъ поколѣній. Но поколѣнія возникаютъ и образуются не вдругъ, а годами, и поэтому Пушкину не суждено было дождаться воспи-

танныхъ его духомъ поколѣній своихъ истинныхъ судебъ. „Цыганы" произвели какое-то колебаніе въ быстро-возрастающей до того времени славѣ Пушкина: но послѣ „Цыганъ" каждый новый успѣхъ Пушкина былъ новымъ его паденіемъ,—и „Полтава", послѣднія и лучшія главы „Онѣгина", „Борисъ Годуновъ" были приняты публикою холодно, а нѣкоторыми журналистами съ ожесточеніемъ и съ оскорбительными criticами безусловнаго неодобренія.

Перелистуйте журналы того времени и прочтите, что писано было въ нихъ о „Цыганахъ": вы удивитесь какъ можно было такъ мало сказать о столь многомъ! Тутъ найдете только о Байронѣ, о цыганскомъ племени, о небезгрѣшности ремесла конокрадства, объ успѣшномъ развитіи таланта пѣвца „Руслана и Людмилы", удивленіе къ дѣйствительно удивительнымъ частностямъ поэмы, нападки на будто бы прочелій стихъ: „И отъ судебъ защиты нѣтъ", осужденіе будто бы вялаго стиха: „И съ камня на траву свалился" — и многое въ этомъ родѣ: но ни слова ни намека на идею поэмы.

А между тѣмъ поэма заключаетъ въ себѣ глубокую идею, которая большинствомъ была совсѣмъ не понята, а немногими людьми, рѣдкими привѣтствованными поэму, была понята ложно, что особенно и расположило ихъ въ пользу новаго произведенія Пушкина. И послѣднее очень естественно: изъ всего хода поэмы видно, что самъ Пушкинъ думалъ сказать не то, что сказалъ въ самомъ дѣлѣ. Это особенно доказываетъ, что непосредственно творческій элементъ въ Пушкинѣ былъ несравненно сильнѣе мыслительнаго сознательнаго элемента, такъ что ошибки поэта какъ бы безъ вѣдома самого поэта, поправлялись первымъ, и внутренняя логика, разумѣется глубокаго поэтическаго созерцанія сама собою торжествовала надъ неправильностью рефлексіи поэта. Подтвержденіе: „Цыганы" служатъ неопровержимымъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія. Идея „Цыганъ" вся сосредоточена въ героѣ этой поэмы. Алеко. А что хотѣлъ Пушкинъ выразить этимъ лицомъ?— Не трудно отвѣтить: всѣмъ, даже и первымъ, по-

верхностнаго взгляда на поэму, увидитъ, что въ Алеко Пушкинъ хотѣлъ показать образецъ человѣка, который до того проникнутъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, что въ общественномъ устройствѣ видитъ одно только униженіе и позоръ этого достоинства, и потому, проклявъ общество, равнодушный къ жизни, Алеко въ дикой цыганской волѣ ищетъ того, чего не могло дать ему образованное общество, окованное предразсудками и приличіями, добровольно закабалившее себя на унизительное служеніе идолу золота. Вотъ что хотѣлъ Пушкинъ изобразить въ лицѣ своего Алеко: но успѣлъ ли онъ въ этомъ, то ли именно изобразилъ онъ? — Правда, поэтъ настаиваетъ на этой мысли, и была, что поступокъ Алеко съ Земфирой явно ей противорѣчитъ, сваливаетъ всю вину на „роковыя страсти, живущія подъ разодранными шатрами", и на „судьбы, отъ которыхъ нигдѣ нѣтъ защиты". Но весь ходъ поэмы, ея развязка и особенно играющее въ ней важную роль лицо стараго цыгана неоспоримо показываютъ, что, желая и думая изъ этой поэмы создать апоѳеозу Алеко, какъ поборника правъ человѣческаго достоинства, поэтъ вмѣсто этого сдѣлалъ страшную сатиру на него и на подобныхъ ему людей, и что надъ нимъ судъ неумолимо трагическій и вмѣстѣ съ тѣмъ горько ироническій.

Кому не случалось встрѣчать въ обществѣ людей, которые изъ всѣхъ силъ бьются прослыть такъ называемыми „либералами" и которые достигаютъ не болѣе, какъ незавидной прозвища жалкихъ крикуновъ? Это люди всегда поражаютъ наблюдателя самымъ простодушнымъ, самымъ комическимъ противорѣчіемъ своихъ словъ съ поступками. Много можно было бы сказать объ этихъ людяхъ характеристическаго, тѣмъ такъ рѣзко отличаются они отъ всѣхъ другихъ людей: но мы предпочитаемъ воспользоваться здѣсь чужой, уже готовой характеристикой, которая соединяетъ въ себѣ два драгоцѣнныя качества—краткость и полноту: мы говоримъ объ этихъ удачныхъ стихахъ покойнаго Дениса Давыдова:

А глядишь—нашъ Мирабо
Стараго Гаврилу,
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ да въ рыло:
А глядишь—нашъ Лафаэтъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужичковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Такіе люди, конечно, смѣшны, и съ нихъ довольно легонькаго водевиля или сатирической пѣсенки, ловко сложенной Давыдовымъ: но поэмы они не стоятъ. Никакъ нельзя сказать, чтобъ Алеко Пушкина былъ изъ этихъ людей, но и нельзя также сказать, чтобъ онъ не былъ имъ сродни. Великая мысль является въ „Цыганахъ" поэтически — комически и трагически, смотря по личнымъ качествамъ людей, въ которыхъ она выражается. Дурная страсть въ человѣкѣ пустомъ или слабомъ, какъ Гуанасъ, отвратительна, какъ мерзость; дурная страсть въ человѣкѣ съ характеромъ и умомъ, какъ Отелло, первая наказывается хохотомъ или презрѣніемъ, смѣшаннымъ съ омерзѣніемъ: вторая служитъ для людей трагическимъ урокомъ, потрясающимъ душу. Вотъ почему для первой довольно легонькаго водевиля или сатирической пѣсенки, много-много, если комедіи: для второй нужна сатира Барбье, и онъ не потрудился даже драпія Шекспира. Глупецъ, который корчитъ изъ себя Мирабо, есть не что иное, какъ маленькій уродецъ, который не любитъ для себя тѣхъ самыхъ отвлеченныхъ формъ, которыми любитъ душить другихъ. Дайте этому уродцу огромный объемъ, придайте къ нему большой умъ, сильныя страсти, способность глубоко понимать и чувствовать всякую истину, пока она не противорѣчитъ ему, и перетрите вами весь Алеко, такимъ создалъ его Пушкинъ. Не страсти погубили Алеко. „Страсти" — слишкомъ неопредѣленное слово, пока вы не назовете ихъ по именамъ. Алеко погубила одна страсть, и эта страсть — эгоизмъ! Простите же Алеко въ развязкѣ этой поэмы, и вы увидите, что мы правы.

Привезя встрѣченнаго съ хохотомъ, полнымъ пьянаго

табора, Алеко, Земфира говоритъ своему отцу между прочимъ:

Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ.

Въ этихъ словахъ Алеко является еще только таинственнымъ, загадочнымъ лицомъ, не болѣе; для безпристрастной наблюдательности онъ еще не можетъ показаться ни преступникомъ вслѣдствіе эгоизма, ни жертвой несправедливаго гоненія, и только мелкій либерализмъ, въ своей поверхности, готовъ сразу принять его за мученика идеи. Но вотъ таборъ снялся; Алеко уныло смотритъ на опустѣлое поле и не смѣетъ растолковать себѣ тайной причины своей грусти. Онъ, наконецъ, воленъ какъ Божья птичка, солнце весело блещетъ надъ его головой: о чемъ же его тоска? Поэтъ пророчитъ ему, что страсти, нѣкогда такъ свирѣпо игравшія имъ, только на время примирѣли въ его измученной груди и что скоро онѣ снова проснутся... Опять страсти! но какія же? А вотъ увидимъ...

Можетъ быть, Алеко только вигѣшнимъ образомъ, по чувству досады, разорвалъ связи съ образованнымъ обществомъ, и ему тяжка исполненная лишеній дикая воля бѣднаго бродящаго племени, ибо, какъ мудро замѣтилъ ему старый цыганъ,

. . . Не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.

Нѣтъ! черноокая Земфира заставила его полюбить эту жизнь, въ которой

Все скудно, дико, все нестройно;
Но все-такъ живо-неспокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

И когда Земфира спросила его, не жалѣетъ ли онъ о томъ, что навсегда бросилъ, —Алеко отвѣчаетъ:

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!

Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Какой энергическій, полный мощнаго негодованія голосъ! какая пламенная, вся проникнутая благороднымъ паѳосомъ рѣчь! Съ какой неотразимой силой увлекаетъ душу это пророчески обвинительное, страшнымъ судомъ гремящее слово! Прислушиваясь къ нему, не можешь не вѣрить, чтобъ человѣкъ, обладающій такой силой жечь огнемъ уста своихъ, не былъ существомъ высшаго разряда, — существомъ, исполненнымъ свѣтлаго разума и пламенной любви къ истинѣ, глубокой скорби объ униженіи человѣчества... Вы видите въ немъ героя убѣжденія, мученика высшихъ, недоступныхъ толпѣ откровеній... Какъ высоко стоитъ онъ надъ этой презрѣнной толпой, которую такъ нещадно поражаетъ громомъ своего благороднаго негодованія!.. Но здѣсь-то и скрывается великій урокъ для оцѣнки истиннаго достоинства; здѣсь-то и можно видѣть, какъ легко быть героемъ на счетъ чужихъ пороковъ, заблужденій и слабостей, и какъ мудрено быть героемъ на свой собственный счетъ,—какъ всякаго должно судить не по однимъ словамъ его, но если по словамъ, то не иначе какъ подтвержденнымъ дѣлами. Изречь энергическое, полное благороднаго негодованія проклятіе не только на какое-нибудь общество или какой-нибудь народъ, но и на цѣлое человѣчество, гораздо легче, нежели самому поступить справедливо въ собственномъ своемъ дѣлѣ. И потому изрекать анаѳему такъ же не всякій имѣетъ право, какъ и изрекать благословеніе; это могутъ только пріявшіе свыше власть и посвященіе. Какъ поучать другихъ имѣетъ право только знающій

самъ то, чему берется поучать,—такъ и предписывать другимъ пути практической мудрости и справедливости можетъ только тотъ, кто самъ уже твердой стопой привыкъ ходить по этимъ путямъ. Слово само по себѣ—не болѣе, какъ звукъ пустой: оно важно только какъ выраженіе мысли; а мысль сама по себѣ—не болѣе, какъ призракъ чего-то разумнаго и прекраснаго: она важна лишь, какъ идеальная сущность дѣйствительности. Все, что не подходитъ подъ мѣрку практическаго примѣненія, — ложно и пусто. Вотъ почему необходимо должно обращать вниманіе не только на то, дѣйствительно ли истинно сказанное, но и на то, кѣмъ оно сказано. По этой же причинѣ въ устахъ призванныхъ и посвященныхъ иногда и старыя истины получаютъ новую форму и новую силу убѣжденія, какъ будто бы онѣ были сказаны въ первый разъ: а въ устахъ людей, самовольно принимающихъ на себя обязанность учителей, иногда и новыя, оригинально выраженныя мысли пропадаютъ безъ дѣйствія, какъ будто истертыя общія мѣста...

Обратимся къ Алеко. Наконецъ доходитъ дѣло и до страстей, появленіе которыхъ поэтъ такъ значительно, такимъ угрожающимъ образомъ предсказывалъ. Сердцемъ Алеко овладѣваетъ **ревность**.

Эта страсть свойственна или людямъ по самой натурѣ эгоистическимъ, или людямъ неразвитымъ нравственно. Считать ревность необходимой принадлежностью любви — непростительное заблужденіе. Человѣкъ **нравственно** развитой любитъ спокойно, увѣренно, потому что уважаетъ предметъ любви своей (любовь безъ уваженія для него невозможна). Положимъ, что онъ замѣчаетъ къ себѣ охлажденіе со стороны любимаго предмета, какая бы ни была причина этого охлажденія изъ исчисленныхъ поэтомъ:

Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
Иль своенравія мечты?

Это охлажденіе заставитъ его страдать, потому что любящее сердце не можетъ не страдать при потерѣ любимаго

сердца; но онъ не будетъ ревновать. Ревность безъ достаточнаго основанія, есть болѣзнь людей ничтожныхъ, которые не уважаютъ ни самихъ себя ни своихъ правъ на привязанность любимаго ими предмета: въ ней высказывается мелкая тиранія существа, стоящаго на степени животнаго эгоизма. Такая ревность невозможна для человѣка нравственно-развитого; но такимъ же точно образомъ невозможна для него и ревность на достаточномъ основаніи: ибо такая ревность непремѣнно предполагаетъ мученія подозрительности, оскорбленія и жажды мщенія. Подозрительность совершенно излишня для того, кто можетъ спросить другого о предметѣ подозрѣнія съ такимъ же яснымъ взоромъ, съ какимъ и самъ отвѣтитъ на подобный вопросъ. Если отъ него будутъ скрываться, то любовь его перейдетъ въ презрѣніе, которое если не избавитъ его отъ страданія, то дастъ этому страданію другой характеръ и сократитъ его продолжительность: если же ему скажутъ, что его болѣе не любятъ,—тогда муки подозрѣнія тѣмъ менѣе могутъ имѣть смыслъ. Чувство оскорбленія для такого человѣка также невозможно, ибо онъ знаетъ, что прихоть сердца, а не его недостатки причиной потери любимаго сердца, и что это сердце, переставъ любить его, не только не перестало его уважать, но еще сострадаетъ, какъ другъ, его горю и винитъ себя, не будучи въ сущности виновато. Что касается до жажды мщенія — въ этомъ случаѣ, она была бы понятна только какъ выраженіе самаго животнаго, самаго грубаго и невѣжественнаго эгоизма, который невозможенъ для человѣка нравственно-развитого. И за что тутъ мстить?—за то, что полюбившее васъ сердце уже не бьется любовью къ вамъ! Но развѣ любовь зависитъ отъ воли человѣка и покоряется ей? И развѣ не случается, что сердце, охладѣвшее къ вамъ, не терзается сознаніемъ этого охлажденія словно тяжкой виной, страшнымъ преступленіемъ? Но не помогутъ ему ни слезы, ни стоны, ни самообвиненія, и тщетны будутъ всѣ усилія его заставить себя любить васъ попрежнему... Такъ чего же вы хотите отъ любимаго вами, но уже не любящаго васъ предмета, если

сами сознаете, что его охлажденіе къ вамъ теперь такъ же произошло не отъ его воли, какъ не отъ нея произошла прежде его любовь къ вамъ? Хотите ли, чтобъ этотъ предметъ, скрывая насильственно свое къ вамъ охлажденіе, обманывалъ васъ, ради вашего счастья, притворной любовью? — Но такое желаніе со стороны вашей могло бы выйти только изъ самаго грубаго, животнаго эгоизма: ибо если вы человѣкъ, существо нравственно-развитое, то вы должны думать и заботиться гораздо больше о счастьи связаннаго съ вами отношеніями любви предмета, чѣмъ о своемъ собственномъ. И при томъ надо быть слишкомъ пошлымъ человѣкомъ, чтобъ, допустить обмануть и успокоить себя принужденной любовью, и надо быть слишкомъ подлымъ человѣкомъ, чтобъ, понимая такую любовь, какъ она есть, удовлетвориться ею: это значило бы принести чужое счастье въ жертву своему собственному—и какому счастью!.. Когда любовь съ которой-нибудь стороны кончилась, вмѣстѣ жить нельзя: ибо тотъ не понимаетъ любви и ея требованій, и за любовь принимаетъ грубую животную чувственность, кто способенъ пользоваться ея правами отъ предмета, хотя бы и любимаго, но уже нелюбящаго. Такая „любовь" бываетъ только въ бракахъ, потому что бракъ есть обязательство, — и, можетъ быть, оно такъ тамъ и нужно; но въ любви такія отношенія суть оскорбленіе и профанація не только любви, но и человѣческаго достоинства. Всѣ такіе случаи невозможны для человѣка нравственно-развитого.

Есть много родовъ образованія и развитія, и каждое изъ нихъ важно само по себѣ, но всѣхъ ихъ выше должно стоять образованіе нравственное. Одно образованіе дѣлаетъ васъ человѣкомъ ученымъ, другое—человѣкомъ свѣтскимъ, третье — административнымъ, военнымъ, политическимъ и т. д.; но нравственное образованіе дѣлаетъ васъ просто человѣкомъ, т.-е. существомъ, отражающимъ на себѣ отблескъ божественности, и потому высоко стоящимъ надъ міромъ животнымъ. Хорошо быть ученымъ, поэтомъ, воиномъ, законодателемъ и проч., но худо не быть при

этомъ человѣкомъ: быть же человѣкомъ — значитъ имѣть полное и законное право на существованіе и не будучи ничѣмъ другимъ, какъ только человѣкомъ. Въ чемъ же состоитъ нравственное образованіе, нравственное развитіе? Такъ какъ человѣкъ не только существуетъ, но еще и мыслитъ, то всякій предметъ, въ отношеніи къ нему, существуетъ не только практически, но и теоретически, и человѣкъ только тогда вполнѣ владѣетъ предметомъ, когда схватываетъ его съ этихъ обѣихъ сторонъ. Но одно практическое обладаніе предметомъ еще значитъ что-нибудь, тогда какъ одно теоретическое ровно ничего не значитъ. И потому теоретическая нравственность, открывающаяся въ однихъ системахъ и словахъ, но не говорящая за себя, какъ дѣло, какъ фактъ, выходящая только изъ созерцаній ума, но не имѣющая глубокихъ корней въ почвѣ сердца, — такая нравственность стоитъ безнравственности, и должна называться китайской или фарисейской. Истинная нравственность произрастаетъ и растетъ изъ сердца, при плодотворномъ содѣйствіи свѣтлыхъ лучей разума. Ея мѣрило — не слова, а практическая дѣятельность. Въ сферѣ теоріи и созерцаній быть героемъ добродѣтели въ тысячу разъ легче, нежели въ дѣйствительности выслужить чинъ коллежскаго регистратора или, пообѣдавъ, почувствовать себя сытымъ. Такъ какъ сфера нравственности есть по преимуществу сфера практическая, а практическая сфера образуется преимущественно изъ взаимныхъ отношеній людей другъ къ другу, — то здѣсь-то, въ этихъ отношеніяхъ, и больше нигдѣ, должно искать примѣтъ нравственнаго или безнравственнаго человѣка, а не въ томъ, какъ человѣкъ разсуждаетъ о нравственности или какой системы, какого ученія и какой категоріи нравственности онъ держится. Слова, какъ бы ни были краснорѣчивы, хотя бы произносились страстнымъ голосомъ и сопровождались не только порывистыми жестами, но при случаѣ и горячими слезами, — слова сами по себѣ все-таки стоятъ не больше всякой другой болтовни: здѣсь, какъ и вездѣ, дѣло—въ дѣлѣ. Одинъ изъ высочайшихъ и священнѣйшихъ

принциповъ истинной нравственности заключается въ религіозномъ уваженіи къ человѣческому достоинству во всякомъ человѣкѣ, безъ различія лица, прежде всего за то, что онъ — человѣкъ, и потомъ уже за его личныя достоинства, по той мѣрѣ, въ какой онъ ихъ имѣетъ,—въ живомъ симпатическомъ созданіи своего братства со всѣми, кто называется человѣкомъ. Вотъ что разумѣли мы подъ словомъ „нравственно-развитой человѣкъ“ говоря о томъ, какимъ образомъ показалъ бы себя такой человѣкъ въ отношеніи къ любимой имъ особѣ, когда она почему бы то ни было разлюбитъ его. Естественно, что никогда не выказывается такъ рѣзко-опредѣленно нравственность или безнравственность человѣка, какъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ судитъ своего ближняго по отношенію къ самому себѣ и гдѣ въ эти отношенія вмѣшивается страсть: ибо въ такихъ случаяхъ ему предстоитъ быть къ самому себѣ строгимъ безъ эффектовъ, безпристрастнымъ безъ гордости, справедливымъ безъ униженія, между тѣмъ какъ въ такихъ-то именно обстоятельствахъ человѣкъ, по чувству эгоизма, и увлекается крайностями, т.-е. или бываетъ къ себѣ пристрастно снисходительнымъ, обвиняя во всемъ своего ближняго, или, что бываетъ рѣже, изъ самаго безпристрастія своего и своей къ себѣ строгости дѣлаетъ эффектную мелодраму. Поэтому наше приложеніе идеи нравственности къ дѣлу любви очень удобно для рѣшенія вопроса, потому что любовь, какъ одна изъ сильнѣйшихъ страстей, увлекающихъ человѣка во всѣ крайности больше, чемъ всякая другая страсть,—можетъ служить пробнымъ камнемъ нравственности. Если человѣкъ, находящійся въ положеніи Алеко, подавшаго намъ поводъ къ этимъ разсужденіямъ, есть истинно нравственный человѣкъ, то въ любимой имъ особѣ онъ съ большей страстью, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, уважаетъ права свободной личности, а слѣдовательно и невольныя естественныя стремленія ея сердца. Въ такомъ случаѣ натурально, что ея внезапнаго къ нему охлажденія онъ не приметъ за преступленіе или такъ называемую на языкѣ пошлыхъ романовъ „невѣрность“, и

еще менѣе согласится принять отъ нея жертву, которая должна состоять въ ея готовности принадлежать ему даже и безъ любви и для его счастья отказаться отъ счастья новой любви, можетъ быть, бывшей причиной ея къ нему охлажденія. Еще болѣе естественно, что въ такомъ случаѣ ему остается сдѣлать только одно: — со всѣмъ самоотверженіемъ души любящей, со всей теплотой сердца, постигшаго святую тайну страданія, благословить *его* или *ее* на новую любовь и новое счастье, а свое страданіе, если нѣтъ силъ освободиться отъ *него*, глубоко схоронить отъ всѣхъ, и въ особенности отъ *него* или отъ *нея*, въ своемъ сердцѣ. Такой поступокъ немногими можетъ быть оцѣненъ, какъ выраженіе истинной нравственности; многіе, воспитанные на романахъ и повѣстяхъ съ ревностью, измѣнами, кинжалами и ядами, найдутъ его даже прозаическимъ, а въ человѣкѣ, такимъ образомъ поступившемъ, увидятъ отсутствіе понятія о чести. Дѣйствительно, по понятіямъ, искаженно перешедшимъ къ намъ отъ среднихъ вѣковъ, мужчинѣ надо кровью смыть подобное безчестіе и, какъ говоритъ Алеко, „хищнику и ей, коварной, вонзить кинжалъ въ сердце“, а женщинѣ прибѣгнуть къ яду или слезамъ и безмолвной тоскѣ: но не должно забывать, что то, что могло имѣть смыслъ въ варварскіе средніе вѣка,—въ наше просвѣщенное время уже не имѣетъ никакого смысла. Въ образованномъ человѣкѣ нашего времени Шекспировъ Отелло можетъ возбуждать сильный интересъ, но съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что эта трагедія есть картина того варварскаго времени, въ которое жилъ Шекспиръ и въ которое мужъ считался полновластнымъ господиномъ своей жены: всякій же образованный человѣкъ нашего времени только разсмѣется отъ новыхъ Отелловъ, вродѣ Марселя въ нелѣпой повѣсти Эжена Сю „Крао“ и безыменнаго господина въ отвратительной повѣсти Дюма „Une Vengeance“. Но люди, которымъ нужно доказать, что въ наше время кинжалы, яды и даже пистолеты, послѣдствіе ревности, суть не что иное, какъ пошлые театральные эффекты или результаты болѣзненнаго безумія, животнаго

эгоизма и дикаго невѣжества,—такіе люди не стоятъ того, чтобъ тратить на нихъ слова. Слава Богу, такихъ людей теперь уже немного и теперь гораздо больше людей, которые принимаютъ слова за одно съ дѣлами; вотъ имъ то предложимъ мы вопросъ, ближе относящійся къ предмету нашей статьи: что сказать о человѣкѣ, который по его словамъ, идетъ наравнѣ съ вѣкомъ и для этого толкуетъ о правѣ человѣческомъ (нарушаемомъ его сосѣдомъ по имѣнію) и объ эмансипаціи женщины, но который, если его жена позволитъ себѣ сдѣлать въ отношеніи къ нему, сотую долю того, что безъ всякаго позволенія дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ ней, — сейчасъ перемѣнятъ тонъ и готовъ хоть за дубьё приняться?.. Не правда ли, что, глядя на него, невольно запоешь вполголоса съ Давыдовымъ:

А глядишь: нашъ Мирабо
Стараго Гаврилу;
За измятое жабо,
Хлещетъ въ усъ да въ рыло...?

Вотъ почему не смѣхъ, а смѣшанное съ ужасомъ отвращеніе возбуждаютъ слова Алеко въ отвѣтъ на простодушный, трогательный и поэтическій разсказъ стараго цыгана о Маріулѣ:

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Итакъ, вотъ онъ — страдалецъ за униженное человѣческое достоинство, — человѣкъ, который презрѣлъ предразсудки образованной общественности и нашелъ счастье въ цыганскомъ таборѣ!.. Турокъ въ душѣ, онъ считалъ себя впереди цѣлой Европы на пути къ цивилизованному уваженію правъ личности!.. И какъ великъ (т. е. внутренно, духовно) свободенъ передъ нимъ старый цыганъ, этотъ сынъ природы, бѣдности, незнающій въ простотѣ сердца никакихъ теорій нравственности! Сколько поэзіи и истины въ его кроткомъ, благодушномъ отвѣтѣ Алеко:

Къ чему? вольнѣе птицы младость,
Кто въ силахъ удержать любовь?

Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

Отвѣтъ Алеко на эти полныя любви и правдивости слова стараго цыгана окончательно и вполнѣ раскрываетъ тайну его характера:

Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда-бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго-бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья,
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

Изъ этихъ словъ видно, что никакая могучая идея не владѣла душой Алеко, но что всѣ его мысли и чувства и дѣйствія вытекали, во-первыхъ, изъ сознанія своего превосходства надъ толпой, состоящаго въ умѣ болѣе блестящемъ и сознательномъ, чѣмъ глубокомъ и дѣятельномъ; во-вторыхъ, изъ чудовищнаго эгоизма, который гордъ самимъ собой, какъ добродѣтелью. „Эта женщина (какъ разсуждаетъ эгоизмъ Алеко) отдалась мнѣ, и я счастливъ ея любовью, слѣдовательно я имѣю на нее вѣчное и непарушимое право, какъ на мою рабу, на мою вещь. Она измѣнила—и я не могу уже быть счастливъ ея любовью: она должна упоить меня сладостью мщенія. Ея обольститель лишилъ меня счастья, — и долженъ за это заплатить мнѣ жизнью“. Не спрашивайте Алеко, наказалъ ли бы онъ самъ себя смертью, еслибъ онъ самъ измѣнилъ любимой имъ женщинѣ и съ свойственной эгоистамъ жестокостью оттолкнулъ ее отъ груди своей: не трудно угадать, какъ бы поступилъ и что бы заговорилъ Алеко въ подобномъ обстоятельствѣ. Эгоизмъ изворотливъ, какъ хамелеонъ: мало того, что такой человѣкъ, какъ Алеко, въ подобномъ случаѣ сталъ

бы рисоваться передъ самимъ собой, какъ великодушный и невинный губитель чужого счастья, — онъ пожалуй, еще почелъ бы себя вправѣ мстить смертью оставленной имъ женщинѣ, которая преслѣдуетъ его своими докуками, упреками, слезами и моленіями, съ чего-то вообразивъ, что имѣетъ на него какія-то права, какъ будто бы онъ созданъ не для жизни, а для ея удовольствія и, подобно дитяти, лишенъ воли. Не спрашивайте его также, имѣетъ ли на его жизнь право человѣкъ, у котораго онъ отбилъ любовницу: съ свойственнымъ эгоизму безстыдствомъ Алеко въ такомъ случаѣ началъ бы предъ вами витіевато либеральничать и доказывать пышными фразами, что на женщину имѣетъ законное право только тотъ, кто, любя ее, любимъ ею, и что онъ, Алеко, первый бы уступилъ великодушно свою любовницу тому, кого бы она полюбила. Изъ этого-то животнаго эгоизма вытекаетъ и животная мстительность Алеко. Человѣкъ нравственный и любящій живетъ для идеи, составляющей основу цѣлаго его существованія; онъ можетъ и горько презирать, и сильно ненавидѣть, но скорѣе по отношенію къ своей идеѣ, чѣмъ къ своему лицу. Онъ не снесетъ обиды и не позволитъ унизить себя, но это не мѣшаетъ ему умѣть прощать личныя обиды: въ этомъ случаѣ онъ не слабъ, а только великодушенъ. Натуры блестящія, но въ сущности мелкія, потому что эгоистическія, чужды стремленія къ идеѣ или идеалу: онѣ во всемъ ставятъ сосредоточіемъ свое милое *Я*. Если они и заберутъ себѣ въ голову, что живутъ для какой-то идеи, то не возвышаются до идеи, а только нагибаются до нея, думаютъ не себя облагородить и освятить проникновеніемъ идеей, но идею осчастливить своимъ султанскимъ выборомъ. И тогда ихъ идея въ ихъ глазахъ потому только истина, что она—ихъ идея, и потому всякій, не признающій ея истинности, есть ихъ личный врагъ. Но будучи оскорблены въ дѣлѣ личной страсти, эти люди думаютъ, что въ ихъ лицѣ оскорбленъ весь міръ, вся вселенная, и никакая месть не кажется имъ незаконной. Таковъ Алеко!

Скажутъ, что созданіе такого лица не дѣлаетъ чести поэту,

тѣмъ болѣе, что онъ ясно хотѣлъ сдѣлать изъ него не столько преступнаго, сколько несчастнаго, увлеченнаго судьбой человѣка. Дѣйствительно, это было бы такъ, еслибъ поэтъ не противопоставилъ стараго цыгана лицу Алеко, можетъ быть, безсознательно повинуясь тайной внутренней логикѣ непосредственнаго творчества. И потому идею поэмы „Цыганы" должно искать не въ одномъ лицѣ, а тѣмъ менѣе только въ лицѣ Алеко, но въ общности поэмы. Алеко является въ поэмѣ Пушкина какъ бы для того только, чтобъ представить намъ страшный, поразительный урокъ нравственности. Его противорѣчіе съ самимъ собой было причиной его гибели, — и онъ такъ жестоко наказанъ оскорбленнымъ имъ закономъ нравственности, что чувство наше, несмотря на великость преступленія, примиряется съ преступникомъ: Алеко не убиваетъ себя: онъ остается жить, и это рѣшеніе дѣйствуетъ на душу читателя сильнѣе всякой кровавой катастрофы. Поэтическое сравненіе Алеко съ подстрѣленнымъ журавлемъ, печально остающимся на полѣ въ то время, когда станица весело поднимается на воздухъ, чтобъ летѣть къ благословеннымъ краямъ юга, выше всякой трагической сцены. Сидя на камнѣ, окровавленный, съ ножомъ въ рукахъ, „блѣдный лицомъ", Алеко молчитъ, но молчаніе краснорѣчиво: въ немъ слышится нѣмое признаніе справедливости постигшей его кары, и можетъ-быть съ этой самой минуты въ Алеко звѣрь уже умеръ, а человѣкъ воскресъ...

Вы скажете: слишкомъ поздно. Что-жъ дѣлать! такова, видно, натура этого человѣка, что она могла возвыситься до очеловѣченія только цѣной страшнаго преступленія и страшной за то кары... Не будемъ строги въ судѣ надъ падшимъ и наказаннымъ, а лучше тѣмъ строже будемъ къ самимъ себѣ, пока мы еще не пали, и заранѣе воспользуемся великимъ урокомъ. Еслибъ Алеко устоялъ въ гордости своего мщенія, мы не помирились бы съ нимъ: ибо видѣли бы въ немъ все того же звѣря, какимъ онъ былъ и прежде. Но онъ призналъ заслуженность своей кары, -

и мы должны видѣть въ немъ человѣка: а человѣкъ человѣка какъ осудитъ?..

Убитая чета уже въ землѣ.

. . . . . Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

Какое простое и сильное въ благородной простотѣ своей изображеніе самой лютой, самой безотрадной муки! Какъ хороши въ немъ два послѣдніе стиха, на которые такъ нападали критики того времени, какъ на стихи вялые и прозаическіе! Гдѣ-то было даже напечатано, что разъ Пушкинъ имѣлъ горячій споръ съ кѣмъ-то изъ своихъ друзей и эти два стиха и, наконецъ, вскричалъ: „Я долженъ былъ такъ выразиться: я не могъ иначе выразиться!“ Черта, обличающая великаго художника!

Но довольно объ Алеко: обратимся къ старому цыгану. Это одно изъ такихъ лицъ, созданіемъ которыхъ можетъ гордиться всякая литература. Есть въ этомъ цыганѣ что-то патріархальное. У него иныя мысли: онѣ мыслятъ чувствомъ, — и какъ истинны, глубоки, человѣчны его чувства! Какъ онъ исполненъ поэзіи. Въ тонъ рѣчи его столько простоты, наивности, достоинства, самоотреченія (résignation), кротости, тепоты и слезности. И какъ вѣренъ онъ себѣ во всемъ, когда онъ, какъ разсказываетъ своимъ простодушнымъ и поэтическимъ языкомъ преданіе объ Овидіи: или когда въ исполненной дикаго огня, ликом страсти и ликом поэзіи пѣснѣ Земфиры припоминаетъ стараго друга: или когда, утѣшая Алеко въ охлажденіи Земфиры, по своему, но такъ вѣрно и истинно объясняетъ ему натуру и права женскаго сердца и разсказываетъ трогательную повѣсть о самомъ себѣ, о своей любви къ Маріулѣ и ея измѣнѣ, которую онъ, въ своей цыганской простотѣ, такъ человѣчно, такъ гуманно нашелъ совершенно законною! Но въ сценѣ похоронъ и прощанія съ Алеко онъ является, самъ того не подозрѣвая въ своей цыганской пѣснѣ, въ

нетинно-трагическомъ величіи и кротко изрекаетъ несчастному убійцѣ приговоръ и вѣчный покой:

„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ.
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ.
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ;—оставь же насъ.
Прости! да будетъ миръ съ тобою".

Замѣчательны стихи: „Ты для себя лишь хочешь воли": въ немъ весь смыслъ поэмы, вѣрно ея основной идеи. Послѣ этого можно ли сомнѣваться въ глубоко-нравственномъ характерѣ поэмы? Нѣтъ, это возможно только для людей близорукихъ и ограниченныхъ или невѣжественныхъ, которые привыкли видѣть нравственность только въ азбучныхъ сентенціяхъ.

Нѣкоторые критики того времени особенно напали на „Цыганъ", находя его похожимъ на хоръ изъ какой-нибудь греческой трагедіи. Греческаго въ немъ „Цыганъ" былъ ничего, а осуждѣнія онъ дѣйствительно заслуживалъ. Въ немъ авторъ поэмы взялъ на минуту верхъ надъ непосредственностью и забылъ о содержаніи поэмы, въ явномъ противорѣчіи съ ея смысломъ:

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ изодранными шатрами
Живутъ мучительные сны.
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Къ чему тутъ судьбы и къ чему тутъ рѣчи о томъ, что счастья нѣтъ и между бѣдными сынами природы? Несчастье дѣйствительно въ немъ, этомъ произведеніи, а не рождалось

между ними и черезъ нихъ же. Но главное: поэту слѣдовало бы въ заключительныхъ стихахъ сосредоточить мысль всей поэмы, такъ энергически выраженной стихомъ: „Ты для себя лишь хочешь воли“ Но, какъ мы выше замѣтили, Пушкинъ-поэтъ былъ гораздо выше Пушкина-мыслителя. Если бы въ духѣ Пушкина оба эти элемента были равносильны, и если-бъ къ этому роскошному цвѣту его поэзіи имѣть своей почвой вполнѣ развившуюся многовѣковую цивилизацію, тогда, конечно, Пушкинъ былъ бы равенъ величайшимъ поэтамъ Европы...

Можетъ-быть, нѣкоторымъ покажется не достаткомъ въ „Цыганахъ“ то, что въ этой поэмѣ дикій цыганъ, такъ сказать, пристыкается высотою своихъ совершеній и чувствованій понятія сына цивилизаціи, и такимъ образомъ заставляетъ насъ видѣть идеалъ нравственно-просвѣщеннаго человѣка въ бронзовомъ дикарѣ. Это несправедливо. Алеко есть одно изъ явленій цивилизаціи, но онною не вполнѣ и представляетъ. Сверхъ того, несмотря на всю возвышенность чувствованій стараго цыгана, онъ — не высшій идеалъ человѣка: этотъ идеалъ можетъ реализироваться только въ существѣ сознательно-разумномъ, а не въ непосредственно-разумномъ, не вышедшемъ изъ - подъ опеки у природы и обычая. Иначе, развитіе человѣчества черезъ цивилизацію не имѣло бы никакого смысла, и люди, чтобъ сдѣлаться разумными и справедливыми, должны бы въ дикомъ состояніи видѣть свое призваніе и свою цѣль. Человѣчество должно было помириться съ природой, но не иначе, какъ достигши этого примиренія свободно, путемъ духовнаго, противоположнаго природѣ, развитія. Для того-то и расчелся нѣкогда человѣкъ съ природой и объявилъ ей борьбу на смерть, чтобъ стать выше ея и потомъ, какъ примирившись съ ней, быть выше ея, какъ духъ выше матеріи, сознающій разумъ выше безсознательной дѣйствительности. Бываютъ событія, отъ которыхъ не только у впечатлительныхъ мистиковъ, но и у глубокихъ мыслителей, подходящихъ близко къ смыслу, но и у глубокихъ нравственныхъ добродѣтелями, какъ-то вѣрностью и привязанностью къ человѣку, простирающимися до готовности жертвовать

дѣлаетъ за человѣка. И въ то же время бываютъ люди не только съ весьма ограниченными способностями, но и съ почти совершенно испорченными страстями и злой, развращенной волей. И однакожъ самый плохой человѣкъ выше самой лучшей собаки, хотя онъ и внушаетъ къ себѣ одно презрѣніе и отвращеніе, тогда какъ послѣдняя пользуется общимъ удивленіемъ и любовью: такъ и самый худшій между интеллектуально развитыми черезъ цивилизацію людьми въ качествѣ разума занимаетъ высшую ступень, нежели самый лучшій изъ людей, вслѣдствіе ихъ природы; послѣдній всегда — не болѣе, какъ прекрасная случайность или существо, обязанное своими достоинствами случайному ихъ улучшенію организаціи, тогда какъ самые недостатки и пороки перваго болѣе или менѣе отражаютъ на себѣ необходимый моментъ въ историческомъ развитіи общества или даже цѣлаго человѣчества. „Добродѣтели послѣдняго не вытекаютъ отъ просвѣщенія, и потому не имѣютъ результатовъ въ будущемъ: это таланты, скрытые въ землю, отъ которыхъ человѣчество не богатѣетъ. И потому жизнь дѣйствительно естественнаго [illegible] ни въ какомъ случаѣ не можетъ обогатить [illegible] новымъ урокомъ. И если въ поэтѣ Пушкинѣ старый цинизмъ способствовалъ тому не знать, въ противорѣчіи намъ великаго урока, то не самъ собой, а черезъ Алеко, свое свое произведеніе. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ той хорошей практической практики, которая имѣетъ извѣстныя великія истины о совершающемся черезъ его глаза событіи, но принимаетъ самъ въ томъ событіи никакого дѣятельнаго участія.

Стоитъ „Цыганы" выше предшествовавшихъ поэмъ Пушкина по ихъ мысли, стоитъ выше онѣ ихъ и по концепціи своихъ характеровъ, по развитію ихъ и по художественной отдѣлкѣ. Нельзя сказать, чтобъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ поэма не отличалась еще чѣмъ-то. Не то, чтобъ безъ цѣли, но чѣмъ-то еще не совсѣмъ довольнымъ. Такъ, напримѣръ, характеръ Алеко и сцена убійства Земфиры и молодого цыгана, несмотря на всѣ его достоинства, отзываются нѣсколько мелодраматическимъ колоритомъ, и во-

общемъ въ отдѣлкѣ всей поэмы не достаетъ твердости и увѣренности кисти, какъ въ тѣхъ картинахъ, въ которыхъ краски еще не вошли до той степени совершенства, чтобъ совсѣмъ не походить на краски, что составляетъ величайшее торжество живописи, какъ художества. Въ „Цыганахъ“ есть даже погрѣшности въ слогѣ. Такъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Тогда старикъ, прибѣгая, рѣчь“: слово рѣчь отзывается тяжелой книжностью, равно какъ и выраженіе „подъ изодранными шатрами“, вмѣсто изодранными. Но два стиха

Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра—

можно назвать ультра-романтическими, потому что все неточное, неопредѣленное, обманчивое, неясное, бѣдное положительнымъ смысломъ, при богатствѣ какъ-будто смысла, все такое только называется романтическимъ, тогда какъ все опредѣленное и точно прекрасное должно называться классическимъ, разумѣя подъ „классическимъ“ древне-греческое. Что такое „бѣглецъ родной берлоги?“ Не значитъ-ли это, что медвѣдь бѣжалъ безъ позволенія и безъ паспорта изъ своей берлоги? Хорошо бѣгство для того, кто взять насильно, при помощи дубины и рогатины! Этотъ медвѣдь — похищенецъ, съ нимъ можно такъ вправиться, но отнюдь не бѣглецъ. Что такое „косматый гость шатра?“ Что медвѣдь добровольно поселился въ шатрѣ Алеко? Хорошъ гость, котораго ласковый хозяинъ держитъ у себя на цѣпи, а при случаѣ угощаетъ дубиной! Этотъ медвѣдь скорѣе плѣнникъ, чѣмъ гость.

По всему сказанному мы относимъ „Цыганъ“ вмѣстѣ съ „Полтавой“ и первыми шестью главами „Евгенія Онѣгина“ къ числу поэмъ, въ которыхъ видна только близость, но еще не достиженіе той высокой степени художественнаго совершенства, которая была собственностью таланта Пушкина и которая развернулась въ первый разъ во всей полнотѣ ея въ „Борисѣ Годуновѣ“,—этомъ безукоризненно высокомъ, со стороны художественной формы, произведеніи.

Намъ не разъ случалось слышать нападки на эпизодъ

объ Онѣгинѣ, какъ неумѣстный въ поэмѣ и неестественный въ устахъ цыгана Признаемся: по нашему мнѣнію, трудно вздумать что-нибудь нелѣпѣе подобнаго упрека. Старый цыганъ разсказываетъ въ поэмѣ Пушкина не исторію, а преданіе, и не о поэтѣ римскомъ цыганъ ничего не смыслитъ ни о поэтахъ ни о римлянахъ. Но о какомъ-то свѣтломъ старикѣ, который былъ „милъ и лѣтъ не злобной душой, имѣлъ пѣвучій даръ и пѣсенъ и подобный шуму водъ голосъ“ Сверхъ того, „Цыгане“ Пушкина не романъ и не повѣсть, но поэма, а есть большая разница между романомъ и повѣстью и между поэмой. И поэма описываетъ [illegible] и [illegible] моменты [illegible] поэмъ, [illegible] ими, поэтъ Пушкинъ Романъ и повѣсть, напротивъ, изображаютъ жизнь во всей ея прозаической обыкновенности, независимо отъ того, стихами или прозой они пишутся И потому „Евгеній Онѣгинъ“ есть романъ въ стихахъ, но не поэма „Графъ Нулинъ“ — повѣсть въ стихахъ, но не поэма Въ „Онѣгинѣ“ и „Нулинѣ“ мы видимъ лица дѣйствительныя и современныя намъ; въ „Цыганахъ“ всѣ лица идеальныя, какъ они греческія названія, которыхъ открыты глаза не бѣлятъ съѣдомъ очей, ибо они сошли живыя съ лицомъ: такъ же мраморны и мѣдны, какъ и лицо Такимъ образомъ явилось вдругъ разсказъ стараго цыгана объ Онѣгинѣ въ „Цыганахъ“, какъ поэма столь же возможенъ, естественъ и умѣстенъ, сколько былъ бы онъ странненъ и смѣшонъ въ „Онѣгинѣ“ или „Нулинѣ“, хотя бы онъ былъ вложенъ въ уста тому или другому герою той или другой повѣсти И что бы ни говорили о неумѣстности этого эпизода непризванные критики,—имъ только будутъ сочувствовать только о безвкусіи и мелочности ихъ взглядовъ на искусство Эпизодъ объ Онѣгинѣ заключаетъ въ себѣ гораздо больше поэзіи, нежели сколько можно найти ее во всей **русской литературѣ до Пушкина.**

Какъ забавную черту о критическомъ духѣ того времени, когда явились „Цыганы“, извлекаемъ изъ записки Пушкина слѣдующее мѣсто: „О „Цыганахъ“ одна дама зѣвъ-

тила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко вмѣсто медвѣдя не убилъ старика и не отнялъ у молодой цыганки денегъ. В. повторилъ то же замѣчаніе. Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio" Вотъ при такомъ публикѣ явился и дебютировалъ Пушкинъ! На это обстоятельство нельзя не обращать вниманія при оцѣнкѣ заслугъ Пушкина. „Цыганы" были первымъ успѣхомъ, первой попыткой [illegible] сказать что-нибудь [illegible] и по исполненію. Мы показали, [illegible] сколько удалось ему это: „Цыганы" оставили далеко за собой все написанное имъ прежде, обнаруживъ въ немъ великія силы; но въ то же время въ этой поэмѣ видѣнъ только могучій порывъ къ истинно-художественному творчеству, но еще не полное достиженіе [illegible] стремленія. Черезъ два года послѣ „Цыганъ" (т. е. въ 1829 году) вышла новая поэма Пушкина „Полтава", въ которой рѣшительно [illegible] успѣхъ поэта открывался и прежней дороги и твердой ногой сталъ на новый путь творчества. Не [illegible] высшее, самое [illegible] созданіе; но слѣдующее за нимъ [illegible] несомнѣнно, особенно, слѣдовательно безъ [illegible] усилій создать имъ. Поэтому въ „Полтавѣ" видна какая-то нерѣшительность, какое-то колебаніе, вслѣдствіе которыхъ изъ этой поэмы вышло что-то огромное, великое, но въ то же время и пестрое, странное, неполное. „Полтава" богата новымъ элементомъ— народностью въ выраженіи: почти всякое мѣсто, отлично взятое въ ней, превосходитъ все, написанное прежде Пушкинымъ, по силѣ, полнотѣ и роскоши поэтическаго выраженія. И въ то же время въ этой поэмѣ нѣтъ единства, она не представляетъ собой цѣлаго. Содержаніе ея такъ огромно, что одна смѣлость поэта коснуться такого содержанія есть уже заслуга, тѣмъ болѣе, что многія частности показываютъ, что поэтъ достоинъ былъ своего предмета.

и восклицаешь, читая „Полтаву" и дивясь ея великимъ красотамъ, спрашиваешь себя: что же это такое? Разсмотреніе причинъ такого явленія очень любопытно, и мы постараемся исчерпать этотъ вопросъ столько подробно и удовлетворительно, сколько это въ нашихъ силахъ.

Какъ первостепенныя, такъ и второстепенныя „Полтавы" были равно встречены толпящими критиками и толпящей публикой. Между тѣмъ ни одно произведеніе Пушкина, послѣ „Руслана и Людмилы", не возбуждало такихъ споровъ и толковъ, какъ „Полтава". Ее бранили съ ожесточеніемъ, безъ всякаго уваженія къ лицу великаго поэта; и съ тѣхъ поръ нѣкоторые критики, обращаясь своей собственной смѣлости и своему открытію, что и Пушкина можно бранить, какъ какого-нибудь обыкновеннаго стихотворца, не упускали случая пощеголять своей похвальной смѣлостью и своимъ счастливымъ открытіемъ. Такимъ образомъ въ разныхъ журналахъ и на разные голоса, но одинаково неприлично и несправедливо, были разруганы — „Полтава", „Гробъ Хлопши", „Борисъ Годуновъ", седьмая глава „Евгенія Онѣгина", треть часть мелкихъ стихотвореній и пр. Мы увидимъ, какова были эти критики или, лучше сказать, эти брани, потому что [illegible] брань не есть критика. Обратимся къ „Полтавѣ".

[illegible] „Полтавы" вывелъ изъ затрудненія поэта, написавъ прекрасную поэму. Хотя Пушкинъ принадлежитъ къ той новой литературной школѣ, которая отрекается отъ преданій всякаго классицизма, хотя въ поэмѣ и смѣется надъ „высокопарнымъ слогомъ темныхъ одъ", но въ первой главѣ „Онѣгина" онъ самъ объявилъ, написавъ „поэмъ пышныхъ не терпитъ онъ". А седьмую главу онъ кончилъ этой острой эпиграммой на „новое" старинныхъ эпическихъ поэмъ:

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть о комъ пою...
Да кстати здѣсь о томъ два слова:

„Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть...

однако все это еще не доказываетъ, чтобъ легко было отрѣшиться начисто отъ пребывающихъ преданій этой эпохи, въ которую мы родились и развились. Несмотря на то, что Пушкинъ самъ былъ великимъ реформаторомъ въ русской литературѣ, литературныя преданія тѣмъ не менѣе отяготѣли надъ нимъ, что можно видѣть изъ его безусловнаго уваженія ко всѣмъ представителямъ прежней русской литературы. Итакъ, въ „Полтавѣ“ ему хотѣлось сдѣлать опытъ эпической поэмы въ новомъ духѣ. Что такое эпическая поэма? — Идеализированное представленіе такого историческаго событія, въ которомъ принималъ участіе весь народъ, которое слито съ религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ существованіемъ народа и которое имѣло сильное вліяніе на судьбы народа. Разумѣется, если это событіе касалось не одного народа, но и цѣлаго человѣчества,— тѣмъ ближе поэма должна подходить къ идеалу эпоса. Такъ смотрѣли на эпическую поэму всѣ образованные люди со времени упадка древне-греческой національности и возникновенія александрійской школы почти до начала XIX столѣтія, слѣдовательно болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. А отчего произошло такое понятіе объ эпосѣ?—отъ того, что у грековъ была „Иліада“ и „Одиссея“, больше не отъ чего. Причина довольно забавная, но тѣмъ не менѣе понятная, ибо таково всегда вліяніе народа, имѣющаго всемірно-историческое значеніе, на всѣ другіе народы: они подражаютъ ему рабски во всемъ, начиная отъ искусства до покроя платья. У грековъ была „Иліада“, которая цѣлымъ образомъ служила имъ книгой откровенія, изъ которой вытекала вся ихъ позднѣйшая поэзія и которую читали не

одни ученые, но знать напрасно каждый славянин, понимающий сколько-нибудь достоинство и счастье быть славянином. Стало-быть, почему же не имѣть такой поэмы, напримѣръ, и римлянамъ? Но какъ же бы это сдѣлать, если такой поэмы у римлянъ не явилось въ полуисторическую эпоху ихъ политическаго существованія? — Очень просто: если ея не создалъ духъ и геній народа, ее должень создать какой-нибудь знаменитый поэтъ. Для этого ему стоитъ только подражать „Иліадѣ“. Въ ней военно важнѣйшее событіе изъ троянской исторіи грековъ — взятіе Трои: стало-быть, надо порыться въ лѣтописяхъ своего отечества, чтобъ отыскать такого же рода что-нибудь основаніе Латинскаго государства въ Италіи черезъ мнимое пришествіе Энея въ Италію. Въ подробностяхъ тоже остается только копировать „Иліаду“ и „Одиссею“ съ небольшими перемѣнами, какъ, напримѣръ, Гомеръ начинаетъ свою поэму: „Муза, воспой“ и проч., а вы начните просто, отъ себя: „поэте такого-то музы“, и проч. Если же могла быть у римлянъ эпопея, такимъ легкимъ образомъ сочиненная, то почему же бы не могла она быть и у всѣхъ новѣйшихъ народовъ? И вотъ у итальянцевъ явился „Освобожденный Іерусалимъ“, у англичанъ — „Потерянный Рай“, у нѣмцевъ — „Аріанна“, у португальцевъ — „Lusiades“ („Лузіяне“?), у французовъ — „Генріада“, у англичанъ — „Мессіада“, у насъ, русскихъ, недоконченная „Петріада“, да еще если упомянуть рядомъ смѣхотворныя, стопудовыя „Россіада“ и „Владиміръ“. Происхожденіе всѣхъ этихъ поэмъ такъ же незамѣтно, какъ и образецъ ихъ „Энеиды“. Она явилась вслѣдствіе „Иліады“: но, вѣдь „Иліада“ была столько же непосредственнымъ созданіемъ цѣлаго народа, сколько и преднамѣреннымъ, сознательнымъ произведеніемъ Гомера. Мы считаемъ за рѣшительно несправедливое мнѣніе, будто бы „Иліада“ есть не что иное, какъ сводъ народныхъ рапсодій: этому мнѣнію рѣзко противорѣчитъ ея строгое единство и художественная выдержанность. Но въ то же время нельзя сомнѣваться, чтобъ Гомеръ не имѣлъ подъ собою болѣе или менѣе готовыхъ матеріаловъ, чтобъ

возвышенный изъ нихъ вѣковѣчный памятникъ эллинской жизни и эллинскому искусству. Его художественный геній былъ плавильною печью, черезъ которую грубая руда народныхъ преданій и поэтическихъ пѣсенъ и отрывковъ вышла чистымъ золотомъ. Гомеръ написалъ объ свои поэмы черезъ 200 лѣтъ послѣ совершенія воспѣтыхъ въ нихъ событій, а событія эти совершались почти за 1200 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно, во времена миѳическія, да и самъ Гомеръ жилъ въ эпоху полуисторическую: отсюда и происходитъ чувственная наивность его поэмъ, вслѣдствіе которой и досель описанный имъ міръ, несмотря на его чудесность, носитъ на себѣ печать дѣйствительности. Притомъ же „Одиссея“ послѣ „Иліады“ ясно доказываетъ невозможность въ одномъ произведеніи исчерпать всю жизнь народа, и потому сторона героизма и доблести выражена въ „Иліадѣ“, а гражданская мудрость — въ „Одиссеѣ“. „Энеида“ написана, напротивъ, во времена перерѣлости и паденія народа: она есть произведеніе одного человѣка, безъ всякаго участія народа, и почти безъ помощи поэтическихъ преданій. Какая же его поэтическая связь съ „Иліадой“ и что у ней общаго съ „Иліадой?“ Это просто — старческое произведеніе, которое силилось показаться младенческимъ. И притомъ наивность римской жизни была совсѣмъ другою, чѣмъ наивность греческой: слѣдовательно Энеи — ложно-римскій герой. Настоящій герой римской эпопеи — не Юлій Цезарь, а развѣ братья Гракхи; настоящій же эпосъ римскій — это поэтика Вергилія, обязаннаго римлянамъ успѣху въ ту, которую Августъ назначалъ имъ, собрать воедино отрывки Гомеровыхъ поэмъ. Несмотря на то, что герой „Энеиды“ носитъ названіе благочестиваго (pius), а его творецъ — дѣвственнаго (Virgillius), эта поэма явилась во времена упадка нравственности, во времена всеобщаго національнаго развратa, когда древняя правда и доблесть римская погибли навсегда, когда литература жила не геніемъ народнымъ, а покровительствомъ Мецената, когда Горацій въ прекрасныхъ стихахъ воспѣвалъ эпоэмъ, мало-душіе, низость чувствъ. И хотя никакъ нельзя отрицать многихъ

васильныхъ достоинствъ въ „Энеидѣ“, написанной прекрасными стихами и заключающей въ себѣ многія драгоцѣнныя черты изъ нравовъ древняго міра, — тѣмъ не менѣе эти достоинства относятся просто къ памятникамъ древней литературы, оставленнымъ даровитымъ поэтомъ, но не къ эпической поэмѣ, — и, какъ эпическая поэма, „Энеида“ весьма жалкое произведеніе. То же самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ попыткахъ въ этомъ родѣ. „Освобожденный Іерусалимъ“ Тасса написанъ по академической формѣ и, въ угодность академіи, былъ своимъ авторомъ нѣсколько разъ перекраиваемъ. Восьмое въ немъ событіе касалось всего христіанскаго міра, но послѣ него послѣ этого событія почти пятьсотъ лѣтъ спустя, когда итальянцы давно уже перестали вѣрить не только необходимости сражаться съ сарацинами или турками за что-нибудь другое, кромѣ денегъ, но даже и святости святѣйшаго отца-папы. Прекрасныя октавы (отшлифованныя даже поэтомъ) и отдѣльныя красоты въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ все-таки не спасаютъ его отъ несчастія быть неудачной попыткой на эпическую поэму. „Потерянный Рай“, кромѣ достоинствъ поэтическихъ частностей, замѣчателенъ еще, какъ литературный отголосокъ мрачнаго пуританизма и тревожныхъ временъ Кромвеля, но какъ эпическая поэма, онъ блѣденъ, скученъ и уродливъ. Сама „Генріада“ имѣетъ значеніе совсѣмъ не эпической поэмы, а какъ протестъ противъ католической нетерпимости, что доказывается выборомъ героя, который былъ протестантъ въ душѣ, и во времена самаго дикаго фанатизма умѣлъ быть человѣкомъ, въ разумномъ значеніи этого слова. „Мессіада“ замѣчательна, какъ памятникъ нѣмецкаго трудолюбія, терпѣнія и отвлеченнаго мистицизма; это произведеніе тщательно обработанное въ литературномъ отношеніи, но ужасно растянутое, тяжелое и скучное. Только „Божественная Комедія“ Данте подходитъ подъ идеалъ эпической поэмы, къ которому такъ тщетно стремились всѣ вышеупомянутые нами. И это потому, что Данте не думалъ подражать ни Гомеру ни Виргилію. Его поэма была полнымъ выраженіемъ духа среднихъ вѣковъ съ ихъ

схоластической теологіей и варварскими формами ихъ жизни, гдѣ боролось столько разнородныхъ элементовъ. Если въ поэмѣ „Данте играетъ такую роль Виргилій,—это произошло вслѣдствіе самыхъ естественныхъ и неизбѣжныхъ причинъ: Виргилій пользовался даже въ средніе вѣка какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ въ Италіи, такъ что сами монахи чуть не причислили его къ лику католическихъ святыхъ. Форма поэмы „Данте такъ самобытна и оригинальна, какъ и вѣяніи въ ней духъ. И только развѣ колоссальные готическіе соборы могутъ соперничать съ нею въ чести быть великими поэмами среднихъ вѣковъ. Между тѣмъ въ поэмѣ „Данте не воспѣвается никакого знаменитаго историческаго событія, имѣвшаго великое вліяніе на судьбу народа: въ ней даже нѣтъ ничего героическаго, и ея характеръ по преимуществу—схоластически-теологическій, какимъ наиболѣе отличались средніе вѣка. Субъективно то, что хотѣли видѣть только въ эпическихъ поэмахъ на-манеръ „Энеиды", можетъ быть и въ сочиненіяхъ совсѣмъ другого рода: не знаменитое событіе, а духъ народа или эпохи долженъ выражаться въ твореніи, которое можетъ войти въ одну категорію съ поэмами Гомера. И потому смѣло можно сказать, что нѣмцы имѣютъ свою „Иліаду" не въ жалкой „Мессіадѣ" Клопштока, а развѣ въ „Фаустѣ" Гёте. Изъ всего этого мы выведемъ слѣдствіе, что мысль воспѣвать знаменитое историческое событіе, и изъ этого дѣлать эпическую поэму принадлежитъ къ эстетическимъ заблужденіямъ человѣчества, и что на этомъ ложномъ основаніи ничего нельзя создать, особенно въ наше время, когда въ исторической жизни умирающее прошедшее борется съ возникающимъ новымъ, когда вслѣдствіе этого все такъ нерѣшительно, разъединенно, слабо и безхарактерно, и когда дѣйствуетъ только отдѣльныя личности, но не массы. Вообще духъ среднихъ вѣковъ особенно былъ враждебенъ эпосу, потому что онъ сильно развилъ чувство индивидуальности и личности, столь благопріятное драмѣ и столь противоположное эпосу, въ которомъ главный герой естественно—само событіе, подчиняющее себѣ волю отдѣльныхъ лицъ, а не отдѣльныя лица, борющіяся

ей событіемъ. Отсюда въ новомъ мірѣ даже романъ—этотъ истинный его эпосъ, эта истинная его эпическая поэма,—тѣмъ больше имѣетъ успѣха, чѣмъ больше проникнутъ элементомъ драматическимъ, столь противоположнымъ эпическому. И хотя, вслѣдствіе разъ принятаго и навсегда утвердившагося должнаго мнѣнія, эпическая поэзія, по преданію отъ древности, ошибочно приложенному къ требованіямъ новаго міра, и считалась высшимъ родомъ поэзіи и высочайшимъ произведеніемъ человѣческаго генія,—однако этимъ высшимъ родомъ поэзіи въ немъ всегда было, такъ было и теперь есть, драма, если уже въ поэзіи непремѣнно одинъ которымъ нибудь родъ долженъ быть высшимъ.

Конечно, Пушкинъ былъ столько поэтъ и столько умный человѣкъ, что не могъ понимать эпоса по мѣрѣ не только какой-нибудь „Россіады", но даже и умной и поэтической „Генріады", которыхъ поэтическая форма уже давнымъ-давно устарѣла и опошлилась для времени, когда онѣ явились. Но въ то же время онъ всѣмъ сердцемъ чувствовалъ, что эпической поэмѣ въ новой формѣ онъ не могъ совершенно отрѣшиться. И потому, естественно, его идеалъ эпической поэмы заключался въ исключеніи изъ нея всего лишняго, по мнѣнію его, и въ сохраненіи только необходимаго романтическаго элемента. Художественный тактъ Пушкина не могъ допустить его выбрать содержаніе для эпической поэмы изъ русской исторіи до Петра Великаго,—и потому онъ остановился на величайшей эпохѣ русской исторіи—на преобразованіи великаго преобразователя Россіи, и воспользовался величайшимъ его событіемъ—полтавской битвой, въ которой сосредоточилось торжество всѣхъ трудовъ, всѣхъ попеченій, всѣхъ заботъ, всей реформы Петра Великаго. Но въ поэмѣ Пушкина, состоящей изъ трехъ пѣсней, полтавская битва, равно какъ и герои ея—Петръ Великій, Мазепа и Карлъ XII—составляютъ только эпизодъ, а главное содержаніе поэмы составляетъ любовь Мазепы къ Маріи и его отношенія къ ея родителямъ. Поэтому полтавская битва составляетъ какъ бы эпизодъ изъ любовной исторіи Мазепы и его развязки: этимъ ясно опредѣляется второстепенность даннаго времени, и эпическая поэма уничтожается сама собою! А между тѣмъ

эта поэма носитъ названіе „Полтавы“; слѣдовательно, ея героемъ, ея мыслью должна бы быть полтавская битва, ибо названіе поэтическаго произведенія всегда важно, потому что оно всегда указываетъ или на главное изъ его дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ воплощается мысль сочиненія, или прямо на эту мысль. Вотъ первая ошибка Пушкина, и ошибка великая! Но, можетъ-быть, намъ возразятъ, что Пушкинъ совсѣмъ не думалъ писать эпической поэмы, и что герой его поэмы — Мазепа, а не полтавская битва. Подобное возраженіе тѣмъ естественнѣе, что Пушкинъ, какъ говорили и даже писали въ то время, сперва хотѣлъ назвать свою поэму „Мазепой“, но почему-то послѣ, когда приступилъ къ ея печатанію, переименовалъ ее въ „Полтаву“. Положимъ, что это такъ, но и съ этой точки зрѣнія „Полтава“ будетъ произведеніемъ ошибочнымъ въ ея общности или цѣломъ. Какую мысль хотѣлъ выразить поэтъ черезъ эту исторію любви, смѣшанной съ политическими замыслами и черезъ нихъ приведшей въ соприкосновеніе съ полтавскою битвой? Неужели эту: какъ опасно обольщать, особенно на старости лѣтъ, юную невинность? И неужели мысль всей поэмы кроется въ мелодраматическомъ смущеніи Мазепы при видѣ опустѣлаго Кочубеева хутора, мимо котораго промчался онъ съ пресѣтымъ королемъ съ поля полтавской битвы? И стоило ли для такой мысли, конечно, очень похвальной и нравственной, но тѣмъ не менѣе слишкомъ частной и нисколько не исторической, — стоило ли для нея изображать полтавскую битву и Петра Великаго? Не думаемъ! Конечно, любовь Мазепы къ дочери Кочубея имѣетъ историческое значеніе по отношенію къ доносу озлобленнаго Кочубея на Мазепу, но въ отношеніи къ Полтавской битвѣ она, эта любовь, не болѣе какъ эпизодъ, какъ историческая подробность. И полтавская битва имѣетъ огромное значеніе сама по себѣ, не только безъ любви Мазепы, но и безъ самого Мазепы. Еслибъ поэтъ главною своею мыслью имѣлъ любовь Мазепы, онъ долженъ бы полтавскую битву ввести въ свою поэму, какъ эпизодъ, важный только по его отношенію къ лицу одного Мазепы, остальное

въ тѣни историческій образъ Петра и упомянувъ развѣ только о мнимой драматической смерти казака, влюбленнаго въ Марію, который бѣдитъ съ вѣстью Кочубея къ Петру, а въ полтавской битвѣ безумно бросается на Мазепу и, на смерть пораженный Войнаровскимъ, умеръ съ именемъ Маріи на устахъ. Иначе весь эпизодъ полтавской битвы необходимо долженъ былъ выдти какой-то особый, по мѣрѣ въ поэмѣ, безъ всякаго соотношенія съ любовною исторіею Мазепы — какъ оно и дѣйствительно вышло, во вредъ цѣлой поэмы. А это ясно доказываетъ, что Пушкинъ хотѣлъ, во что-бы ни стало, воспользоваться случаемъ къ созданію чего-то вродѣ эпической поэмы. Полтавская же битва, какъ всякій прикосновенная къ любовной исторіи Мазепы, была такимъ соблазнительнымъ случаемъ, что поэтъ не могъ пропустить его для осуществленія своей мечты. Но въ этой мечтѣ о возможности эпической поэмы и заключается причина ложнаго основанія „Полтавы", ибо даже изъ самой полтавской битвы нельзя сдѣлать поэмы. Эта битва была мыслью и подвигомъ одного человѣка: народъ принималъ въ ней участіе, какъ орудіе въ рукахъ Великаго, котораго понять и оцѣнить могло только потомство и для котораго суть потомства едва начался только со временъ Екатерины Второй. Вообще изъ жизни Петра Великаго геніальный поэтъ могъ бы сдѣлать не одну, а множество драмъ, но рѣшительно ни одной эпической поэмы. Петръ Великій слишкомъ личенъ и характеренъ, слѣдовательно, слишкомъ драматиченъ для какой-бы то ни было поэмы. Сверхъ того, для поэмы годятся только лица полуисторическія и полумиѳическія; отдаленность эпохи, въ которую они жили, способствуетъ совокупить все извѣстное о ихъ жизни въ нѣсколькихъ поэтическихъ мгновеніяхъ. Въ жизни же историческаго лица, не отдаленнаго отъ насъ пространствомъ вѣковъ и чуждыми намъ условіями быта, всегда бываетъ слишкомъ много тѣхъ прозаическихъ подробностей, которыхъ нельзя выбрасывать, не вредя ея полнотѣ и выразительности.

Итакъ, изъ „Полтавы" Пушкина эпическая поэма не могла выйти по причинѣ невозможности эпической поэмы

въ наше время, а романтическая поэма, вродѣ Байроновскои, тоже не могла выйти по причинѣ желанія поэта спѣшить ее въ невозможной эпической поэмѣ. И потому „Полтава" явилась поэмой безъ героя. Мы уже доказали, что смѣшно было бы считать Петра Великаго героемъ поэмы, въ которой главная и большая часть дѣйствія посвящена любовной исторіи Мазепы. Но и самъ Мазепа также не можетъ считаться героемъ „Полтавы". Байронъ въ своей исполинской энергіи и величіи поэмъ, названной именемъ Мазепы, изобразилъ это лицо исторически невѣрно; но какъ онъ въ этомъ изображеніи былъ вѣренъ поэтической истинѣ, то изъ его Мазепы вышло лицо колоссально-поэтическое: тамъ мы видимъ одно изъ тѣхъ гигантическихъ лицъ, которыя въ такомъ изобиліи порождалъ глубокій духъ англійскаго поэта... Но Пушкинъ, лучше Байрона знавшій Мазепу, какъ историческое лицо, хотѣлъ быть вѣренъ исторіи, и въ этомъ сдѣлалъ большую ошибку, ибо, спасите Бога ради, что за герои поэмы, о которомъ самъ поэтъ говоритъ:

Что ради и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Герой какого бы ни было поэтическаго произведенія, если оно только не въ комическомъ духѣ, долженъ возбуждать къ себѣ сильное участіе со стороны читателя. Еслибъ этотъ герой былъ даже злодѣй, и тогда онъ долженъ дѣйствовать на читателя силой своей воли, грандіозностью своего мрачнаго духа. Но въ Мазепѣ мы видимъ одну низость интригана, состарѣвшагося въ козняхъ. Чувствуя это, Пушкинъ

хотѣлъ дать прочное основаніе своей поэмѣ и дѣйствіямъ Мазепы въ чувствѣ мщенія, которымъ пылалъ Мазепа Петру за личную обиду со стороны послѣдняго. Мы узнаемъ это изъ разговора Мазепы съ Орликомъ наканунѣ полтавской битвы:

Нѣтъ, поздно, Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши,
Я слово смѣлое сказалъ...
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Послалъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ...
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье,
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды...
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.

Нѣтъ нужды говорить о художественномъ достоинствѣ этого разсказа: въ немъ виденъ великій мастеръ. Все въ немъ дышетъ нравами тѣхъ временъ, все вѣрно исторіи. Но хотя этотъ разсказъ и основанъ на историческомъ преданіи, онъ тѣмъ не менѣе нисколько не поясняетъ характера Мазепы, не имѣетъ единства дѣйствія поэмы. Можно основать поэму на какомъ-нибудь преданіи, безпристрастномъ мнѣніи: но это мнѣніе въ такомъ случаѣ должно быть рычагомъ всѣхъ

ѣйствій лица, должно быть цѣлью самому себѣ. Такое мщеніе не разбираетъ средствъ, не боится препятствій и не колеблется отъ страха неудачи. Но Мазепа былъ очень разсчетливъ для такого мщенія; еслибъ онъ зналъ, что его измѣна не удастся, -мало того, еслибъ онъ наканунѣ полтавской битвы, предвидя ея развязку, могъ еще разъ обмануть Петра и разыграть роль невиннаго,—онъ перешелъ бы на сторону Петра. Нѣтъ, на измѣну подвигла его надежда успѣха, надежда получить изъ рукъ шведскаго короля хотя и вассальскую, хотя только съ призракомъ самобытности, однако все же корону. Это ли мщеніе? Нѣтъ, мщеніе видитъ одно — своего врага, и готово вмѣстѣ съ нимъ броситься въ бездну, погубить врага хотя бы цѣной собственной погибели. Слова Мазепы, что „русскому царю возможно съ нимъ мириться", могутъ быть приняты не за что иное, какъ за хвастовство отчаянія. Петръ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, который удостоилъ бы Мазепу чести видѣть въ немъ своего врага и рѣшился бы, даже ради спасенія своего царства, мириться съ нимъ: онъ видѣлъ въ Мазепѣ не болѣе, какъ возмутившагося своего подданнаго, измѣнника. Мазепа этого не могъ не знать, къ своему несчастію: онъ былъ человѣкъ ума тонкаго и хитраго. Но еслибъ даже и на мщеніи Мазепы основанъ былъ весь планъ поэмы Пушкина, то къ чему же въ ней любовная исторія Мазепы, если не къ тому, чтобъ разъединить интересъ поэмы? Но, можетъ-быть, мысль эта заключается во взаимной любви Мазепы и Маріи? Старикъ, страстно влюбленный въ молодую дѣвушку, тоже страстно въ него влюбленную, —это мысль глубоко-поэтическая, и надо сказать, что Пушкинъ умѣлъ нарисовать ее кистью великаго живописца. Нѣкоторые изъ критиковъ того времени сильно возставали противъ возможности и естественности такой любви, но ихъ нападки не стоятъ не только возраженій, даже даже какого бы то ни было вниманія. Эти господа забыли объ „Отелло" Шекспира, — поэта, который въ знаніи человѣческаго сердца и страстей имѣетъ, конечно, большій, чѣмъ они, авторитетъ. Но Шекспиръ представилъ такую любовь

какъ фактъ, не касаясь его законовъ, потому что другой нравственный вопросъ долженъ былъ составить новость его драмы. Нашъ поэтъ, напротивъ, анализируетъ самую возможность и естественность такого явленія. И надо сказать, что въ этомъ отношеніи онъ истинно Шекспировски внесъ свѣточь поэзіи во мракъ вопроса, и далъ на него такой удовлетворительный отвѣтъ, какого можно ожидать только отъ великаго поэта:

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное.
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Здѣсь мы увидимъ, что любовь Маріи къ Мазепѣ развита и объяснена еще подробнѣе, глубже, съ мастерствомъ, передъ которымъ невольно останавливаешься пораженный удивленіемъ читатель. Но на любовь Мазепы къ Маріи всегда нельзя смотрѣть, какъ на новость поэмы: ибо эта любовь не застаетъ его ни на минуту поколебавшимся въ его мрачныхъ замыслахъ. Бѣлизна Маріи странно смущаетъ Мазепу, но оно не имѣетъ никакого вліянія на ходъ и развитіе поэмы. Смущеніе Мазепы при видѣ Кочубеева хутора и потомъ при видѣ сумасшествія Маріи кажется намъ мелодраматической подставкой со стороны поэта. Можетъ-быть, это происходитъ еще и отъ того, что послѣ такого событія, какъ полтавская битва съ ея слѣдствіями, интересъ любви уже не можетъ не ослабѣть. Здѣсь опять видна главная ошибка поэта, хотѣвшаго сдѣлать романтическое лицо съ героемъ. И вотъ почему „Полтава" не произвела на читателя того сильнаго, полнаго, совершенно удовлетворяющаго впечатлѣнія, которое только производитъ вполнѣ и ху-

болѣе-концепированное и строго обдуманное поэтическое твореніе.

Но отдѣльныя красоты въ „Полтавѣ“ изумительны. Если „Цыгане“ далеко превзошли всѣ предшествовавшія имъ произведенія Пушкина и по идеѣ и по исполненію, то „Полтава“ уступая „Цыганамъ“ въ единствѣ плана, далеко превосходитъ ихъ въ совершенствѣ выраженія. Изъ всѣхъ поэмъ Пушкина въ „Полтавѣ“ въ первый разъ стихъ его достигъ своего полнаго развитія, вполнѣ сталъ Пушкинскимъ. Критики того времени не безъ основанія придирались къ двумъ или тремъ неправильно удареннымъ прилагательнымъ, которыя такъ неожиданно напомнили собой „піитическія вольности“ прежней школы, напримѣръ: сопину вмѣсто сопную, тропу тайпу, вмѣсто тропу тайную: но нѣсколько смѣлыхъ нововведеній, какъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Онъ, тотъ единый быть отцомъ и другомъ“. Но мы укажемъ и еще на нѣсколько незамѣченныхъ ими погрѣшностей, какъ, напримѣръ, на неумѣстные славянизмы—„младой, благостыни, главы“, и въ особенности на два поражающія своей неточностью выраженія: первое въ монологѣ Мазепы противъ Кочубея, котораго, Богъ знаетъ почему, называетъ онъ „вольнодумцемъ“, и въ разговорѣ свирѣпаго онъ вообще весьма прозаически выражающагося во всей поэмѣ) Орлика, которымъ совѣтуетъ Кочубею на допросѣ „питаться мысленно суровой“ Но вотъ и все За исключеніемъ этого, стихи въ „Полтавѣ“—верхъ совершенства.

Обращаясь къ отдѣльнымъ красотамъ „Полтавы“, не знаешь, на чемъ остановиться такъ много ихъ. Почти каждое мѣсто, отдѣльно взятое на удачу изъ этой поэмы, есть образецъ высокаго художественнаго мастерства. Не будемъ выписывать всѣхъ этихъ мѣстъ, и укажемъ только на нѣкоторыя Хотя какъ, влюбленный въ Марію, и ея лицо лишнее, введенное въ поэму для эффекта, тѣмъ не менѣе его изображеніе (отъ стиха: „Между полтавскихъ казаковъ“ до стиха: „И взоры въ землю опускалъ“) представляетъ собой необыкновенно мастерскую картину. Слѣдующій затѣмъ отрывокъ отъ стиха: „Кто при звѣздахъ и

при лунѣ“ до стиха: „Царю Петру отъ Кочубея“ выше всякой похвалы: это вмѣстѣ и народная пѣсня и художественное созданіе. Кочубей, ожидающій въ темницѣ своей казни, его разговоръ съ Орликомъ (за исключеніемъ того, что говоритъ самъ Орликъ), — все это начертано кистью столь широкой, могучей, и въ тоже время спокойной и увѣренной, что читатель не знаетъ, чему дивиться: мрачности ли ужасной картины, или ея эстетической прелести. Можно ли читать безъ упоенія, столько же полнаго грусти, сколько и наслажденія, эти стихи:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьи,
Окованъ Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ:
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ..Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя молча пасть,
Какъ безсловесное созданье!
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье!
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому

Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?

Отвѣтъ Кочубея Орлику на допросъ послѣдняго о зарытыхъ кладахъ былъ расхваленъ даже присяжными хулителями „Полтавы", и потому мы не говоримъ о немъ. Кочубея пытаютъ, а Мазепа въ это время сидитъ у ногъ спящей дочери мученика и думаетъ:

Ахъ вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань.

Въ тотъ страшныхъ угрызеній совѣсти часъ ему сходитъ въ садъ, чтобъ освѣжить пылающую кровь свою, и обаятельная роскошь лѣтней малороссійской ночи, въ контрастѣ съ мрачными душевными муками Мазепы, блещетъ и сверкаетъ какой-то странно-фантастической красотой:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
По мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ,
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою,

И лѣтней теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.
Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.—
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И—съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Скажите какъ, какимъ языкомъ хвалить такія черты и отрывки высокаго художества? Правду говорятъ, что хвалить мудренѣе, чѣмъ бранить! Чтобы быть достойнымъ критикомъ такихъ стиховъ, надо самому быть поэтомъ—и еще какимъ! И потому мы, въ сознаніи нашего безсилія, скажемъ убогою прозою, что вся эта картина мученій совѣсти Мазепы можетъ подозрительному уму показаться нѣсколько мелодраматической выходкой (по той причинѣ, что Мазепѣ, какъ закоренѣлому злодѣю, такъ же было не къ лицу сострадаться отъ воплей терзаемой имъ жертвы, какъ и краснѣть, подобно юношѣ, отъ привѣта красоты), — то мастерство, съ которымъ сыроковены эти мученія, выше всякихъ похвалъ, и умѣетъ собою вполнѣ удивленіе. Сцена между женой Кочубея и ея дочерью замѣчательно хороша по роли, какую играетъ въ ней Марія. Вопросъ изумленной, еще не очнувшейся отъ сна женщины, которая почти понимаетъ и въ то же время страшится понять ужасный смыслъ внезапнаго явленія матери, этотъ вопросъ: „Какой отецъ? какая казнь?“, равно какъ и всѣ вопросительные и восклицательные отвѣты, — исполнены драматизма. Картина казни Кочубея и Искры отличается простотой и спокойствіемъ, которыя въ соединеніи съ ея страшной вѣрностью дѣйствительности произвели бы на душу читателя невы-

носимое, подавляющее впечатлѣніе, еслибъ творческое вдохновеніе поэта не ознаменовало ея печатью изящества. Этотъ палачъ, который, глумясь и веселясь на роковомъ помостѣ, алчно ждетъ жертвы и то играючи беретъ въ бѣлыя руки тяжелый топоръ, то шутитъ съ веселой чернью,—и этотъ безвѣстный народъ, который по совершеніи казни идетъ домой, толкуя межъ собой про свои вѣчныя работы: какая глубоко истинная, хотя въ то же время и безотрадно тяжелая мысль во всемъ этомъ!

Но что всѣ эти разсѣянныя богатой рукой поэта красоты передъ красотами третьей пѣсни! И не удивительно: вполнѣ этой третьей пѣсни устремленъ на предметъ колоссально-великій... Мы тутъ видимъ Петра и полтавскую битву. Мастерской кистью изобразилъ поэтъ преступные, мрачные помыслы, кипѣвшіе въ душѣ Мазепы; его притворную боязнь и внезапный переходъ съ одра смерти на поприще властительства: гнѣвъ Петра, его сильныя и быстрыя мѣры къ удержанію Малороссіи... Какъ прекрасно это политическое обращеніе поэта къ Карлу XII-му:

И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день: ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

Картина полтавской битвы начертана кистью широкой и смѣлой: она исполнена жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать съ нея, какъ съ натуры. Но явленіе Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрымъ холодомъ вдохновенья, подымающимъ волосы на головѣ,—производитъ на него такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видѣлъ передъ главами совершеніе какого-нибудь таинства, какъ будто бы нѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимой для взоровъ смертнаго славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніями...

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,

Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ.Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ божія гроза.
Идетъ... Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Ровняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се - равнину оглашая,
Далече грянуло *ура:*
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами...
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земного.
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

Представьте себѣ великаго творческаго генія, который столько лѣтъ носилъ и лелѣялъ въ душѣ своей замыслы преобразованія цѣлаго народа, который столько трудился въ потѣ царственнаго чела своего,—представьте его въ тѣ рѣшительную минуту, когда онъ начинаетъ видѣть, что его тяжба съ вѣками, его гигантская борьба съ самой природой, съ самой возможностью готова увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, — представьте себѣ его просвѣтленное, сіяющее побѣднымъ торжествомъ лицо, если только ваша фантазія

довольно сильна для такого представленія,—и вы будете видѣть предъ собою живую картину, начертанную Пушкинымъ въ стихахъ, которые сейчасъ прочли... Да, въ этомъ случаѣ живописи стоило бы побороться съ поэзіей,—и великій живописецъ могъ бы за честь себѣ поставить перевести на полотно въ живыхъ краскахъ живые стихи Пушкина, чтобъ рѣшить задачу, какъ воспользуется живопись предметовъ, столь мастерски выраженнымъ поэзіей. Тутъ задача живописца состояла бы уже не въ творчествѣ, а только въ творчески свободномъ переводѣ одного и того же предмета съ языка поэзіи на языкъ живописи, чтобъ сравнительно показать средства и способы того и другого искусства. Повторяемъ: тутъ живописцу нечего изобрѣтать для него готовы и группы, и подробности, и лицо Петра. Это главнѣйшая задача всей картины. Полтавская битва была не простое сраженіе, замѣчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нѣтъ, это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства, это была поверка дѣйствительности замысловъ столь великихъ, что, вѣроятно, и самому Петру въ горькія минуты неудачъ и разочарованія казались несбыточными, какъ и почти всѣмъ его подданнымъ. И потому на лицѣ послѣдняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ есть одно изъ орудій совершенія...

Но этимъ еще не оканчивается великая картина: это только главная часть ея: въ отдаленіи поэтъ показываетъ другую часть, меньшую, безъ которой картина его не имѣла бы полноты:

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вождя героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ

Необычайное волненье;
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

Въ подробностяхъ битвы особенно замѣчателенъ эпизодъ о волненіи дряхлаго и уже безсильнаго Палія, завидѣвшаго врага своего — Мазепу. Но эпизодъ смерти казака, влюбленнаго въ Марію, несмотря на превосходные стихи, по притворности исполненія мелодраматизма, и вовсе неумѣстенъ. Мы уже говорили, что самая мысль ввести въ поэму этого казака, чтобы было съ кѣмъ Кочубею отправить донос Петру на Мазепу, мелодраматически эффектна: рада ея поэтъ исказить историческое событіе: донос былъ отосланъ не съ казакомъ, а со старымъ монахомъ, Никаноромъ.

Картина битвы заключается еще картиной, съ которой тоже за честь бы могъ поставить себѣ поборотися нѣмецкій живописецъ:

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И полонъ славы взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Теперь намъ остается говорить о двухъ прекрасныхъ подробностяхъ еще цѣлой части поэмы, канвою которой составляетъ любовь Маріи къ Мазепѣ. Вся эта часть поэмы есть какъ бы поэма въ поэмѣ, и ея, конечно, стало бы на особую отдѣльную поэму.

Въ историческомъ фактѣ любви Мазепы и Маріи Пушкинъ воспользовался только идеей любви старика къ молодой дѣвушкѣ и молодой дѣвушки къ старику. Въ подробностяхъ и даже въ изображеніи дочери Кочубея онъ отступалъ отъ исторіи. Поэтому весь этотъ фактъ онъ перетворилъ по своему идеалу, — и дочь Кочубея является у него совер-

нѣчно идеализированной. Онъ перемѣнилъ даже ея имя — Матроны на Марію. Когда Матрона убѣжала къ старому гетману,—онъ, боясь соблазна и толковъ, переслалъ ее въ родительскій домъ, гдѣ мать Матроны катовала (палачила, истязала, сѣкла) ее. Но это, какъ и естественно, только еще больше разгоняло энергію страсти бѣдной дѣвушки. Мазепа любилъ ее, писалъ къ ней страстныя письма, но въ отношеніи къ ней не принялъ никакого твердаго рѣшенія — то умолялъ о свиданіяхъ, то совѣтовалъ идти въ монастырь.

Какъ бы то ни было, но основаніе, сущность отношеній Мазепы и Маріи въ поэмѣ Пушкина историческія и еще болѣе истинныя поэтически,- и Пушкинъ умѣлъ ими воспользоваться какъ истинно великій поэтъ, хотя онъ ихъ и идеализировалъ по своему.

Не только первый пухъ ланитъ,
Да русы кудри молодыя,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

Подобное явленіе рѣдко, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Важность его заключается въ законахъ человѣческаго духа, и потому по рѣдкости его можно находить удивительнымъ, но нельзя находить неестественнымъ. Самая обыкновенная женщина видитъ въ мужчинѣ своего защитника и покровителя: отдаваясь ему — сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ она дѣлаетъ обмѣнъ красоты или прелести на силу и мужество. Послѣ этого, очень естественно, если бываютъ женскія натуры, которыя, будучи исполнены страстей и энтузіазма, до безумія увлекаются нравственнымъ могуществомъ мужчины, украшеннымъ властью и славой,—увлекаются имъ безъ соображенія неравенства лѣтъ. Для такой женщины самыя сѣдины прекрасны, и тѣмъ круче нравъ старика, тѣмъ за большее счастье и честь для себя считаетъ она вліяніемъ своей красоты и своей любви укрощать его порывы, дѣлать его ровнѣе

и мягче. Само безобразіе этого старика — красота въ глазахъ ея. Вотъ почему кроткая, робкая Дездемона такъ безвозвратно отдалась старому вождю, суровому мавру—великому Отелло. Въ Маріи Пушкина это еще понятнѣе: ибо Марія, при всей непосредственности и неразвитости ея сознанія, одарена характеромъ горднымъ, твердымъ, рѣшительнымъ. Она была бы достойна слить свою судьбу не съ такимъ злодѣемъ, какъ Мазепа, но съ героемъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ бы ни велика была разница ихъ лѣтъ, ихъ союзъ былъ бы самый естественный, самый разумный. Ошибка Маріи состояла въ томъ, что она въ душѣ, готовой на все злое для достиженія своихъ цѣлей, думала увидѣть душу великую, дерзость безнравственности приняла за могущество героизма. Эта ошибка была ея несчастьемъ, но не виной: Марія, какъ женщина, ревнива въ этой ошибкѣ. На этомъ основаніи намъ понятна ея любовь, понятно

Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась, тайно воздыхала
И на привѣты женихов
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала:
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ,
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй:
И бранный звонъ литавръ, и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки...

Нельзя довольно надивиться богатству и роскоши красокъ, которыми изобразилъ поэтъ страстную и трагическую любовь этой женщины. Здѣсь Пушкинъ, какъ поэтъ, возвысился на высоту, доступную только художникамъ первой величины. Глубоко вонзилъ онъ свой художническій взоръ въ тайну

тельнаго женскаго сердца, и взять насъ въ его святилище, чтобъ внѣшнее сдѣлать для насъ выраженіемъ внутренняго, въ фактѣ дѣйствительности открыть общій законъ, въ явленіи — мысль...

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей!
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ;
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ;
Ты имъ въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ, горда —
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи...
Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?

Но въ такой великой натурѣ любовь можетъ быть только преобладающею страстью, которая въ выборѣ не допускаетъ никакого совмѣстничества, даже никакого колебанія, но кото-

рая не заглушаетъ въ душѣ другихъ нравственныхъ привязанностей. И потому обаяніе любви не отнимаетъ въ сердцѣ Маріи мѣста для грустнаго и тревожнаго воспоминанія объ отцѣ и матери.

И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмѣваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она сквозь слезы видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости одинхъ,
И, мнится, пѣснямъ ихъ внимаетъ...
О, еслибъ видѣла она,
Что́ ужъ узнала вся Украйна!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

Намъ скажутъ, что въ дѣйствительности это было не такъ, ибо Матрена ненавидѣла своихъ родителей, и клялась вѣчно „любить и сердечне вохаты Мазепу на злость ея ворогамъ“. Но, вѣдь, въ дѣйствительности-то роптанія Матрены клеветали ее... Понятно, почему Пушкинъ рѣшился поэтически отступить отъ „гадкой“ дѣйствительности.

Но иная личность Маріи не возвышается въ поэмѣ Пушкина до такой идеальной высоты, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепой,—сценѣ, написанной истинно Шекспировскою кистью. Когда Мазепа, чтобъ развѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи принужденъ былъ открыть ей свои сердечныя замыслы, она все забываетъ: и тѣ, и другія сомнѣнія, и тѣ, и другія опасенія: только, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ее, ее одну вѣритъ, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ. Ея пылкому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, онъ не знаетъ, какъ опасны такія стремленія, и чѣмъ обманываются они! Она знаетъ одно, вѣритъ одному, что онъ, ея возлюбленный, такъ могущъ, что не можетъ не достигнуть всего, что бы только захотѣлъ. Блескъ короны на сѣдыхъ кудряхъ любовника уже ослѣпилъ ея очи, — и она восхищается съ увѣренностью пылкой, сильной и разумной одной любовью, но не знаніемъ жизни:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Вникните во всю эту сцену, разберите въ ней всякую подробность, взвѣсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и вмѣстѣ съ тѣмъ какая простота! Этотъ отвѣтъ Маріи: „Я! люблю ли?“, это желаніе уклониться отъ отвѣта на вопросъ, уже рѣшеннымъ ея сердцемъ, но все еще страшный для нея — кто онъ герою: любовникъ или отецъ, и кого изъ нихъ принесла бы она въ жертву для спасенія другого, — и потомъ, рѣшительный отвѣтъ, при видѣ гнѣва любовника... какъ все это драматически, и сколько тутъ знанія женскаго сердца.

Явленіе сумасшествія Маріи, неумѣстное въ ходѣ поэмы и даже мелодраматическое, какъ средство испугать совѣсть Мазепы, превосходно, какъ дополненіе портрета этой женщины. Послѣднія слова этой безумной рѣчи исполнены столько же трагическаго ужаса, сколько и глубокаго психологическаго смысла:

Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старикъ Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ,
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

Творческая кисть Пушкина нарисовала намъ не одинъ женскій портретъ, но ничего лучше не создала она лица Маріи. Что перетъ нею эта прекрасавица и столько восхищавшая всѣхъ и теперь еще многихъ восхищающая Татьяна — со смѣшеніе деревенской мечтательности съ городскимъ благоразуміемъ?..

Но „Полтава“ принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ твореній Пушкина не по одному лицу Маріи. Лишенная

единства и мысли плана, а потому недостаточная и слабая в целом. Поэма эта есть великое произведение по ее частностям. Она заключает в себе несколько поэм, и потому самому не составляет одной поэмы. Богатство ее содержания не могло высказаться в одном сочинении, и она распалась от тяжести этого богатства. Третья песнь ее сама по себе есть нечто особенное, отдельная поэма в эпическом роде. Но в ней нельзя было отдать эпической поэме: если бы поэт и дал ей обширнейший объем, она и тогда осталась бы рядом превосходнейших картин, но не поэмой. Чувствуя это, поэт хотел связать ее с историей любви, имеющей драматический интерес, но эта связь не могла не вышла чисто внешняя. И вся эта разнохарактерность вырвалась в эпилог, в котором поэт говорит сперва о горьких и сильных любви того века, потом о Петре Великом, далее о Карле XII, о Мазепе, о Кочубее с Петром, и оканчивает все это Марией... Несмотря на то, „Полтава" была великим шагом вперед со стороны Пушкина. Как архитектурное здание, она не поражает общим впечатлением, нет в ней никакого преобладающего элемента, к которому бы все другие относились гармонически; но каждая часть в отдельности есть превосходное художественное произведение. И никогда еще до того времени наш поэт не употреблял таких драгоценных материалов на свои здания, никогда не отделывал их с большим художественным совершенством. Сколько простоты и энергии в его стихе! Какая живая соответственность между содержанием и колоритом языка, которым оно передано! Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское в тоне рассказа, в духе и обороте выражения! И между тем как хорошо была принята эта поэма! Одни хвалили, желая выказать и посильное свое остроумие, называть Палача бахрушкой, а всю картину балаганной отвратительной! Вот уж подлинно бахрушка! Другой поэмы нет, как вашей нелепости, как любовью старика Мазепы к молодой девушке, и находить сравнение этого факта разве только в русской истории!

„сѣлина въ бороду, а бѣсъ въ ребро". Третій доказывалъ, что всѣ дѣйствующія лица „Полтавы" карикатурны на основаніи отзывовъ Мазепы о Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ!.. И все это тогда читалось: многіе такіе вѣрили дѣльности такихъ отзывовъ!...

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о „Евгеніи Онѣгинѣ", но статья наша и такъ вышла велика, а „Евгеній Онѣгинъ", кромѣ своего огромнаго объема, имѣетъ въ русской литературѣ и въ русской жизни столь важное значеніе, что о немъ надо или говорить много, или совсѣмъ не говорить. И потому мы откладаемъ его разборъ до слѣдующей статьи, а эту кончимъ бѣглымъ взглядомъ на „Графа Нулина".

„Графъ Нулинъ" — не болѣе, какъ легкій сатирическій очеркъ одной стороны нашего общества, но очеркъ, сдѣланный рукой въ высшей степени художественной. Сказкой „Модная Жена" Дмитріевъ никогда чуть не стяжалъ вѣнка безсмертія. Сказка его дѣйствительно прекрасна: ее и теперь нельзя читать безъ удовольствія; но вѣнки безсмертія въ наше время очень въ моркахъ, и хотя „Графъ Нулинъ" безконечно выше и лучше „Модной Жены" Дмитріева, однако не имъ будетъ безсмертенъ Пушкинъ: для „Графа Нулина" достаточно чести быть не больше, какъ листикомъ въ лавровомъ вѣнкѣ его. Въ лицѣ графа Нулина поэтъ съ неподражаемымъ мастерствомъ изобразилъ одного изъ тѣхъ пустыхъ людей высшаго свѣтскаго круга, которые такъ обыкновенны въ жизни. Наталья Павловна типъ молодой помѣщицы новыхъ временъ, которая воспитывалась въ пансіонѣ, въ дѣтъ моды не отстаетъ отъ вѣка, хотя живетъ въ глуши, о хозяйствѣ не имѣетъ никакого понятія, читаетъ чувствительные романы и зѣваетъ въ обществѣ своего мужа — истиннаго типа степного медвѣдя и пахаря. Въ этой повѣсти все такъ и дышитъ русской природой, свѣжими красками русскаго деревенскаго быта. Здѣсь цѣлый рядъ картинъ въ фламандскомъ вкусѣ,—и ни одна изъ нихъ не уступитъ въ достоинствѣ любому изъ тѣхъ произведеній фламандской живописи, которыя такъ высоко цѣнятся знатоками. Что составляетъ главное достоинство

фламандской школы, если не умѣнье представлять прозу дѣйствительности подъ поэтическимъ угломъ зрѣнія? Въ этомъ смыслѣ „Графъ Нулинъ" есть цѣлая галерея превосходнѣйшихъ картинъ фламандской школы. И если мы сказали, что не „Графомъ Нулинымъ" будетъ безсмертенъ Пушкинъ, это не значитъ, чтобъ мы на поэму его смотрѣли, какъ на легонькое литературное произведеніице, какъ на остроумную шутку: нѣтъ, это значитъ только, что у Пушкина слишкомъ много гораздо большихъ правъ на безсмертіе, чѣмъ „Графъ Нулинъ", и что эта поэма, которая могла бы составить главный капиталъ извѣстности для иного поэта, у Пушкина есть только роскошь, избытокъ, который тратится безъ вниманія и безъ сожалѣнія.

Нельзя не подивиться легкости, съ какой поэтъ схватываетъ въ „Графѣ Нулинѣ" самыя характеристическія черты русской жизни. Вотъ, напримѣръ, портретъ Параши, горничной Натальи Павловы:

Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ копотовъ проситъ,
Порою барина смѣшитъ,
Порой на барина кричитъ
И лжетъ предъ барыней отважно.

Да, это типъ всѣхъ русскихъ горничныхъ, которыя служатъ барынямъ новаго, т. е. пансіоннаго образованія!

Говорить ли, что вся поэма исполнена ума, остроумія, легкости, граціи, тонкой иронія, благороднаго тона, знанія дѣйствительности, написана стихами въ высшей степени превосходными? Пушкинъ иначе и не умѣетъ писать, а „Графъ Нулинъ" есть одно изъ удачнѣйшихъ его произведеній.

Эта поэма въ первый разъ была напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1828 года, а отдѣльно вышла въ 1829 г. Тогда то опрокинулась на нее со всѣмъ остервенѣніемъ педантическая критика. Главной виной поставлено было „Графу Нулину" пустота будто бы его содержанія. По убѣжденію этой критики, поэзія должна заниматься только

важными предметами, каковые обрѣтаются въ одахъ Ломоносова, его „Петріадѣ“, одахъ Петрова и стопудовыхъ пѣснахъ Хераскова. Ей, этой неотесанной критикѣ, и въ голову не входило, что все это высокопарное и торжественное пѣснопѣніе, взятое массой, далеко не стоитъ одной страницы изъ „Графа Нулина“ Потому поставлена была въ великое преступленіе „Графу Нулину“ непринужденная вольность его содержанія и изложенія, будто бы оскорбляющая хорошій тонъ свѣтскаго общества. Бѣдная критика! она любовности училась въ дѣвичьихъ, а хорошаго тона набиралась въ прихожихъ: удивительно ли, что „Графъ Нулинъ“ такъ жестоко оскорбилъ ея тонкое чувство приличія? Бѣдная критика! она и до сихъ поръ добродушно убѣждена въ своемъ знаніи большого свѣта, и нещадно преслѣдуетъ „Мертвыя Души“ за нарушеніе условій хорошаго тона, — а большой свѣтъ, неблагодарный, до сихъ поръ не хочетъ и подозрѣвать существованія ея, бѣдной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ прочелъ „Мертвыя Души“, съ какимъ и когда читалъ „Графа Нулина“, не видя ни въ томъ ни въ другомъ произведеніи ничего противнаго и оскорбительнаго тому, что называетъ онъ „хорошимъ тономъ“ и „приличіемъ“.

VIII.

„Евгеній Онѣгинъ“.

Признаемся: не безъ нѣкоторой робости приступаемъ мы къ критическому разсмотрѣнію такой поэмы, какъ „Евгеній Онѣгинъ“. И эта робость оправдывается многими причинами „Онѣгинъ“ есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно ли назвать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ „Онѣгинѣ“ вся Пушкина? Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его: здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе значитъ — оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣя-

тельности. Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ „Онѣгина", эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе. Съ этой точки зрѣнія даже и то, что теперь критика могла бы съ основательностью назвать въ „Онѣгинѣ" слабымъ или устарѣлымъ,— даже и то является исполненнымъ глубокаго значенія, великаго интереса. И насъ приводитъ въ затрудненіе не одно только сознаніе слабости нашихъ силъ для вѣрной оцѣнки такого произведенія, но и необходимость въ одно и то же время во многихъ мѣстахъ „Онѣгина", съ одной стороны, видѣть недостатки, съ другой—достоинства. Большинство нашей публики еще не стало выше этой отвлеченной и односторонней критики, которая признаетъ въ произведеніяхъ искусства только безусловные недостатки или безусловныя достоинства, и которая не понимаетъ, что условное и относительное составляютъ форму безусловнаго, вотъ почему нѣкоторые критики добродушно были убѣждены, что мы не уважаемъ Державина, находя въ немъ великій талантъ и въ то же самое время не находя между произведеніями его ни одного, которое было бы вполнѣ художественно и могло бы вполнѣ удовлетворить требованіямъ эстетическаго вкуса нашего времени. Но въ отношеніи къ „Онѣгину" наши сужденія могутъ показаться многимъ еще болѣе противорѣчащими, потому что „Онѣгинъ" со стороны формы есть произведеніе въ высшей степени художественное, а со стороны содержанія самые его недостатки составляютъ его величайшія достоинства. Вся наша статья объ „Онѣгинѣ" будетъ развитіемъ этой мысли, какой бы ни показалась она съ перваго взгляда многимъ изъ нашихъ читателей.

Прежде всего въ „Онѣгинѣ" мы видимъ поэтически воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія. Съ этой точки зрѣнія „Евгеній Онѣгинъ" есть поэма историческая въ полномъ смыслѣ слова, хотя въ числѣ ея героевъ нѣтъ ни одного историческаго лица. Историческое достоинство для поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ

и блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія: заслуга безмѣрная! До Пушкина русская поэзія была не болѣе, какъ понятливой и переимчивой ученицей европейской музы,—и потому всѣ произведенія русской поэзіи до Пушкина какъ-то походили больше на этюды и копіи, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія. Самъ Крыловъ—этотъ талантъ, столько же сильный и яркій, сколько и національно-русскій, долго не имѣлъ смѣлости отказаться отъ незавидной чести быть то переводчикомъ, то подражателемъ Лафонтена. Въ поэзіи Державина ярко проблескиваютъ и русская рѣчь и русскій умъ, но не больше, какъ проблескиваютъ, погашаемые водой риторически-понятыхъ иноземныхъ формъ и понятій. Озеровъ написалъ русскую трагедію, даже историческую „Дмитрія Донского", но въ ней русскаго и историческаго — одни имена: все остальное столько же русское и историческое, сколько французское или татарское. Жуковскій написалъ двѣ русскія баллады—„Людмилу" и „Свѣтлану": но первая изъ нихъ есть передѣлка нѣмецкой (и притомъ довольно дюжинной) баллады, а другая, отличаясь дѣйствительно поэтическими картинами русскихъ святочныхъ обычаевъ и зимней русской природы, въ то же время вся проникнута нѣмецкой сантиментальностью и нѣмецкимъ фантазмомъ. Муза Батюшкова, вѣчно скитаясь подъ чужими небесами, не сорвала ни одного цвѣтка на русской почвѣ. Всѣхъ этихъ фактовъ было достаточно для заключенія, что въ русской жизни нѣтъ и не можетъ быть никакой поэзіи, и что русскіе поэты должны за вдохновеніемъ скакать на пегасѣ въ чужія края, даже на востокъ, не только на западъ. Но съ Пушкинымъ русская поэзія изъ робкой ученицы явилась даровитымъ и опытнымъ мастеромъ. Разумѣется, это сдѣлалось не вдругъ, потому что вдругъ ничего не дѣлается. Въ поэмахъ: „Руслань и Людмила" и „Братья-Разбойники" Пушкинъ былъ не больше, какъ ученикомъ, подобно своимъ предшественникамъ, — но не въ

поэзіи только, какъ онъ, а еще и въ попыткахъ на поэтическое изображеніе русской дѣйствительности. Этимъ ученичествомъ и объясняется, почему въ „Русланѣ и Людмилѣ" такъ мало русскаго и такъ много итальянскаго, а „Разбойники" такъ похожи на шумливую мелодраму. Есть у Пушкина русская баллада „Жених", написанная имъ въ 1825 году, въ которомъ появилась и первая глава „Онѣгина". Эта баллада и со стороны формы и со стороны содержанія насквозь пронизана русскимъ духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чѣмъ о „Русланѣ и Людмилѣ", можно сказать:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Такъ какъ эта баллада и тогда не обратила на себя особеннаго вниманія, а теперь почти всѣми забыта, мы выпишемъ изъ нея сцену сватовства.

На утро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ.
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
„У васъ товаръ, у насъ купецъ,
Собою парень молодецъ
И статный, и проворной,
Не вздорной, не зазорной.
„Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А какъ боярин между тѣмъ
Живетъ не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.
„Катался, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
Не то рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?"
Она сидитъ за пирогомъ
Да рѣчь ведетъ обинякомъ,
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.
„Согласенъ, говоритъ отецъ,
Ступай благополучно,

Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить".

И такова вся эта баллада отъ перваго до послѣдняго слова! Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ! Но не въ такихъ произведеніяхъ только видѣть образцы проникнутыхъ національнымъ духомъ поэтическихъ созданій, — и публика не безъ основанія не обратила особеннаго вниманія на эту чудную балладу. Міръ, такъ вѣрно и ярко изображенный въ ней, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже по слишкомъ рѣзкой его особенности. Сверхъ того, онъ такъ тѣсенъ, мелокъ и немногосодержателенъ, что истинный талантъ не долго будетъ распространяться его, если не захочетъ, чтобъ его произведенія были односторонни, однообразны, скучны и, наконецъ, пошлы, несмотря на всѣ ихъ достоинства. Вотъ почему человѣкъ съ талантомъ дѣлаетъ обыкновенно не болѣе одной или, много, двухъ попытокъ въ такомъ родѣ: для него это — дѣло между прочимъ, затѣянное больше изъ желанія испытать свои силы и на этомъ поприщѣ, нежели изъ особеннаго уваженія къ этому поприщу. Лермонтова „Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалова купца Калашникова", не превосходя пушкинскаго „Жениха" со стороны формы, слишкомъ много превосходитъ его со стороны содержанія. Это поэма, въ сравненіи съ которой ничтожны всѣ богатырскія народно-русскія поэмы, собранныя Кирѣевскимъ, Рыбниковымъ. И между тѣмъ „Пѣсня" Лермонтова была не болѣе, какъ опытъ таланта, проба пера, и очевидно, что Лермонтовъ никогда ничего больше не написалъ бы въ этомъ родѣ. Въ этой пѣснѣ Лермонтовъ взялъ все, что только могъ ему представить сборникъ Кирѣи Данилова, и новая попытка въ этомъ родѣ была бы по необходимости повтореніемъ одного и того же: старыя погудки на новый ладъ. Чувства и стра-

сти людей того міра такъ однообразны въ своемъ проявленіи; общественныя отношенія людей этого міра такъ просты и несложны, что все это легко исчерпывается одна однимъ произведеніемъ сильнаго таланта. Разнообразіе страстей, тонкія до безконечности оттѣнки чувствъ, безчисленно многосложныя отношенія людей, общественныя и частныя, — вотъ гдѣ богатая почва для цвѣтовъ поэзіи, и эту почву можетъ приготовить только сильно развивающаяся или развившаяся цивилизація. Произведенія вродѣ „Jeanne" Жоржъ Занда возможны только во Франціи, потому что тамъ цивилизація, въ многосложности ея элементовъ, всѣ сословія поставила въ тѣсное и электрически взаимно дѣйствующее отношеніе другъ къ другу. Наша поэзія, напротивъ, должна искать для себя матеріаловъ почти исключительно въ томъ классѣ, который по своему образу жизни и обычаямъ представляетъ болѣе развитія и умственнаго движенія. И если національность составляетъ одно изъ высочайшихъ достоинствъ поэтическихъ произведеній, — то, безъ сомнѣнія, истинно-національныхъ произведеній должно искать у насъ только между такими поэтическими созданіями, которыхъ содержаніе взято изъ жизни сословія, сохранившагося по реформѣ Петра Великаго и усвоившаго себѣ формы образованнаго быта. Но большинство публики до сихъ поръ понимаетъ это дѣло иначе. Назовите народнымъ и національнымъ произведеніемъ „Руслана и Людмилу". И съ вами всѣ согласятся, что это дѣйствительно народное и національное произведеніе. Еще болѣе будутъ согласны съ вами, если вы назовете народнымъ произведеніемъ всякую пѣсню, въ которой дѣйствуютъ мужики и бабы, боярышни, купцы и мѣщане, или въ которомъ дѣйствующія лица перемѣшаютъ свой невинный разговоръ русскими пословицами и поговорками и, вдобавокъ, пропускаютъ между ними риторическія, на семинарскій манеръ, фразы о народности и т. п. Люди, болѣе умные и образованные, охотно отдадутъ преимущество вліять народную русскую поэзію въ баснях Крылова, и даже готовы видѣть ее что-уже не такъ основательно не только въ сказ-

кахъ Пушкина („О царь Салтанъ“ и „О мертвой царевнѣ“), но и (что уже вовсе неоспоримо) въ сказкахъ Жуковскаго („О царѣ Берендеѣ до колтынъ борода“ и „О Спящей Царевнѣ“). Но немногіе согласятся съ вами и для многихъ покажется страннымъ, если вы скажете, что первая истинно національная поэма въ стихахъ была и есть „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина, и что въ ней нѣтъ ничего больше, нежели въ какомъ нибудь другомъ народномъ русскомъ сочиненіи. А между тѣмъ это такая же истина, какъ и то, что дважды два — четыре. Если ее не всѣ признаютъ національной — это потому, что у насъ издавна укоренилось пресмѣшное мнѣніе, будто бы русскій во фракѣ или русская въ корсетѣ — уже не русскіе, и что русскій духъ дастъ себя чувствовать только тамъ, гдѣ есть лапти, сивуха и кислая капуста. Въ этомъ случаѣ у насъ многіе даже и между такъ-называемыми образованными людьми безсознательно почитаютъ русскому простонародью, которое всякаго чужестранца изъ Европы называетъ „нѣмцемъ“. И вотъ гдѣ источникъ пустой болѣзни нѣкоторыхъ, чтобы мы всѣ не онѣмечились! Всѣ европейскіе народы развивались какъ одинъ народъ, сперва подъ сѣнью католическаго единства, духовнаго (въ лицѣ папы) и свѣтскаго (въ лицѣ избраннаго главы священной Римской Имперіи), а потомъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же стремленій къ послѣднимъ результатамъ цивилизаціи, — однако тѣмъ не менѣе между французомъ, нѣмцемъ, англичаниномъ, итальянцемъ, шведомъ, испанцемъ — такая же существенная разница, какъ и между русскимъ и китайцемъ. Это струны одного и того же инструмента — духа человѣческаго, но струны разнаго объема, каждая съ своимъ особеннымъ звукомъ, и потому-то онѣ издаютъ полные гармоническіе аккорды. Если же народы западной Европы, всѣ равно происходящіе отъ великаго тевтонскаго племени, большею частью смѣшавшагося съ романскими племенами, всѣ равно развившіеся на почвѣ одной и той же религіи, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обычаевъ, одного и того же общественнаго устройства, и потомъ всѣ равно воспользовать-

шіеся богатымъ наслѣдіемъ древне-классическаго міра, — если, говоримъ, всѣ народы западной Европы, составляющіе собой единое семейство, тѣмъ не менѣе рѣзко отличаются одинъ отъ другого, то естественное ли дѣло, чтобъ русскій народъ, возникшій на другой почвѣ, подъ инымъ небомъ, имѣвшій свою исторію, ни въ чемъ не похожую на исторію ни одного западно-европейскаго народа, естественно ли, чтобъ русскій народъ, усвоивъ себѣ одежду и обычаи европейскіе, могъ утратить свою національную самобытность и похожимъ былъ на какихъ-нибудь ирокезовъ, или какого изъ европейскихъ народовъ, отъ которыхъ каждый другъ отъ друга рѣзко отличается и физическою и нравственною физіономіей? Да это нелѣпость нелѣпостей! Хуже этого ничего нельзя и вообразить! Первая причина особенности племени или народа заключается въ почвѣ и климатѣ занимаемой имъ страны: а много ли на земномъ шарѣ странъ столь разныхъ въ географическомъ и климатическомъ отношеніяхъ, какъ Россія? И потому, чтобъ напоръ европейскихъ обычаевъ и идей могъ лишить русскихъ ихъ національности, для этого нужно прежде всего ровнымъ счетомъ матеріямъ Россіи дѣйствовать въ горизонтѣ, безконечное его пространство сдѣлать меньшимъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ его нынѣшнимъ Сибирью. И много кромѣ того нужно бы сдѣлать такого, чего не будетъ сдѣлать, и о чемъ фантазировать не стоитъ приличнаго только Манилову. Далѣе: борьба за народность, которая трепещетъ за свою самостоятельность при всякомъ соприкосновеніи съ другой народностью! Наши самозванные патріоты не имѣютъ въ простотѣ ума и сердца своего, что, безпрестанно боясь за русскую національность, они тѣмъ самымъ тѣсно ее ограничиваютъ. Не только сдѣлалось бы смѣшнымъ русское рѣшето, если бы тогда, какъ Петръ Великій отдѣлилъ отъ европейскаго и привѣнчалъ его сообразно съ своимъ планомъ военной жизни, — какъ-то естественно имѣть тогда крестьянъ, худо вооруженныхъ, еще хуже жизни вымуштрованныхъ, и случаю войны не было опредѣленныхъ отъ побѣгъ и сохи, — такъ-то естественно имѣть ихъ бѣгущими въ безпорядкѣ съ полей сраженія — точно какъ

ле. Такъ естественно видѣть людей солдатъ, даже и при военномъ неудачѣ, или храбро умирающими на полѣ битвы, или отступающими въ грозномъ порядкѣ. Нѣкоторые изъ горячихъ славянолюбовъ говорятъ: „Посмотрите на нѣмца,— онъ везъ нѣмецъ, и въ Россіи, и во Франціи, и въ Индіи: француз тоже везъ француз, куда бы ни занесла его судьба; а русскій въ Англіи англичанинъ, во Франціи французъ, въ Германіи нѣмецъ. „Дѣйствительно, въ этомъ есть своя сторона истины, которой нельзя оспаривать, но которая служитъ не къ униженію, а къ чести русскихъ. Это свойство удачно примѣнимо ко всякому народу, но всякой страны отнюдь не есть исключительное свойство только образованныхъ сословій въ Россіи, но свойство всего русскаго племени, всей сѣверной Руси: этимъ свойствомъ русскій человѣкъ отличается и отъ всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, и можетъ быть, смѣло и обильнѣе ихъ своимъ превосходствомъ надъ ними. Извѣстно, что наши русскіе солдаты —удивительные природные философы и политики, и ничѣмъ не удивляются, но все находятъ очень естественнымъ, такъ что это все ни было противно ихъ понятіямъ и привычкамъ. Чтобъ спишемъ не распространяться объ этомъ предметѣ, сошлемся, для краткости, на замѣчаніе Лермонтова объ удивительной способности русскаго человѣка приспособляться къ обычаямъ чужихъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. „Не люблю говорить языкомъ „Героя Нашего Времени", гостиною порицанія или похвалы это свойство ума, только оно показываетъ немовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго здраваго смысла, который прощаетъ все видитъ, что вещи это необходимость или невозможность его уничтоженія". Здѣсь дѣло идетъ о Англіи, а не о Европѣ: но русскій человѣкъ вездѣ тотъ же. Онъ любитъ нѣмецъ, тяжеловато-горделивъ, „Англичанинъ-Буль уже самими нравами и манерами внѣшними и нищимъ не отречется своего происхожденія; а послѣ француза только русскій можетъ по нарумяненности казаться просто человѣкомъ, не носящимъ на своемъ лбу національнаго клейма и паспорта. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ,

чтобъ русскій, умѣя въ Англіи походить на англичанина, а во Франціи на француза, хоть на минуту переставъ быть русскимъ или хоть на минуту шутя могъ сдѣлаться англичаниномъ или французомъ. Форма и сущность не всегда одно и то же. Хорошую форму почему не усвоить себѣ, но отъ сущности своей отрѣшиться совсѣмъ не такъ легко, какъ промѣнять охабень на фракъ. Между русскими есть много галломановъ, англомановъ, германомановъ и разныхъ другихъ „мановъ“. Посмотришь на нихъ: точно такъ, съ какой стороны ни зайди — англичанинъ, французъ, нѣмецъ, да и только. Есть англоманъ, да еще богатый, то и лошади у него англизированныя, и жокеи, и грумъ, словно сейчасъ изъ Лондона привезенные, и паръ въ англійскомъ вкусѣ, и портеръ онъ пьетъ исправно, любитъ роспись и худинги, на комфортъ помѣшанъ, и даже боксируетъ не хуже любого англійскаго кучера. Если галломанъ — отвѣтъ какъ модная картинка, по французски говоритъ не хуже парижанина, на все смотритъ съ равнодушнымъ презрѣніемъ, при случаѣ почитаетъ долгомъ быть и любезнымъ и остроумнымъ. Если германоманъ больше всего любитъ искусство, какъ искусство, науку какъ науку, романтизируетъ, презираетъ толпу, не хочетъ внѣшняго счастія и выше всего ставитъ созерцательное блаженство своего внутренняго міра.. Но пошлые всѣхъ этихъ тонкостей не поймутъ—англомановъ въ Англію, галломановъ во Францію, германомановъ въ Германію, да посмотрите, такъ ли охотно, какъ вы, поспѣшатъ англичане, французы и нѣмцы признать своими соотечественниками нашихъ англомановъ, галломановъ и германомановъ.. Нѣтъ, не понадутъ они въ соотечественники этимъ народамъ, а только развѣ просвѣчутъ между ними притчею во языцѣхъ, сдѣлаются предметомъ всеобщаго оскорбительнаго вниманія и удивленія. Это потому, повторяемъ, что усвоить чуждую форму совсѣмъ не то, что отрѣшиться отъ собственной сущности. Русскій за границей легко можетъ быть принятъ за уроженца страны, въ которой онъ временно живетъ, потому что на улицѣ, въ трактирѣ, на балу, въ путешествіи онъ ничѣмъ

...ли не только по его виду: но въ отношеніяхъ грамматическихъ, семейныхъ, но въ положеніяхъ жизни исключительныхъ другъ отъ друга. Такъ нужно понимать обнаруженіе всякой національности, и каждый по невольно является самимъ собою и васъ-самымъ чужой земли. Съ этой точки зрѣнія русскому городу не что пристать за англичанина въ Россіи, нѣмцу въ Англіи. Но въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ еще могутъ быть странныя исключенія: въ отношеніи же къ народамъ никогда. Доказательствомъ могутъ служить тѣ связи племенъ, которыхъ историческія судьбы были тѣсно связаны съ судьбами нашей Европы. Чехія отовсюду окружена германскимъ и нѣмецкимъ владѣніями: въ теченіе цѣлыхъ столѣтій они шли рядомъ, развивались они вмѣстѣ съ нимъ, но почти всегда враждебно, и угнетенный духъ и словомъ и дѣломъ ревниво оберегалъ — и что же?— чехи до сихъ поръ славяне, но сихъ поръ — не только не германцы, но и не совсѣмъ европейцы...

Все сказанное нами было необходимымъ отступленіемъ отъ опредѣленія настоящаго положенія нашей литературы, чтобы намъ, въ ней интересующимся, было легче понять только ея отношенія, которыхъ содержаніе измѣнялось въ ходѣ ея развитія и преобразованія. Вотъ — напримѣръ — что значитъ это странное мнѣніе, отличающее „не русскимъ" все, что есть въ Россіи лучшаго и образованнѣйшаго. Вотъ почему это „двоякое" европейское мнѣніе, какой-нибудь грузинъ фразируетъ съ малолѣтства и собственно по-русски, а „Горе отъ Ума" есть для него русское, но только уже по національности пріобрѣтенной. Вотъ почему и нѣмецъ, и родившійся „Русскій Вѣстникъ" сказалъ въ Мертвыхъ душахъ", есть хотя и плохое, однако тѣмъ не менѣе [illegible] „Горе отъ Ума", хотя и [illegible] русское. Вотъ почему [illegible] Мертвыя души" [illegible] Вотъ почему [illegible] Ума" [illegible]

туры допускало въ изящныя созданія только людей высшаго круга и образованныхъ сословій, и если иногда позволяло выводить въ поэмѣ, драмѣ или эклогѣ простолюдиновъ, то не иначе, какъ умытыхъ, причесанныхъ, разодѣтыхъ и говорящихъ не своимъ языкомъ. Да, мы далеки отъ этого псевдо-классическаго времени: но пора уже отдалиться намъ и отъ этого псевдо-романтическаго направленія, которое, обрадовавшись слову „народность“ и праву представлять въ поэмахъ и драмахъ не только честныхъ людей низшаго званія, но даже воровъ и плутовъ, вообразило, что истинная національность скрывается только подъ зипуномъ, въ курной избѣ, и что разбитый на кулачномъ бою носъ пьянаго лакея есть истинно Шекспировская черта,—а главное, что между людьми образованными нельзя искать и признаковъ чего-нибудь похожаго на народность. Пора, наконецъ, догадаться, что, напротивъ, русскій поэтъ можетъ себя показать истинно-національнымъ поэтомъ, только изображая въ своихъ произведеніяхъ жизнь образованныхъ сословій: ибо, чтобъ найти національные элементы въ жизни, наполовину прикрывшейся прежде чуждыми ей формами,—для этого поэту нужно и имѣть большой талантъ и быть національнымъ въ душѣ. „Истинная національность (говоритъ Гоголь) состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа; поэтъ можетъ быть даже и тогда національенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“. Разгадать тайну народной психіи—для поэта значитъ умѣть равно быть вѣрнымъ дѣйствительности при изображеніи и низшихъ, и среднихъ, и высшихъ сословій. Кто умѣетъ схватывать рѣзкіе оттѣнки только грубой простонародной жизни, не умѣя схватывать болѣе тонкихъ и сложныхъ оттѣнковъ образованной жизни,—тотъ никогда не будетъ великимъ поэтомъ, и еще менѣе имѣетъ право на громкое титло національнаго поэта. Великій національный поэтъ равно умѣетъ

заставитъ говорить и барина и мужика ихъ языкомъ. И если произведеніе, котораго содержаніе взято изъ жизни образованныхъ сословій, не заслуживаетъ названія національнаго,—значитъ, оно ничего не стоитъ и въ художественномъ отношеніи, потому что невѣрно духу изображаемой имъ дѣйствительности. Поэтому не только такія произведенія, какъ „Горе отъ Ума“ и „Мертвыя Души“, но и такія, какъ „Герой нашего времени“, суть столько же національныя, сколько превосходныя поэтическія созданія.

И первымъ такимъ національно-художественнымъ произведеніемъ былъ „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина. Въ этой рѣшимости молодого поэта представить нравственную физіономію наиболѣе оевропеившагося въ Россіи сословія нельзя не видѣть доказательства, что онъ былъ и глубоко сознавалъ себя національнымъ поэтомъ. Онъ понялъ, что время эпическихъ поэмъ давнымъ давно прошло, и что для изображенія современнаго общества, въ которомъ проза жизни такъ глубоко проникла самую поэзію жизни, нуженъ романъ, а не эпическая поэма. Онъ взялъ эту жизнь, какъ она есть, не отвлекая отъ нея только однихъ поэтическихъ ея мгновеній; взялъ ее со всѣмъ холодомъ, со всей ея прозой и пошлостью. И такая смѣлость была бы менѣе удивительной, если бы романъ затѣянъ былъ въ прозѣ; но писать подобный романъ въ стихахъ въ такое время, когда на русскомъ языкѣ не было ни одного порядочнаго романа и въ прозѣ,—такая смѣлость, оправданная огромнымъ успѣхомъ, была несомнѣннымъ свидѣтельствомъ геніальности поэта. Правда, на русскомъ языкѣ было одно прекрасное (по своему времени) произведеніе въ родѣ повѣсти въ стихахъ: мы говоримъ о „Модной Женѣ“ Дмитріева; но между ею и „Онѣгинымъ“ нѣтъ ничего общаго уже потому только, что „Модную Жену“ такъ-же легко счесть за вольный переводъ или передѣлку съ французскаго, какъ и за оригинально-русское произведеніе. Если изъ сочиненій Пушкина хоть одно можетъ имѣть что-нибудь общаго съ прекрасной и остроумной сказкой Дмитріева, такъ это, какъ мы уже и замѣтили въ послѣдней

„Онѣгинъ"—въ высшей степени оригинальное и націо-

національное произведеніе. Вмѣстѣ съ современнымъ ему геніальнымъ твореніемъ Грибоѣдова „Горе отъ Ума“ [1], стихотворный романъ Пушкина положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературѣ. „До этихъ двухъ произведеній, какъ мы уже и замѣтили выше, русскіе поэты еще умѣли быть поэтами, воспѣвая чуждые русской дѣйствительности предметы, и почти не умѣли быть поэтами, принимаясь за изображеніе міра русской жизни. Исключеніе остается только за „Державинымъ, въ поэзіи котораго, какъ мы уже не разъ говорили, пробиваются нѣкоторыя черты русской жизни: за Крыловымъ и, наконецъ, за Фонвизинымъ, которыя, впрочемъ, были въ своихъ комедіяхъ больше карикатурнымъ контрастомъ русской дѣйствительности, нежели ея творческимъ воспроизведеніемъ. Несмотря на всѣ недостатки, довольно важные, комедіи Грибоѣдова, какъ произведеніе сильнаго таланта, глубокаго и самостоятельнаго ума, были первой русской комедіей, въ которой нѣтъ ничего подражательнаго, нѣтъ чужихъ мотивовъ и неестественныхъ красокъ, но въ которой и тѣлесное, и подробности, и сюжетъ, и характеры, и страсти, и дѣйствія, и мысли, и языкъ — все насквозь проникнуто глубокой печатью русской дѣйствительности. Что же касается до стиховъ, которыми написано „Горе отъ Ума“, въ этомъ отношеніи Грибоѣдовъ не только убилъ всякую возможность русской комедіи въ стихахъ. Нуженъ геній нашего времени, чтобъ преодолѣть съ успѣхомъ начатое Грибоѣдовымъ дѣло: мечь Ахилла могъ сразить только Ахилломъ и Одиссеемъ. То же можно сказать и въ отношеніи къ „Онѣгину“, хотя, впрочемъ, ему и обязаны своимъ появленіемъ нѣкоторыя, далеко первыя ему, по времени

[1] „Горе отъ Ума“ было написано Грибоѣдовымъ въ бытность его въ Тифлисѣ, то-есть до 1823 года, но напечатано *вчерне*. По возвращеніи въ Россію, въ 1823 году, Грибоѣдовъ перечелъ свою комедію значительнымъ измѣненіямъ. Въ первый разъ большой отрывокъ изъ нея былъ напечатанъ въ альманахѣ „Талія“ въ 1825 году. Первая глава „Онѣгина“ появилась въ печати въ 1825 году, тогда, впрочемъ, у Пушкина была уже готова нѣсколько главъ этой поэмы.

замѣчательныя поэмы, тогда какъ „Горе отъ Ума" до сихъ поръ вѣсится въ нашей литературѣ первостепеннымъ столбомъ, за которые никому еще не удалось зацѣпить. Примѣръ несчастливый вѣсъ, которому вся громовая Россія внимала подъ сѣнью лавръ до появленія свѣтильника! Стихи Грибоѣдова обратились въ пословицы и поговорки, вмѣсто того что бы быть непосредственнымъ непремѣннымъ примѣненіемъ на событія ежедневной жизни, всегдашнимъ рукоплескомъ эпиграфовъ! И хотя никакая великая поэзія не можетъ имѣть прямого вліянія со стороны языка и даже стиха, однако Грибоѣдовъ языкъ и стихъ комедіи Грибоѣдова, однако полно и совершенно отвергать это, было бы ограниченностью, которая ровняетъ литературу съ ея современностью и связываетъ ее съ временемъ. Бомаршэ Хомяковъ и Мольеръ относятся къ своему Грибоѣдову, какъ просто хорошій произведеніе относится къ геніальному произведенію, но тѣмъ не менѣе Грибоѣдовъ много обязанъ Хомякову и Мольеру. Гёте и Грибоѣдовъ они не участвуютъ у Бомаршэ, непосредственно, они только косвенно относятся къ нему, чтобы самому идти самостоятельнымъ путемъ. Не будь Бомаршэ и русской литературы, умъ Грибоѣдова не былъ бы такъ свободенъ, такъ полно реально оригиналенъ, словомъ, не имѣлъ бы такого сильно вѣсящаго вѣса. Но не этимъ только ограничивается поэзія Грибоѣдова: имѣетъ ея „Онѣгинымъ" Пушкинъ его „Горе отъ Ума" было первымъ образомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности, обширнымъ явленіемъ своего. Въ этомъ отношеніи обѣ эти произведенія поставили собой основаніе поэтической литературѣ, были вѣхами, изъ которыхъ вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ „Онѣгина" былъ бы невозможенъ „Герой нашего времени", былъ бы безъ „Онѣгина" и „Горе отъ Ума" Гоголь не имѣлъ бы себѣ готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности, не имѣлъ такой глубины и силы. Новыя манеры изображать русскую дѣйствительность, существовавшія до „Онѣгина" и „Горя отъ Ума", еще и теперь не перевелись въ русской литера-

туры. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обречь себя на смотрѣніе или на чтеніе новыхъ драматическихъ пьесъ, даваемыхъ на русскомъ театрѣ обѣихъ столицъ. Это не что иное, какъ испорченная французская жизнь, самовольно пародировавшаяся русской жизнью, это испорченные французскіе характеры, прикрывшіеся русскими именами. На русскую повѣсть Гоголь имѣлъ сильное вліяніе, но комедіи его остались одинокими, какъ и „Горе отъ Ума". Значитъ, изображать вѣрно свое родное, то, что у насъ передъ глазами, что насъ окружаетъ, гдѣ мы не трунье, чѣмъ изображать чужое. Причина этой трудности кроется въ томъ, что у насъ форму всегда принимаютъ за сущность, за модный костюмъ — за европейца, другими словами — въ томъ, что народность смѣшиваютъ съ простонародностью, и думаютъ, что кто не принадлежитъ къ простонародью, то-есть, кто пьетъ шампанское, а не пѣнникъ, и ходитъ во фракѣ, а не смуромъ кафтанѣ, — тотъ не стоитъ изображенія. Такъ французы, по какой-то странной мѣрѣ, не имѣли способности, какъ Шекспиръ, Гёте и нашихъ литераторовъ, имѣлъ способности болѣе или менѣе вѣрно списывать портреты, не имѣютъ способности видѣть въ настоящемъ ихъ свѣтѣ лица, съ которыхъ они пишутъ портреты: мудрено ли, что въ ихъ портретахъ нѣтъ никакого сходства съ оригиналомъ, и что, читая ихъ романы, повѣсти и драмы, невольно спрашиваешь себя:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Таланты этого рода — плохіе мыслители: фантазія у нихъ развита насчетъ ума. Они не понимаютъ, что вся національность какого-нибудь народа заключается не въ одеждѣ и кухнѣ, а въ его, такъ сказать, манерѣ понимать вещи. Чтобъ вѣрно изображать какое-нибудь общество, надо сперва постигнуть его сущность, его особность, а это нельзя иначе сдѣлать, какъ узнавъ фактически и опытомъ философски ту сумму правилъ, которыми держится его особность

У нѣкоторыхъ въ философіи она учтива, книжна, порасчетливѣе и практичнѣе, другія — кокетливы, томны, обходительны. Часто объ эти философіи находятся болѣе или менѣе въ близкомъ отношеніи другъ къ другу: и кто хочетъ изобразить общество, тому надо познакомиться съ обѣими. Но послѣднюю особенно необходимо изучить. Такъ точно, кто хочетъ узнать какой-нибудь деревенскій уѣздъ, тотъ прежде всего долженъ изучить его въ его семейномъ, домашнемъ быту. Бываютъ, что обѣ эти философіи могутъ имѣть нѣкоторыя сходныя, какъ, напримѣръ, основныя и главныя, и между тѣмъ они очень важны и, не понимая ихъ важности, иногда не могутъ понять многія черты, не только самому написать ровно ничего. Итакъ, чтобы не ошибиться, должно обѣихъ философій держаться и считать „Онѣгина" и „Горе отъ Ума" произведеніями оригинальными и чисто-русскими.

Содержаніе „Онѣгина" было хорошо извѣстно всѣмъ и каждому, что избавляетъ насъ необходимости излагать его подробно. Но, чтобы выразить въ немногихъ словахъ его основныя идеи, мы разскажемъ его въ этихъ немногихъ словахъ. Восемнадцатилѣтняя дѣвушка, молодая, мечтательная, нѣжная, влюбляется въ молодого петербургскаго барича, пріѣхавшаго въ деревню, скучаетъ объ немъ, ждетъ, тоскуетъ объ немъ, наконецъ, не выдержавъ долѣе, пишетъ ему письмо, гдѣ чистосердечно объясняетъ ему, что онъ ея судьба, что она его любитъ и что не считаетъ себя способною для „блестящей семейной жизни". Онъ, какъ видно, не понялъ ея, не оцѣнилъ ея любви и, пріѣхавъ въ деревню, влюбляется въ ея младшую сестру, Ольгу, и убиваетъ его на дуэли. Ольга черезъ нѣсколько времени выходитъ замужъ за Ленскаго, а Татьяна остается въ деревнѣ. Въ этихъ немногихъ словахъ, быть можетъ, заключается [illegible] и мы бы могли [illegible] Но [illegible] Онѣгина [illegible] Татьяну [illegible] Ленскій [illegible] Ольга [illegible] Татьяна [illegible] Онѣгинъ [illegible] Татьяну [illegible] Ольга [illegible] Ленскій [illegible] Онѣгинъ [illegible] Татьяна

Въ Онѣгинѣ вспыхиваетъ страсть къ Татьянѣ, онъ пишетъ къ ней письмо, и на этотъ разъ она уже отвѣчаетъ ему на словахъ, что хотя и любитъ его, тѣмъ не менѣе привязанность ему не можетъ по гордости добродѣтели. Вотъ и все содержаніе „Онѣгина". Многіе находили и теперь еще находятъ, что тутъ нѣтъ никакого содержанія, потому что романъ вчитъмъ не копается. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ нѣтъ ни смерти (ни отъ чахотки, ни отъ кинжала), ни съѣзжей этого пронетрированнаго конца всѣхъ романовъ, повѣстей и драмъ, въ особенности русскихъ. Сверхъ того, сколько тутъ несообразностей! Вѣдь Татьяна была дѣвушкой. Онѣгинъ отвѣчаетъ холодностью на ея страстное признаніе: но когда она стала женщиной, — онъ по безумной влюбился въ нее, даже не будучи увѣренъ, что она его любитъ. Неестественно, болѣе неестественно! А какой безнравственный характеръ у этого человѣка! Холодно читаетъ онъ мораль влюбленной въ него дѣвушкѣ, вмѣсто того чтобъ взять ее тотчасъ и влюбиться въ нее самому, и потомъ, непроченъ по формѣ у ея ногъ признавшихся ро нителей ихъ родительскаго благословенія на вѣки нерушимаго, совокупиться съ ней узами законнаго брака и сдѣлаться счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ. Потомъ: Онѣгинъ ни за что хватается бѣлаго .денного, этого было ему съ золотыми волосами и розовыми щеками, — и хоть бы разъ вспомнилъ о немъ онъ, по крайней мѣрѣ, произнесть патетическую рѣчь, гдѣ упомянулось бы объ обманутомъ чувствѣ и проч. Такъ и не почти такъ судили и судятъ еще и теперь объ „Онѣгинѣ" многіе изъ почтенныхъ читателей: по крайней мѣрѣ, намъ случалось слышать много такихъ сужденій, которыя во время оно слышали и мы, а теперь только забавляютъ. Одинъ весьма крупный даже печатно сказалъ, что въ „Онѣгинѣ" нѣтъ ничего, что это просто поэтическая болтовня о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Великій критикъ основывался въ своемъ мнѣніи, во-первыхъ, на томъ, что въ концѣ поэмы нѣтъ ни свадьбы ни похоронъ, и, во-вторыхъ, на этомъ свидѣтельствѣ самого поэта:

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ *въ смутномъ снѣ*
Являлися впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще не ясно различалъ.

Великій критикъ не сказалъ бы, что поэтъ, благодаря своему творческому инстинкту, могъ написать полное и окончательное сочиненіе, не обдумавъ предварительно его плана, и умѣлъ остановиться именно тамъ, гдѣ романъ самъ собой художественно заканчивался и разрѣшался. На каріатиду перешла доля обязанности съ Татьяны и Онѣгина. Но развѣ этимъ самымъ въ самомъ мѣстѣ, ясно какъ и самъ поэтъ, что герои не могутъ быть существенно отношены Онѣгина къ Татьянѣ въ продолженіе всего романа и что Онѣгинъ [illegible] не разрѣшенія человѣкъ, хотя бы до этого времени и содѣлалъ не горе, а обратился къ тѣмъ же [illegible]. Наконецъ, развѣ не ясно, что онъ имѣетъ въ виду не [illegible] героевъ творенія, рисуя, вмѣсто ихъ, просто людей.

Мы начали статью съ того, что „Онѣгинъ" есть поэти- [illegible] русскаго общества въ извѣстную эпоху. Въ [illegible] со-время, и замѣчено [illegible] что [illegible] можно было бы описать [illegible] Великой реформы Петра Великаго въ Россіи [illegible] общество, совершенно отдѣленное отъ [illegible] по своему образу жизни. Но одно дѣло [illegible] и другое — произвести общественный переворотъ, создать, нужны бы для этого основанія, которыя [illegible] и [illegible] существованіе, и нужно было сознаніе, которое [illegible] бы ему не только внѣшнее, но и внутреннее единство. Екатерина II дала дворянской грамотой опредѣленіе въ 1785 году правъ и обязанностей дворянства, [illegible] совершенно новый характеръ всему [illegible] общественному состоянію, которое при Екатеринѣ II [illegible] высшаго своего развитія и было [illegible] образованнымъ сословіемъ. Вотъ-

ствіе нравственнаго движенія, сообщеннаго грамотою 1785 г. и до безконечности начать возвышать классъ средняго дворянства. Подъ словомъ возвышать мы разумѣемъ слово образовывать. Въ царствованіе Александра Благословеннаго значеніе этого, во всѣхъ отношеніяхъ лучшаго, сословія все увеличивалось и увеличивалось, потому что образованіе все болѣе и болѣе проникало во всѣ углы огромной провинціи, устланной помѣщичьими избами. Такимъ образомъ формировалось общество, изъ котораго благородныя власти рѣшили брать себѣ чиновниковъ. Потребность, какъ признакъ возникающей духовной жизни. Общество это уже не творило уже не съ псовой охотой, роскошью и пирами, какъ не съ модными танцами и картами, объ которыхъ и читать по-французски мудрено и рѣчи о которыхъ тоже вносили у него, какъ необходимость, въ главѣ просвѣщенія Львовъ, Державинъ, Фонвизинъ и Богдановичъ — эти поэты, въ свое время извѣстные только одному двору, тогда стали болѣе и менѣе извѣстными и этому возникающему обществу. Но что всего важнѣе — у него явилась своя литература, уже болѣе живая, живая, общественная и свѣтская, нежели тяжелая школьная и книжная. Если Новиковъ распространилъ и сдѣлалъ книгу и журналъ всякаго рода охотою къ чтенію и книжную торговлю, и тѣмъ создалъ массу читателей, то Карамзинъ своею реформою языка, направленіемъ, духомъ и формою своихъ сочиненій породилъ литературный вкусъ и создалъ публику. Тогда и поэзія вошла, какъ элементъ, въ жизнь новаго общества. Красавицы и modные люди толпами бросились на „Невскій Пруд", чтобъ „сѣсть чувствительности" подъ тѣнью густой листвы страсти и обольщенія. Стихотворенія Дмитріева, запечатлѣнныя умомъ, вкусомъ, остротою и граціею, имѣли такой же успѣхъ, и такое же вліяніе, какъ и проза Карамзина. Порождаемыя [illegible] и мечтательность, несмотря на ихъ смѣшную сторону, они великимъ шагомъ впередъ въ молодомъ обществѣ. Трагедіи Озерова придали еще болѣе силы и блеску этому направленію. Басни Крылова давно уже не только читаетъ [illegible]

г. Тюмень.

[illegible] 1812 [illegible] 1815 [illegible]

стороны вся Россія, въ лицѣ своего побѣдоноснаго войска, лицомъ къ лицу увидѣлась съ Европой, прошла по ней нѣсколько разъ побѣдно и торжественно.

Все это сильно способствовало возрастанію и умноженію возвышеннаго общества. Въ такихъ только странахъ можетъ существовать русская литература, отъ которой мы требуемъ, чтобы она была дѣйствительностію. Истинный представитель ея въ самобытности является Пушкинъ. Онъ любилъ общество, въ которомъ почти исключительно выражался процессъ русскаго общества, и въ которомъ принималъ самое живое участіе. И въ „Онѣгинѣ" онъ рѣшился представить намъ внутреннюю жизнь этого общества, и вмѣстѣ съ нимъ и общество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ извѣстную намъ эпоху, т. е. въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. И вѣдь нельзя не поразиться быстротѣ, съ которою движется впередъ русское общество: мы смотримъ на „Онѣгина", какъ на романъ времени, отъ котораго мы уже далеки. Нравы, мнѣнія этого времени уже стали чужды намъ, какъ вѣчно новый и молодой нашего времени. „Герой нашего времени" былъ новымъ „Онѣгинымъ": съ тѣхъ поръ прошло четверть года, и Печоринъ уже не современный человѣкъ. И вотъ въ какомъ смыслѣ сказали мы, что самые недостатки „Онѣгина" суть достоинства его времени и его вѣрныя изображенія. Эти недостатки можно выразить однимъ словомъ: „старо". Но развѣ вина поэта, что въ Россіи все движется такъ быстро? и развѣ его дѣло было брать что-нибудь изъ сферы, гдѣ онъ такъ вѣрно умѣлъ схватить подвижность нравственнаго мгновенія, въ жизни общества? Конечно, и „Онѣгинъ" многое не можетъ теперь удовлетворительно объяснить намъ изъ нашего времени, — это было бы требовать отъ него, чтобъ онъ былъ не тѣмъ, что онъ есть, чтобъ онъ былъ не вѣрнымъ изображеніемъ того общества, въ которомъ онъ явился, чтобъ онъ былъ не художественно-существеннымъ, а какимъ-то произвольнымъ, — словомъ, чтобъ онъ былъ не поэмою, а Богъ знаетъ что такое. Но развѣ отъ этого онъ перестаетъ быть великою поэмою, и стоило ли бы говорить о ней?..

Мы уже [illegible] „Онѣгина" [illegible] разбору характеръ Ленскаго [illegible] [illegible] [illegible]

были и ни купцами ни мѣщанами — они были просто людьми, такъ же точно, какъ и Байронъ — аристократъ, свѣтскій человѣкъ, своимъ вдохновеніемъ болѣе всего обязанъ былъ тому, что онъ былъ человѣкъ. Вотъ почему мы не хотимъ подражать нѣкоторымъ нашимъ литераторамъ въ ихъ предубѣжденіяхъ противъ странныхъ для нихъ невѣжественныхъ большого свѣта, и вотъ почему мы очень рады, что Пушкинъ героемъ своего романа взялъ свѣтскаго человѣка. И что же тутъ дурного? Высшій кругъ общества былъ въ то время уже въ эпохѣ своего развитія; притомъ свѣтскость... не помѣшала же Онѣгину сойтись съ Ленскимъ — этимъ заботливымъ и смѣшнымъ въ глазахъ свѣта существомъ. Правда, Онѣгину было тяжко въ обществѣ Ларинскихъ: но образованность еще болѣе, нежели свѣтскость, была причиной этого. Не споримъ, общество Ларинскихъ очень мило, особенно въ стихахъ Пушкина: но намъ, хотя мы и совсѣмъ не свѣтскіе люди, было бы въ немъ не совсѣмъ ловко, — тѣмъ болѣе, что мы рѣшительно неспособны поддержать благороднаго разговора о погодѣ, о винѣ, о сѣнокосѣ, о роднѣ. Высшій кругъ общества въ то время до того былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ кружковъ, что непринадлежавшіе къ нему люди почитали говорить о немъ, какъ до Колумба по всей Европѣ говорили объ Америкѣ и Антиподахъ. Вслѣдствіе этого Онѣгинъ съ первыхъ же строкъ романа былъ принятъ за безнравственнаго человѣка. Это мнѣніе о немъ и теперь еще не совсѣмъ исчезло. Мы помнимъ, какъ горячо многіе читатели выказали свое негодованіе на то, что Онѣгинъ радуется болѣзни своего дяди и удовлетворяетъ необходимости корчить въ себѣ опечаленнаго родственника,

Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя?

Многіе и теперь этимъ крайне недовольны. Изъ этого видно, какимъ важнымъ во всѣхъ отношеніяхъ произведеніемъ былъ „Онѣгинъ“ для русской публики, и какъ хорошо сдѣлалъ Пушкинъ, взявъ свѣтскаго человѣка въ герои своего романа. Къ особенностямъ людей свѣтскаго общества при-

[illegible] отсутствіе лицемѣрства, въ одно и то же врем. грубаго и глупаго, добродушнаго и добросовѣстнаго. Если какой-нибудь любезный чиновникъ вдругъ вмѣнитъ себя наслѣдникомъ богатаго отца-старика, готоваго умереть [illegible] съ такими средствами, съ какою уничтоженною предупредительностью будетъ онъ ухаживать за [illegible]. Хотя этотъ [illegible], можетъ-быть, во всю жизнь свою не хотѣлъ ни знать ни видѣть племянника, и между ними ничего не было общаго. Однако-жъ не думаете, чтобъ со стороны племянника это было расчетливымъ лицемѣріемъ, [illegible] лицемѣріе [illegible] [illegible] [illegible]

Какъ кто? Чувство религіозности, человѣчности. Если, почему бы то ни было, вамъ нельзя не принимать въ себѣ человѣка, котораго знакомство для васъ и тяжело и скучно, развѣ вы не обязаны быть съ нимъ вѣжливы и даже любезны, хотя внутренно вы и посылаете его къ чорту? Что въ словахъ Онѣгина представляется какая-то насмѣшливая легкость, въ этомъ есть только умъ и естественность, потому что отсутствіе напряженности, излишней горячности въ выраженіи обыкновенныхъ житейскихъ отношеній есть признакъ ума. У свѣтскихъ людей это далеко не всегда умъ, а чаще всего—манера, и нельзя не согласиться, что это прекрасная манера. У такихъ сухихъ друзей, напротивъ, манера отличается избыткомъ разныхъ глубокихъ чувствъ при всякомъ сколько-нибудь, по ихъ мнѣнію, важномъ случаѣ. Всѣ знаютъ, что вотъ эта барыня дѣлится своимъ мужемъ, какъ болѣзнью съ докторомъ, и что она ручается его смерти, и сама она очень хорошо понимаетъ, что ей это извѣстно, и что никого ей не обмануть по этому она еще громче охаетъ и ахаетъ, стонетъ и рыдаетъ, и тѣмъ безотвязнѣе мучитъ всѣхъ и каждаго описаніемъ добродѣтелей покойнаго, счастья, какимъ онъ ее дарилъ, и спокойствія, въ какое повергъ ее своей кончиной. Мало того: эта барыня готова это же самое сто разъ повторить передъ посѣщеніемъ благонамѣренной нарумяненной, которую всѣ знаютъ за ея любовника. И что же? какъ этой посѣщенной благонамѣренной нарумяненной, такъ и всѣмъ родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ горькой, безутѣшной вдовы слушаютъ все это съ печальнымъ и огорченнымъ видомъ, — и всѣ они подъ рукой смѣются, кто громче, кто тише, сообразуясь съ обстоятельствами. И повторяемъ— то не глупость и не разсѣянное лицемѣріе; это просто принципъ мѣщанской, простонародной морали. Никому изъ этихъ людей не приходитъ въ голову спросить себя и другихъ:

Да изъ чего же вы бѣснуетесь столько?

Мало того: они считаютъ за грѣхъ подобные вопросы, а если бы рѣшились сдѣлать это, то сами въ себѣ разохотились бы имѣть не въ догадѣ что если тутъ есть о

чемъ грустить, такъ что о поэмѣ комедіи добродушнаго лицемѣрства, которую всѣ такъ усердно и такъ искренно разыгрываютъ.

Чтобъ не возвращаться опять къ одному и тому же вопросу, сдѣлаемъ небольшое отступленіе. Въ доказательство, какимъ важнымъ явленіемъ не въ одномъ эстетическомъ отношеніи былъ для нашей публики „Онѣгинъ" Пушкина и какими новыми, смѣлыми мыслями казались тогда въ немъ теперь самыя старыя и самыя робкія похвалы — приведемъ изъ него этотъ куплетъ:

Гмъ! Гмъ! читатель благородной,
Здорова-ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ-быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значатъ именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ въ остальное время года
О насъ не думали они...
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

Мы помнимъ что этотъ невинный куплетъ со стороны особыхъ частей публики навлекъ упрекъ въ безнравственности уже не на Онѣгина, а на самого поэта. Какая этому причина, онъ не до-добродушное и добросовѣстное лицемѣрство, о которомъ мы сейчасъ говорили? Братья ненавидятся съ братьями объ имѣніи, а часто пылаютъ другъ къ другу самою остервенѣлою ненавистью, которая не возможна между чужими, а возможна только между родными. Право родства первое сближаетъ ихъ тѣмъ тѣснѣе, какъ правомъ объ общемъ потомствѣ передъ богатымъ изъ нихъ, отъ котораго предстоитъ получить большое наслѣдство, и отказываться отъ него ничѣмъ равно богатымъ — завидовать другъ другу въ успѣхахъ жизни вообще, не право вмѣшиваться въ чужія дѣла, давать непрошенные и безполезные совѣты. Гдѣ не поступите вы, какъ честный съ характеромъ и

съ чувствомъ своего человѣческаго достоинства, — вездѣ вы оскорбите приличія родства. Вздумали вы жениться — просите совѣта: не спрашивайте его — вы опасный мечтатель, вольнодумецъ: попросите — вамъ укажутъ невѣсту; женитесь на ней и будете несчастны — вамъ же скажутъ: „то-то же, братецъ, вотъ каково безъ отца-то предпринимать такія важныя дѣла! вѣдь, говорили..." Женитесь по своему выбору — еще хуже будетъ. Какія еще права родства? мало ли ихъ! Вотъ, напримѣръ, этого господина, какъ похожаго на Новгорева, будь онъ вамъ чужой, вы не пустили бы даже въ свою комнату, опасаясь за нравственность вашихъ домашнихъ: но онъ вамъ родственникъ, — и вы принимаете его у себя въ гостиной и въ кабинетѣ, и онъ вездѣ поворотитъ васъ именемъ своего родственника. Родство даетъ прекрасное средство къ занятію и развлеченію: случилась съ вами бѣда, — и вотъ вы вашихъ родственниковъ чуть не силой сзываетесь къ вамъ, ахать, охать, качать головой, судить, рядить, давать совѣты и наставленія, пить чай, а потомъ везти развозить ихъ по всѣмъ, порицая и браня васъ за глаза: вѣдь, извѣстно, человѣкъ въ бѣдѣ всегда виноватъ, особенно въ глазахъ своихъ родственниковъ. Все это не для того не ново, но то бѣда, что это всѣ чувствуютъ, но немногіе это сознаютъ: привычка къ добродушному и добросовѣстному лицемѣрству побѣждаетъ разсудокъ. Есть такіе люди, которые способны смертельно обидѣться, если отроненная семья родня, пріѣхавъ въ столицу, остановится не у нихъ; а остановись она у нихъ, они не будутъ ее ругать по родни, браниться и всѣмъ жаловаться почъ рукой, они передъ родственной семейной будутъ расточать любезности и возьмутъ съ нея слово — опять остановиться у нихъ и выгонятъ ихъ, во имя родства, изъ ихъ собственнаго дома. Что это значитъ? Совсѣмъ не то, чтобы родство у подобныхъ людей существовало какъ принципъ, а только то, что оно существуетъ у нихъ, какъ фактъ: внутренно, по убѣжденію, никто изъ нихъ не признаетъ его, но по привычкѣ, по безсознательности и по лицемѣрству всѣ его признаютъ.

Пушкинъ охарактеризовалъ родство своего рода въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у насъ въ Россіи, какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ, отвлеченно, справедливо и вѣрно, — и въ немъ отразились его личныя безпристрастныя свѣдѣнія, если бы онъ описалъ родство между какими-нибудь другими людьми, какими бы они не существовали, все неправо и ложно, его попытка не удалась. Все это, кажется, не больше, какъ то, что предъ нимъ отчетливо и вѣрно. Вотъ въ немъ сидитъ добродушное и добросовѣстное лицемѣріе! Нѣтъ, Пушкинъ поступилъ прекрасно, первый сказалъ правду, потому что пришло время сказать правду, чтобъ первому рѣшиться сказать правду. И сколько писемъ писалъ онъ о „Онѣгинѣ"! Можетъ-быть, и не было ни одного письма, которое не стоило бы Пушкину нѣсколькихъ часовъ труда, — онъ теперь ихъ собираетъ, они теперь ему нужны. И потому-то Пушкинъ, что онъ первый сказалъ правду, что онъ первый сказалъ: „Вотъ какъ я понимаю Онѣгина", — онъ могъ писать о немъ безпристрастно и вѣрно, и потому-то онъ могъ писать о немъ такъ, какъ онъ писалъ, — потому что онъ первый сказалъ правду, онъ не боялся выраженія. Геній всегда не у дѣлъ въ свое время, не ясна только умамъ его современникамъ.

Большая часть писемъ, составляющихъ страницы изъ Онѣгина, писана въ то время, когда Пушкинъ хорошо, ежедневно видѣлся съ Онѣгинымъ. Не-ясныя и кривыя понятія человѣка, съ которымъ мы много добродушно вѣрили и вѣримъ, что самимъ намъ хочется разобрать. Онѣгинъ хорошимъ человѣкомъ, онъ хорошо понялъ самъ себя, вѣрнѣе не бываетъ. Объяснить ли себѣ Онѣгинъ чувства, и особенно отношенія къ женщинамъ, строгимъ и мелочнымъ разъясненіемъ. Вспомните строфы, въ которыхъ поэтъ описываетъ свое знакомство съ Онѣгинымъ:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился въ то время.
Мнѣ нравились его черты,

Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И ръзкій охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.
Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.
Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Почное небо надъ Невою,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

Изъ этихъ стиховъ мы ясно видимъ, по крайней мѣрѣ, то, что Онѣгинъ не былъ ни холоденъ, ни сухъ, ни черствъ, что въ душѣ его жила поэзія, и что вообще онъ былъ не изъ числа обыкновенныхъ, пожилыхъ людей. Нельзя не [illegible] преданность мечтамъ, чувствительность [illegible] и без-

ность при созерцаніи красотъ природы и при воспоминаніяхъ о романахъ и любви прежнихъ лѣтъ: все это говоритъ больше о чувствѣ и поэзіи, нежели о холодности и сухости. Дѣло только въ томъ, что Онѣгинъ не любитъ разсѣиваться въ мечтахъ, боится чувствовать, всѣми силами борется, и не безъ успѣха. Отсутствіе ума есть вообще отсутствіе полноты натуры, потому что человѣкъ съ особеннымъ умомъ всегда не удовлетворенъ людьми, но и самимъ собою. Дѣйствительно люди всегда довольны собою, когда имъ вѣрятъ, но и тогда жизнь не обманываетъ ихъ: она даетъ имъ все, что можетъ, много, немного прожить они всѣ могутъ вмѣстѣ, только не тѣмъ, что нужно для полнаго, цѣльнаго, безостановочнаго существованія. Разсѣянность въ жизни, въ поэтахъ, въ самыхъ себѣ — все это ясно и просто, есть фразы и предлоги „скорѣе подъ гору" сообразительнымъ людямъ, которые, желая „многаго", не удовлетворяются „ничѣмъ". Читатель, конечно, помнитъ VII главу романа. Онѣгинъ, возвратясь въ домъ своихъ отцовъ, Онѣгинъ въ томъ описаніи. Особенно поразительно послѣдствіе изъ опыта двухъ или трехъ романовъ.

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивый и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Сколько тутъ не портретъ Онѣгина. Пожалуй, и такъ, но это еще больше говоритъ въ пользу правдивости превосходства Онѣгина, потому что онъ узналъ себя въ портретѣ, который, какъ бы ни былъ онъ похожъ на столь многихъ, но въ которомъ узнаетъ себя, столь немногіе, составляетъ „избранное общество" Петра. Онѣгинъ не любовался самолюбивымъ портретомъ, но глубоко страдалъ отъ его порицательнаго сходства съ нѣкими пошлыми вѣка. Не натура, не строгость ея обусловили пустоту Онѣгина похожимъ на этотъ портретъ, а вѣкъ.

Связь съ Ленскимъ — этимъ юнымъ мечтателемъ, который такъ понравился нашей публикѣ, всего громче говоритъ противъ мнимаго бездушія Онѣгина.

Онѣгинъ презираетъ людей,

По правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужъ чувство уважалъ.
Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству,
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ и юный бредъ.
Межъ нами все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.

Было говорить само за себя горькая холодность и сухость, напменное бездушіе Онѣгина, какъ человѣка, произошли отъ глубокой неспособности многихъ читателей понять такъ вѣрно созданный поэтомъ характеръ. Но мы не остановимся на этомъ, и исчерпаемъ весь вопросъ

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ?—ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ;
Чужихъ причудъ истолкованье,

Словъ модныхъ полный лексиконъ...
Ужъ не пародія ли онъ?

. . . . . .

„Все тотъ же-ль онъ иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...
— Знакомъ онъ вамъ?— *„И да и нѣтъ“.*
— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?
Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился;
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:

„N. N. прекрасный человѣкъ".
Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній ни страстей.

Эти стихи — ключъ къ типу характера Онѣгина. Онѣгинъ — не Мельмотъ, не Чайльдъ-Гарольдъ, не демонъ, не пародія, не модная причуда, не геній, не великій человѣкъ, а просто — „добрый малый, какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ". Поэтъ справедливо называетъ „обыкновенной модой" всѣхъ находить и не всѣхъ нельзя всѣхъ вмѣстѣ, за необыкновенныхъ людей. Повторяемъ: Онѣгинъ добрый малый, но при этомъ не великій человѣкъ. Онъ не геній, не даже въ великіе люди, но безцвѣтность и пошлость жизни душатъ его, онъ самъ не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется, но онъ знаетъ, и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность. И за то-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его „безнравственнымъ", но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному. Вспомните, какъ воспитанъ Онѣгинъ, и согласитесь, что натура его была слишкомъ хороша, если ее не убило совсѣмъ такое воспитаніе. Блестящій юноша, онъ былъ увлеченъ свѣтомъ, подобно многимъ: но скоро наскучилъ имъ и оставилъ его, какъ это бываетъ слишкомъ немногіе. Въ душѣ его тлѣлась искра надежды воскреснуть и освѣжиться въ тишинѣ уединенія, на лонѣ природы: но онъ скоро увидѣлъ, что перемѣна мѣста не помо-

плоть сущности нѣкоторыхъ неотразимыхъ и не отъ нашей воли зависящихъ обстоятельствъ.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь иль вѣрная жена.

Мы сказали, что Онѣгинъ не хорошій, не злой, не безумный человѣкъ, но мы до сихъ поръ избѣгали этого слова и такъ какъ избѣгать чувства, потребности выразить не всегда удается словами, то мы скажемъ теперь, что Онѣгинъ страдательный человѣкъ. Очень бываютъ злые люди. Очень хорошіе люди почти безъ всякихъ замѣтныхъ или мелкихъ привязанностей; они не понимаютъ, какъ можетъ человѣкъ любить кого-нибудь кромѣ самого себя, и потому они вовсе не стараются скрывать свое и временное любить собственныхъ ихъ особъ и ихъ пути и ходъ. Они хорошіе, добрые, веселые, почти праведные люди, они ихъ дѣла и имъ хорошо. Они тоже, добрые, румяные, веселые, добрые, никогда ни съ кѣмъ не спорятъ, но утѣшить тебя не могутъ ни въ какихъ несчастіяхъ, даже и своего собственнаго ума. Они спокойны по натурѣ или по привычкѣ хорошаго воспитанія. Злые люди почти никогда не бываютъ толсты и румяны, по большей части они худощавы и желтоваты. Бросаетъ ихъ свѣту, весь міръ по ихъ мнѣнію, по разсѣянности они книгъ не находятъ ни того ни другого въ томъ родѣ, какъ у насъ, или по обыкновенію нашихъ людей оставляютъ ихъ, или не хотятъ по строгости добрымъ людямъ, которымъ не нравятся ихъ злыя книги; но бываютъ

въ томъ, что они и въ добрѣ хотятъ искать не счастья, но развлеченія, тогда какъ въ добрѣ слѣдовало бы имъ искать только добра. Есть „особые люди живутъ въ обществѣ, представляющемъ полную возможность для каждаго изъ его членовъ стремиться своей дѣятельностью къ осуществленію идеала истины и блага, — о нихъ безъ запинки можно сказать, что существованіе ихъ мелко самобытно, внося въ нихъ ложные элементы, сѣетъ ихъ плевелами. Но нашъ Онѣгинъ не принадлежитъ ни къ тому ни къ другому разряду людей. Его можно назвать счастливымъ по невѣдѣнію: въ его головѣ вполнѣ вмѣстилось то, что древніе называли „fatuin“ Благая, благотворная, полезная дѣятельность! Зачѣмъ не предался ей Онѣгинъ? Зачѣмъ не искалъ онъ въ ней своего удовлетворенія? Зачѣмъ! зачѣмъ! Затѣмъ, милостивые государи, что пустымъ людямъ легко спрашивать, нежели дѣльнымъ отвѣчать...

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ отъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
Мужикъ судьбу благословилъ.
Зато въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ:
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ *всѣ* рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.
Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышитъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
„Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
„Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
„Стаканомъ красное вино;

„Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
„Все *да* ла *нѣтъ*, не скажетъ *да*-съ
„Иль *нѣтъ*-съ. Таковъ былъ общій гласъ.

Чтобы быть можно только въ обществѣ на основаніи общественныхъ потребностей, удовлетворяемыхъ самою цивилизованностью, а не теоріи по чтобы стать быть Онѣгинъ въ сообществѣ съ такими прекрасными созданіями, въ кругу такихъ милыхъ сближеній? Обществомъ участь мужика, болѣе, много значило для мужика не со стороны Онѣгина тутъ еще немного объяснительно Богъ знаетъ какими условіями что чтобы стать поселянинъ, онъ съ самого до послѣдняго развитія быть съ самимъ тѣмъ міру, и самымъ образомъ, быть приятно жизни по пути жизнь. **Онѣгинъ былъ не изъ такихъ людей: важное и великое для многихъ—для него было не Богъ знаетъ чѣмъ.**

Случай свелъ Онѣгина съ Ленскимъ, черезъ Ленскаго Онѣгинъ познакомился съ семействомъ Лариныхъ. Возвратясь съ тѣхъ поръ домой послѣ первыхъ визитовъ, Онѣгинъ увидѣлъ въ его рукахъ съ Ленскимъ мы узнаемъ, что онъ Татьяну прочелъ и послѣ этого прочелъ, узналъ о своей ошибкѣ, удивился его выбору, говоря, что если бы самъ былъ достоинъ, то выбралъ бы Татьяну. Этому романтическому, охлажденному чтеніемъ стихотворцу и двухъ непонимающихъ взаимно, чтобы понять разницу между этими сестрами, чтобы быть Ленскому, восторженному Ленскому и въ которомъ не знаемъ, что его воображеніе было совсѣмъ не дѣтское и восторженное созданіе, а просто хорошенькая и простенькая дѣвочка, которая совсѣмъ не стоила того, чтобъ изъ-за нея рѣшиться убить друга и изъ-за самому быть убитымъ. Между тѣмъ былъ Онѣгинъ вызванъ „по пробытіи". говоря его собственнымъ выраженіемъ, и нисколько не заботился о семействѣ Лариныхъ, въ томъ, сомнѣвается его пріѣздъ вызвать страшную внутреннюю драму. Большинство изъ нихъ было крайне удивлено, когда Онѣгинъ получилъ письмо Татьяны, могъ не влюбиться въ нее [illegible] Богъ знаетъ для самыхъ Онѣгина, говоря, что хорошо спереть Татьяну, поне-

ную любовь прекрасной дѣвушки, потомъ страстно влюбился въ ветренную свѣтскую даму? Въ самомъ дѣлѣ есть чему удивляться. Не беремся рѣшить вопроса, но поговоримъ о немъ. Впрочемъ, признавая въ этомъ фактѣ возможность психологическаго вопроса, мы тѣмъ не менѣе нисколько не находимъ удивительнымъ самаго факта. Во-первыхъ, вопросъ, почему влюбился или почему не влюбился — или почему въ то время не влюбился, — такой вопросъ мы считаемъ немного съ излишкомъ диллетантскимъ. Сердце имѣетъ свои законы, правда, но не такіе, изъ которыхъ легко было бы составить полную систематическую повѣсть. Сродство натуръ, нравственныя симпатіи, сходство понятій могутъ и даже должны играть большую роль въ любви, разумѣется, существенную, но все въ любви отвергаетъ элементъ чего-то непосредственнаго, влеченіе безсознательное, безсильное, приковавшее сердце къ опредѣленному предмету, по чрезвычайно выразительной русской пословицѣ: „полюбится сатана лучше добраго человѣка“, — что опредѣляетъ это, того не понимаетъ любовь. Если бы выборъ въ любви рѣшался только волей и разумомъ, то и любовь не была бы чувствомъ и страстью. Присутствіе элемента непосредственности видно и въ самомъ разумномъ любви, потому что изъ нѣсколькихъ равно достойныхъ ея выбирается только одно, и выборъ этотъ основывается на безсильномъ влеченіи сердца. Не бываетъ и такъ, что двое, кажется, созданные одинъ для другого, остаются равнодушны другъ къ другу, и каждый изъ нихъ обращаетъ свое чувство на существо нисколько себѣ не подъ-пару. Поэтому Онѣгинъ имѣлъ полное право, безъ всякаго опасенія, полюбить Ольгу, не понявъ ея натуры, не полюбить Татьяну-дѣвушку и полюбить Татьяну-женщину. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ поступилъ равно и нравственно и безнравственно. Этого вполнѣ достаточно, чтобы его оправдать. Но мы къ этому прибавимъ и еще кое-что. Онѣгинъ былъ такъ уменъ, тонокъ и опытенъ, такъ хорошо понималъ людей и ихъ сердце, что не могъ не понять съ [illegible] Татьяны что-то [illegible]

серцемъ, легкимъ роковой пищи, что ея душа младенчески чиста, что ея страсть была простодушна, и что онъ нисколько не похожа на тѣхъ болтовень, которыя такъ нелѣпы ему съ ихъ чувствами то легкими, то поддѣльными. Онъ былъ живо тронутъ письмомъ ея:

Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ и видъ унылой;
И въ сладостный безпечный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.

Въ письмѣ своемъ къ Татьянѣ въ VIII главѣ онъ говоритъ, что любитъ ее всѣмъ сердцемъ, онъ не хочетъ ее довѣрить ея собственной себѣ не повѣрить, не хочетъ мыслью грѣшить и не хочетъ развлекать своей воображеніе свободой. Но если онъ слишкомъ одну сторону любви Татьяны, то въ то же время онъ такъ же ложно видитъ и другую ея сторону. Во-первыхъ, обольщенный своей мечтательной природой, любовью и уваженіемъ ея къ мнѣнію общества, онъ не видитъ и тѣхъ сторонъ, гдѣ Онѣгинъ рѣшится на измѣну. Не есть ли это мѣсто еще интересовать поэта страсть ея къ нему, страсть, которая не интересовала его, но была для него прелестью? Поэтъ, вырѣзавшій въ Онѣгинѣ мѣсто своего собственнаго тѣла, извѣстенъ во этотъ счетъ, говоря о Ленскомъ:

Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда,
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена.

Если не будетъ это мѣсто любовью, если не будетъ тѣломъ, то онъ будетъ хорошо понимать Татьяну, что будетъ и не подумать о Ленскомъ, не увлечься въ собственно-

ныхъ своихъ глазахъ. Но въ обоихъ случаяхъ эта любовь немного представляла ему обольстительнаго. Онъ! онъ, перегорѣвшій въ страстяхъ, пресытившій жизнь и людей, опустошившій какими-то самому ему неясными стремленіями, — онъ, котораго могло занять и наполнить только что-нибудь такое, что могло бы вызвать его собственную ироніи, онъ увлекся бы младенческой любовью дѣвочки-мечтательницы, которая смотрѣла на жизнь такъ, какъ онъ уже не могъ смотрѣть. И что же сулила бы ему въ будущемъ эта любовь? Что бы нашелъ онъ потомъ въ Татьянѣ? Или прихотливое дитя, которое плакало бы отъ того, что онъ не можетъ попрежнему смотрѣть на жизнь и хочетъ играть въ любовь, — а это, согласитесь, очень скучное и не существо, которое, увлекшись его превосходствомъ, до того подчинилось бы ему, не понимая его, что не имѣло бы ни своего чувства, ни своего смысла, ни своей воли, ни своего характера. Послѣднее спокойствіе, но кто еще скучнѣе. И это ли поэзія и блаженство любви!

Разлученный съ Татьяной смертью Ленскаго, Онѣгинъ пишется всего, что хотя сколько-нибудь связывало его съ людьми.

Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ;
Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство
Немногихъ добровольный крестъ).

Между прочимъ былъ онъ и на балѣ и смотрѣлъ на блѣдный рой дѣвъ, толпившійся около цѣлебныхъ струй Машука:

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядѣлъ на дымныя струи
И мыслилъ, грустью отуманенъ:

„Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ!
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка,
Чего мнѣ ждать! тоска, тоска!..."

Какая жизнь! Есть одно, но страшное, о которомъ такъ много пишутъ и въ стихахъ и въ прозѣ, на которое столь многіе жалуются, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ знаютъ его! Есть одно, страшное безсильное, безъ кокуры, безъ хохлы, безъ прищуренья, безъ фразъ страшное, которое часто не отнимаетъ ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое умѣетъ удалить! Спать ночью, знать цѣну винамъ, что въ нихъ чего-то хотятъ, чѣмъ-то запиты, одинъ вещаемый другой лежитъ въ третьей — согласенъ, четвертый пуленъ, и трезвымъ потомъ работы — видѣть вокругъ себя и веселье, и печаль, и смѣхъ, и слезы, видѣть все это и чувствовать себя чужимъ всему тому, подобно Вѣчному Жиду, которымъ среди всеобщаго вокругъ него движенія сознаетъ себя чужимъ жизни, и мечтать о смерти, какъ о единственномъ для него блаженствѣ — это страшное не вѣмъ понятное, но отъ того не менѣе страшное... Молодость, здоровье, богатство — съ умомъ, сердцемъ чего бы кажется, еще для полнаго счастья? Такъ думаетъ сущій чернь и завидуетъ подобной страшной мозговой причудѣ! И чѣмъ естественнѣе, проще страданіе Онѣгина, тѣмъ больше оно отъ всякой эффектности, тѣмъ оно менѣе можетъ быть понято и оцѣнено большимъ числомъ публики. Въ немъ нѣтъ ни тѣни мысли, не вкусивъ жизни, быть равнодушенъ, устать, ничего не желать, понять безусловность отсутствія во времени и черезъ какія убѣжденія это смерть! Но Онѣгину не суждено было умереть, не отдавъ въ чашу жизни страсть сильную и глубокую, не замѣтивъ возбудить трепетанія въ сосѣдствѣ его духа. Встрѣтилъ Татьяну онъ въ Петербургѣ, Онѣ-

гнѣ едва могъ узнать ее, такъ перемѣнилась она! Мужъ Татьяны такъ прекрасно и такъ полно съ головы до ногъ охарактеризованный потомъ этими двумя стихами:

.... И всѣхъ выше
И носъ и плечи поднималъ
Вошедшій съ нею генералъ,—

мужъ Татьяны представляетъ ея Онѣгина, какъ своего родственника и друга. Многіе читатели, въ первый разъ читая эту главу, ожидали громоваго взрыва и обморока со стороны Татьяны, которая, принесетъ въ себѣ, по ихъ мнѣнію, должна возвратить на шею у Онѣгина. Но какое разочарованіе для нихъ!

Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу не смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
Былъ такъ же тихъ ея поклонъ.
Ей-ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась,
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести,
И—и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.
Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружу, все на волѣ.

Та дѣвочка... иль это сонъ?..
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна такъ смѣла?
. . . . . .
Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ?
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности—любовь?

Не принадлежа къ числу ультра-идеалистовъ, мы охотно допускаемъ въ самыя высокія страсти примѣсь мелкихъ чувствъ, и потому думаемъ, что гордость и суетность имѣли свою долю въ страсти Онѣгина. Но мы рѣшительно несогласны съ этимъ мнѣніемъ поэта, которое такъ горькосчастливо было произнесено имъ и которое вполнѣ такимъ отзывъ въ толпѣ, было принялось ей по плечу:

О, люди, всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

Мы лучше думаемъ о достоинствѣ человѣческой натуры, и убѣждены, что человѣкъ родится не на зло, а на добро, не на преступленіе, а на разумно-законное наслажденіе благами бытія, что его стремленія справедливы, инстинкты благородны. Это справедливо не въ человѣкѣ, но въ обществѣ, такъ какъ общество, понимаемое въ смыслѣ формы человѣческаго развитія, еще далеко не достигло своего идеала, то не удивительно, что въ немъ только и встрѣчаемъ много преступленій. Этимъ же объясняется и то, почему считается преступнымъ въ древнемъ мірѣ считается законнымъ въ новомъ, и наоборотъ; почему у каждаго народа и каждаго вѣка свои понятія о нравственности, законномъ и преступномъ. Человѣчество еще далеко не дошло до той степени совершенства, на которой всѣ люди, какъ

существа однородныя и единымъ разумомъ одаренныя, согласятся между собою въ понятіяхъ объ истинномъ и ложномъ, справедливомъ и несправедливомъ, законномъ и преступномъ, такъ же точно, какъ они согласились, что не солнце вокругъ земли, а земля вокругъ солнца обращается, и во множествѣ математическихъ аксіомъ. Но тѣхъ ли поръ преступленіе будетъ только по наружности преступленіе, а внутренно, существенно — непризнаніемъ справедливости и разумности того или другого закона. Бывало время, когда религіи видѣли въ своихъ тѣлахъ своихъ рабовъ и считали себя въ правѣ насиловать ихъ чувства и склонности самыя священныя. Теперь, если дѣвушка, чувствуя отвращеніе къ богопротивнымъ супружествамъ, къ которому ее хотятъ насильно вынудить, и любя страстно человѣка, съ которымъ ее насильно разлучаютъ, — послѣдуетъ влеченію своего сердца и будетъ любить того, кого она избрала, а не того, въ чей карманъ или въ чью спальню бросили ея драгоцѣнное согласіе: неужели она преступница? Ничто такъ не подчинено строгости внѣшнихъ условій, какъ сердце, и ничто такъ не требуетъ безусловной воли, какъ сердце же. Даже самое блаженство любви, что оно такое, если оно согласовано съ внѣшними условіями? Пѣсня соловья или жаворонка въ золотой клѣткѣ. Что такое блаженство любви, признающей только взоръ и приходъ сердца? — Торжественная пѣснь соловья на закатѣ солнца, въ таинственной сѣни склонившихся надъ рѣкою ивъ; полная пѣснь жаворонка, который, въ безумномъ упоеніи чувствъ бытія, не мчится вверхъ стрѣлою, не падаетъ съ неба, но, трепеща крыльями, не двигаясь съ мѣста, какъ будто купается и тонетъ въ глубокомъ эѳирѣ. Птица любитъ волю: страсть есть поэзія и цвѣтъ жизни, но что же въ страстяхъ, если у сердца не будетъ воли?

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ горитъ страстью: въ немъ уже нѣтъ прозаической умѣренности, свѣтской маски. Онѣгинъ знаетъ, что онъ, можетъ быть, погасетъ и вовсе въ злобномъ веселіи; но страсть вдунула въ него страхъ быть смѣшнымъ, надѣть на себя оружіе брани. И

бѣгло съ чего сошли съ ума! Но нарушенность Татьяны можно было думать, что она помирилась съ жизнью ни на чемъ, что умъ покорился и ходу счетъ. И въ такомъ случаѣ, вѣроятно, роль Онѣгина была бы очень смѣшна и жалка. Но ъъ ъъъъ нарушенность ничѣмъ и ни въ чемъ не убѣждается: умъ ъъ ъъъъъъъъъ хорошо ъъъъъъъ искусствомъ быть весенними съ достоинствомъ въ то время, когда сердце разрывается отъ горя. Онѣгинъ могъ не безъ основанія презирать и то, что Татьяна внутренно осталась самой собой, и свыкъ научить ее только искусству казаться собой и сердцемъ смѣяться надъ умомъ. Большая натура не любитъ отъ себя, вопреки мнѣнію мелочныхъ философовъ, ни пѣсни души и сердца, ни молодости, объ которыхъ представляетъ точно столько же сердце, сколько и воспоминанія. Вся разница въ формахъ, а не въ сущности. И теперь, въ такомъ же свѣтѣ, какъ была она казалась Онѣгину Татьяна, — уже не мечтательная ъъъъъъ, повѣренныя лунѣ и звѣздамъ свои задушевныя мысли и разгадывающая сны по книгѣ Марьина Зорюшки, но женщина, которой нѣтъ нужды всему, что было ей, которой много потребуетъ, но много и дастъ. Время свѣтскости не могло не возвысить ее въ глазахъ Онѣгина: въ свѣтѣ, какъ и въ ъъъъ, люди опытнѣе ъъъъъ рѣзвѣе [illegible] и [illegible] умѣть [illegible] не [illegible] отъ [illegible] отъ свѣта [illegible] [illegible] и способность [illegible] умѣть [illegible] природой. Татьяна [illegible] ко [illegible] и значеніе [illegible] только [illegible] значеніе, какъ женщины. Притомъ же она, какъ Онѣгинъ любовь безъ борьбы не имѣла никакой прелести, а Татьяна не обѣщала ему ъъъъъ побѣды. И онъ бросается въ эту борьбу безъ надежды на побѣду, безъ расчета, со всѣмъ безумствомъ искренней страсти, которая какъ и пишетъ въ каждомъ своемъ письмѣ. Но эта искренняя страсть не произвела на Татьяну никакого впечатлѣнія. Послѣ нѣсколькихъ посланій, встрѣтившись съ нею, Онѣгинъ не замѣтилъ ни смятенія, ни страданія, ни пламя слезъ на лицѣ — на немъ отражался

лишь слѣдъ гибъл.. Онѣгинъ на цѣлую зиму запер(ся дома и принялся читать:

И что-жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадалъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ.
И слышитъ голосъ: что-жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ—и у окна
Сидитъ *она*... и все она!..

Мы не будемъ распространяться теперь о сценѣ свиданія и объясненія Онѣгина съ Татьяной, потому что главная роль въ этой сценѣ принадлежитъ Татьянѣ, о которой намъ еще предстоитъ много говорить. Романъ оканчивается отповѣдью Татьяны, и читатель навсегда разстается съ Онѣгинымъ въ самую злую минуту его жизни... Что же это такое? Гдѣ же романъ? Какая его мысль? И что за романъ безъ конца?—Мы думаемъ, что есть романы, которыхъ мысль въ томъ и заключается, что въ нихъ нѣтъ конца, потому что въ самой дѣйствительности бываютъ событія безъ развязки, существованія безъ цѣли, существа неопредѣленныя, ни-

кому непонятенъ, какъ самимъ собѣ, словомъ то, что по французски называется les êtres manqués, les existences avortées. Иные существа такого склада одарены большими нравственными преимуществами, большими духовными силами: обнимаютъ много, исполняютъ мало или ничего не исполняютъ. Это кажется не отъ нихъ самихъ: будто есть тайна, которая скрывается въ ихъ таинственности, которою окружены они, какъ воздухомъ, и изъ которой не въ силахъ и не во власти человѣка освободиться. Другой поэтъ представитъ намъ другого Онѣгина: дастъ имя Печорину. Печоринъ Пушкинскій Онѣгинъ съ какимъ-то самоотверженіемъ отдался злости. Лермонтовскій Печоринъ бьется на смерть съ людьми и постоянно хочетъ ихъ видѣть своею волею въ своихъ рукахъ: разница, и результатъ одинъ, оба романа такъ же безъ конца, какъ и жизнь и бытіе обоихъ поэтовъ.

Что сталось съ Онѣгинымъ потомъ? Воскресла ли его страсть къ Татьянѣ, когда онъ увидѣлся съ человѣческимъ достоинствомъ страсти? Или убила она въ немъ силы души его, и безотрадная, тоскливая обратилась въ мертвую холодную апатію? Не знаемъ, и на что намъ знать это, когда мы знаемъ, что силы души богатой натуры остались безъ приложенія, жизнь безъ смысла, а романъ безъ конца? Довольно и этого знать, чтобъ не захотѣть больше ничего знать...

Онѣгинъ — характеръ бытовой въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ ничего мечтательнаго, фантастическаго, что онъ могъ быть созданъ или осуществленъ только въ дѣйствительности и черезъ дѣйствительность. Въ Ленскомъ Пушкинъ изобразилъ характеръ совершенно противоположный характеру Онѣгина, характеръ совершенно отвлеченный, совершенно чуждый дѣйствительности. Тогда это было совершенно новое явленіе, и почти такого рода тогда впечатлѣнія могли появиться въ русскомъ обществѣ.

Съ душой прямо геттингенской,
Красавецъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ,

Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженная рѣчь
И кудри черныя до плечъ.
. . . . . .
Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ *разлуку* и *печаль*,
И нѣчто и *туманну даль*.
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ лонѣ тишины
Лилась его живыя слезы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ.

Ленскій былъ романтикъ и по натурѣ и по духу времени. Нѣтъ нужды говорить, что это было существо достойное всему прекрасному, высокому, душа чистая и благородная. Но въ то время „онъ сердцемъ милый былъ невѣжда" вѣчно толкуя о жизни, никогда не зная ея. Дѣйствительность на него не имѣла вліянія: его радости и печали были созданіемъ его фантазіи. Онъ полюбилъ Ольгу, и что ему была за нужда, что она не понимала его, что, выйдя замужъ, она сдѣлалась бы вторымъ исправленнымъ изданіемъ своей маменьки, что ей все равно было выйти и за поэта, товарища ея дѣтскихъ игръ, и за довольнаго собою и своей лошадью уланa". Ленскій украсилъ ее достоинствами и совершенствами, приписалъ ей чувства и мысли которыхъ въ ней не было и о которыхъ она и не заботилась. Существо доброе, милое, веселое — Ольга была очаровательна, какъ и всѣ „барышни", пока онѣ еще не сдѣлались „барынями": а Ленскій видѣлъ въ ней фею, сильфиду, романтическую мечту, ни мало не подозрѣвая будущей барыни. Онъ написалъ „на пробный матеріалъ" старику

Ларину, въ которомъ вѣрилъ себѣ, безъ всякой иронін, умѣлъ найти поэтическую сторону. Въ простомъ желаніи Ольгины подшутить надъ нимъ онъ увидѣлъ и измѣну, и обольщеніе, и кровавую обиду. Результатомъ всего этого была смерть, заранѣе воспѣтая имъ въ туманно-романтическихъ стихахъ. Мы нисколько не оправдываемъ Онѣгина, который, какъ говоритъ поэтъ,

Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ,—

но пріемы и деспотизмъ свѣтскихъ и житейскихъ предразсудковъ слабы, что требуютъ ли борьбы съ собой героевъ. Подчинившись чувству Ольгины съ „ленивымъ" сердцемъ совершенно въ эпизодическомъ отношеніи. Онъ любилъ свою жертву, осуществленную имъ въ „ленивомъ", и въ прекрасныхъ строфахъ оплакалъ его паденіе:

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!
Быть можетъ, онъ для блага міра
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта,
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собой
Святую тайну, и для насъ

Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.
А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ:
Во многомъ онъ бы измѣнился.
Растался-бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ,
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ.
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
И, наконецъ, въ своей постели
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

Мы убѣждены, что съ Ленскимъ сбылось бы непремѣнно послѣднее. Въ немъ было много хорошаго, но лучше всего то, что онъ былъ молодъ и во время для своей репутаціи умеръ. Это не была одна изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ жить значитъ развиваться и идти впередъ. Это, повторяемъ, былъ романтикъ, и больше ничего. Останься онъ живъ, Пушкину нечего было бы съ нимъ дѣлать, кромѣ какъ распространить на цѣлую главу то, что онъ такъ полно высказалъ въ одной строфѣ. Люди, подобные Ленскому, при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, нехороши тѣмъ, что они или переростаютъ въ совершенныхъ филистеровъ, или, если сохранятъ навсегда свой первоначальный типъ, дѣлаются очень устарѣлыми мистиками и мечтателями, которые такъ же непріятны, какъ и старые и дѣльные люди, и которые больше враги всякаго прогресса, нежели тѣ, просто, безъ претензій, пошлые. Вѣчно копаясь въ самихъ себѣ и ставя себя центромъ міра, они спокойно смотрятъ на все, что дѣлается въ мірѣ, и увѣрены о томъ, что счастье внутри насъ, что только стремиться душою въ надзвѣздную сторону мечтаній и не думать о сусѣдахъ «по землѣ, гдѣ есть и голодъ, и нужда, и.. Ленскіе не переведутся и теперь: они только переродились. Въ нихъ уже

[illegible] ничего, что такъ обаятельно прекрасно было [illegible] Невозможно выкинуть [illegible] изъ сердца, [illegible] только пресытиться [illegible] и страсть марать [illegible] Всѣ они [illegible], и сухопарый [illegible] въ журналахъ [illegible] остаются одними [illegible] словомъ, это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди.

Татьяна [illegible] но мы поговорим о ней въ слѣдующей статьѣ.

IX.

Всякій помнитъ Пушкина, что онъ первый въ своемъ романѣ [illegible] попытался возпроизвесть русское общество того времени [illegible] и [illegible] Онѣгина и [illegible] показать его главную, т.-е. мужскую сторону; но едва ли не свыше [illegible] [illegible] то, что онъ первый поэтически [illegible] и [illegible] Татьяну, русскую женщину. Мужчина во всѣхъ [illegible], во всѣхъ своихъ русскаго [illegible] [illegible] первую роль; но мы не станемъ, чтобъ [illegible] первую и вторую и [illegible] роль, потому что [illegible] [illegible] не [illegible]. Естественно остается только [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что несмотря на [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], несмотря на [illegible] [illegible] [illegible], несмотря на отсутствие [illegible] [illegible], что мы совсѣмъ [illegible] [illegible]. Несмотря на все это, [illegible], наконецъ, признаться, что еще и до сихъ поръ мы [illegible] [illegible], что наше [illegible] [illegible] [illegible], наша готовность жить и умереть [illegible] до сихъ поръ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], и притомъ еще не собственнаго нашего [illegible], а [illegible]. Что добраго! теперь и „пожилое" кокетство съ [illegible], отъ которой [illegible] „мигрень" [illegible] и [illegible], было и [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], а не [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Однако [illegible] говорить, что бываетъ [illegible]? [illegible] [illegible] [illegible]? Набравшись

готовыхъ чужихъ фразъ, крикомъ мы и въ стихахъ и въ прозѣ: „женщина — царица общества: ея очаровательнымъ присутствіемъ украшается общество" и т. п. Но посмотрите на наши общества: за исключеніемъ высшаго свѣтскаго: вездѣ мужчины — сами по себѣ, женщины по себѣ. И самый отчаяннѣйшій повѣса, сидя съ женщинами, какъ-будто жертвуетъ собою и въ вѣжливости: потомъ встаетъ и съ утомленнымъ видомъ, словно послѣ тяжкой работы, идетъ въ комнату мужчинъ, какъ бы для того, чтобъ свободно вздохнуть и освѣжиться! У насъ женщина — дѣйствительно царица общества: весь онъ — ея рабъ мужчина, съ которымъ она больше говоритъ, чѣмъ съ другими. У насъ наоборотъ: у насъ женщина ждетъ, какъ милости, чтобъ мужчины заговорили съ нее; она счастлива и горда его вниманіемъ. И какъ же быть иначе, если то, что называется тономъ и любезностью, у насъ замѣнено дикимъ чванствомъ, если у насъ всѣ любятъ любовь только въ книгахъ, а въ жизни боятся ея пуще чумы и холеры! Какъ вы подадите руку дѣвушкѣ, если она не смѣетъ опереться на нее, не испросивъ позволенія у своей маменьки? Какъ вы рѣшитесь говорить съ нею много и часто, если знаете, что за это сочтутъ васъ влюбленнымъ въ нее или даже и сдѣлаютъ ей женихомъ? Это значило бы скомпрометировать ее и самому попасть въ бѣду. Если васъ сочтутъ влюбленнымъ въ нее, вамъ некуда будетъ дѣваться отъ лукавыхъ и остроумныхъ намековъ и насмѣшекъ друзей вашихъ, отъ наивныхъ и добродушныхъ разсказовъ совершенно посторонняхъ вамъ людей. Но еще хуже вамъ, когда замѣтятъ, что вы хотите жениться на ней: тогда родители не будутъ видѣть въ васъ выгоднаго парня для своей дочери, они отказжутъ вамъ отъ дома и строго запретятъ дочери быть любезной съ вами въ ихъ домѣ: если они увидятъ въ васъ выгодную партію, новая бѣда, страшнѣе прежней: раскинутъ сѣти, ловушки, и вы, пожалуй, увидите себя сочетавшимся законнымъ бракомъ прежде, нежели успѣете опомниться и спросить себя: да какъ же и когда все это случилось? Если же вы человѣкъ съ характеромъ и не поддадитесь, то вамъ ставятъ „исторію", которую долго будетъ

[illegible] Отчего все [illegible] Отчего, что у насъ [illegible] не хотятъ понимать [illegible] что такое женщина, [illegible] любовь и [illegible] Не желаетъ и не [illegible] отвѣтъ, отчего, что у насъ [illegible] женщинъ? Пусть „прекрасный полъ" [illegible] только въ романахъ, [illegible] и [illegible] но въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] женщинъ и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

свободѣ, что она не дочь своихъ родителей, не любимое дитя ихъ сердца, не радость и счастіе своей семьи, не украшеніе своего роднаго круга, а тягостное бремя, головной залежалый товаръ, лишняя мебель, которая, того и гляди, спадетъ съ цѣны и не сойдетъ съ рукъ. Что же остается ей дѣлать, если не сосредоточить всѣхъ своихъ способностей на искусствѣ ловить жениховъ? И тѣмъ болѣе, что только въ этомъ одномъ отношеніи и развиваются ея способности, благодаря урокамъ „дражайшихъ родителей", милыхъ безумныхъ, кумушекъ и т. д. За что больше всего упрекаетъ и бранитъ свою дочь попечительная маменька? За то, что она не умѣетъ только держаться, строить глазки и гримаски хорошимъ женихамъ, и за то, что растрачиваетъ свою любезность перетрусившимъ, которые не могутъ быть ея выгодной партіей. Чему она больше всего учитъ ее? Кокетничать по расчету, притворяться ангеломъ, прятать подъ маской, оснащенной шеретой бѣлокурыхъ локоновъ, [illegible] И такъ она была не своей натурой [illegible] [illegible] хочетъ въ роль, которую [illegible] [illegible] [illegible]

ней и дорогіе обычаи готовы свергнуться: капиталъ-невѣста уже дѣйствительная невѣста и рѣшится только тѣми немногими. Она давно его знала, но влюбилась въ него только съ той минуты, какъ поняла, что онъ имѣетъ на нее виды. И ей кажется, что она дѣйствительно влюблена въ него. Большинное стремленіе къ замужеству и радость побѣжденія способны въ одну минуту возбудить любовь въ сердцѣ, которое такъ давно уже разражено тайными и явными мечтами о бракѣ. Притомъ же, когда дѣло къ свадьбѣ и горонятъ, то почтенный влюбится сразу, не имѣя времени спросить себя, точно ли онъ любитъ, или ему только кажется, что любитъ. Но „предвидѣніе роковое" учитъ свою дочь только искусству во что бы то ни стало выйти замужъ; но приготовитъ ли ее къ состоянію замужества, объяснитъ ей обязанности жены, матери, сдѣлаетъ ее способною къ выполненію этой обязанности,—они не подумаютъ. И хорошо сдѣлаютъ: нѣтъ ничего безполезнѣе и дольше времени, какъ наставленія, хотя бы и самыя лучшія, если они не подкрѣпляются примѣрами, не опредѣляются въ глазахъ ученика всей совокупностью окружающей его дѣйствительности. „Я вамъ примѣръ, сударыня!" — безпрестанно повторитъ дипломатическимъ тономъ мать своей дочери. И точь преспокойно копируетъ свою мать, готовя въ своей особѣ свѣту и будущему мужу второе изданіе своей маменьки. Если ея мужъ — человѣкъ богатый, онъ будетъ доволенъ своей женою: домъ у нихъ, какъ полная чаша, всего много, хотя все безвкусно, нечисто, грязно, шумно, въ безпорядкѣ, вычищается только передъ большими праздниками (и тогда въ домѣ поднимается вонь). Дѣлается вавилонское столпотвореніе въ лицахъ: дворня огромная, слугъ безъ числа, а не у кого допроситься стакана воды, некому подать вамъ чашку чаю. А недавняя невѣста, теперь молодая дама! О, она живетъ въ „полномъ удовольствіи!", она, наконецъ, сбросила цѣпи своей неволи. Она уже не сирота, не приемышъ, не лишнее бремя въ роднительскомъ домѣ: она хозяйка у себя дома, сама себѣ госпожа, пользуется полной свободой. Ѣдетъ куда и когда хочетъ, при-

нимаетъ у себя, кого ей угодно: ей уже не нужно болѣе притворяться то невинной овечкой, то кроткимъ ангеломъ: она можетъ капризничать, надуть въ обморокъ, повелѣвать, мучить мужа, дѣтей, слугъ. У ней безцѣнная англійская карета— не карета, а игрушка — не шаль, а дорогихъ игрушекъ цѣлый: она живетъ барыней-аристократкой, никому не уступаетъ, но всѣхъ превосходитъ, а мужъ ея едва успѣваетъ выкладывать и перекладывать имѣнія. Дитя новаго поколѣнія, она убрала по возможности пышно, хотя и безвкусно, залу и гостиную, кое-какъ наблюдаетъ въ нихъ даже какую-то полу-чистоту, полу-опрятность: вѣдь, это комнаты для гостей, комнаты парадныя, комнаты на-показъ. Полное торжество грязи можетъ быть только въ спальной и дѣтской, въ кабинетѣ мужа, словомъ, во внутреннихъ комнатахъ, куда гости не ходятъ. А у ней безпрестанно гости, вопреки всѣмъ безпрестанно скучаетъ: но она плѣняетъ гостей своихъ не свѣтскимъ умомъ, не граціей своихъ манеръ, не очарованіемъ своего увлекательнаго разговора, нѣтъ, она только старается показать имъ, что у ней всего много, что она богата, что у ней все лучшее—и убранство комнатъ, и угощеніе, и гости, и ложи, что она не кто-нибудь, что такихъ, какъ она, не много. Содержаніе разговоровъ составляютъ сплетни и наряды, наряды и сплетни. Богъ благословилъ ея замужество—что ни годъ, то ребенокъ. Какъ же она будетъ воспитывать дѣтей своихъ? — Да точно такъ же, какъ сама была воспитана своею маменькою: пока малы, они проводятъ весь день съ мамкою и нянькою, среди горничныхъ, на лонѣ холопства, которое должно внушить имъ первыя правила нравственности, развить въ нихъ благородныя наклонности, объяснить имъ различіе домоваго отъ лѣшаго, водяныхъ отъ русалокъ, растолковать разныя приметы, разсказать всевозможныя исторіи о мертвецахъ и оборотняхъ, выучить ихъ браниться и драться, лгать не краснѣя, пріучить безпрестанно ѣсть, никогда не наѣдаясь. И милыя дѣти очень довольны сферой, въ которой живутъ: у нихъ есть фавориты между прислугой, и есть нелюбимые, они живутъ дружно съ первыми, ругаютъ и колотятъ

[illegible] Но вотъ они подросли: тогда отецъ Ольгѣ что хочетъ съ мальчиками, а Ольгѣ получать приказъ и шаркать ножкой, немножко брянчать на фортепьяно, немножко болтать по-французски — и воспитаніе конченое: тогда имъ отца наука, отца забота — только лѣнивцовъ.

Но если наша невѣста имѣетъ за чертою побогатаго, хотя и не сѣраго, но лѣнивца немного выше своего состоянія, посредственнымъ умишкомъ строгимъ порядкомъ сводитъ концы съ концами, тогда горе ей мудрой! Она въ своей деревнѣ никого не найдетъ съ такимъ умомъ, какой ей нуженъ, не хозяина, какой нуженъ, чтобъ стала что-нибудь цѣнить, играть не занимаясь, не имѣя хозяйства, а что такое порядокъ, чистота, опрятность въ домѣ, этого она никогда не видала, объ немъ ей отъ кого не слыхать. Для нея выйти замужъ значитъ сдѣлаться барыней: стать хозяйкой значитъ ровно ничѣмъ въ домѣ и быть полною госпожей своихъ поступковъ. Ей нечего не сберегать, не вмѣнивать, а покупать и тратить, нарядиться и франтить.

И неужели вы объявите ей въ томъ домѣ такое мѣсто вы прямо пробовать съ нея, чтобъ она была не умна, умна сами же вы ее сдѣлали! Можете ли вы обвинить ее за ошибки? Развѣ не вы сами сдѣлали изъ женщины только невѣсту и жену, и ничего больше? Развѣ когда-нибудь получили вы въ ней болѣе нужное, просто, безъ всякихъ [illegible], для того только, чтобъ наслаждаться этимъ драгоцѣнностью, этой гармоніей человѣческаго существа, этимъ неотразимымъ очарованіемъ присутствія и общества женщины, которая такъ просто, успокоительно и обаятельно вноситъ на жесткую натуру мужчины? Женились вы когда-нибудь имѣть друга въ женщинѣ, въ которую вы совсѣмъ не влюблены, сестру въ женщинѣ вамъ посторонней? Нѣтъ, если вы не входите въ женскій кругъ, то не имѣете, какъ ни [illegible] обратиться, привычки, обращаясь танцуете съ женщинами, то потому только, что мужчинамъ танцовать съ мужчинами не пристало. Если вы обращаете на одну женщину все почтительное ея вниманіе, то всегда съ полнымъ и чистымъ желаніемъ—ради женщины, а не ради

ства Вашъ взглядъ на женщину чисто-утилитарный, почти коммерческій: она для васъ капиталъ съ процентами, деревня, домъ съ доходомъ; если не что, такъ кухарка, прачка, ключница, нянька, много, много, если одалиска...

Конечно, изъ всего этого бываютъ исключенія: но общество состоитъ изъ общихъ правилъ, а не изъ исключеній, которыя всего чаще бываютъ болѣзненными наростами на тѣлѣ общества. Эту грустную истину всего лучше подтверждаютъ собою такъ называемыя „идеальныя дѣвы". Онѣ обыкновенно страстныя любительницы чтенія, и читаютъ много и скоро, глядя книгѣ. Но какъ и что читаютъ онѣ, Боже великій! Всего достопримѣчательнѣе въ идеальныхъ дѣвахъ увѣренность ихъ, что онѣ понимаютъ то, что читаютъ, и что чтеніе приноситъ имъ большую пользу. Вотъ онѣ обожательницы Пушкина, что однакожъ не мѣшаетъ имъ отдавать должную справедливость и таланту Бенедиктова; иныя изъ нихъ съ удовольствіемъ читаютъ даже Гоголя, — что однакожъ нисколько не мѣшаетъ имъ восхищаться повѣстями Марлинскаго и Полевого. Все что въ ходу, о чемъ пишутъ и говорятъ въ настоящее время, все это сводитъ ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онѣ видятъ свою любимую мысль, оправданіе своей восторженности, т. е. идеальность, видятъ ее даже и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ или гдѣ она осмѣивается. У всѣхъ у нихъ есть заѣтныя тетради, куда онѣ списываютъ стишки, которые имъ понравятся, мысли, которыя поразятъ ихъ въ книгѣ. Онѣ любятъ гулять при лунѣ, смотрѣть на звѣзды, слѣдить за теченіемъ ручейка. Онѣ очень выспренны въ дружбѣ, и каждая ведетъ пространную переписку съ своей пріятельницей, которая живетъ съ нею въ одной деревнѣ, а иногда и въ одномъ домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. Въ перепискѣ (огромными тетрадищами) сообщаютъ онѣ другъ другу свои чувства, мысли, впечатлѣнія. Сверхъ того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный „выписными чувствами", въ которыхъ какъ во всѣхъ дневникахъ идеальныхъ и внутреннихъ натуръ мужескаго и женскаго пола нѣтъ ничего живого, истиннаго, только претензіи и идеальни-

чают. Они презирают толпу и землю, питают непримиримую ненависть ко всем материальному. Эта ненависть у них часто простирается до желания вовсе отрешиться от материи. Для этого они морят себя голодом, не пьют иногда по целым неделям, жгут на свечке пальцы, кладут себе на грудь пять пудовых гирь, пьют уксус и чернила, отучают себя от сна. — И этим стремлением к высшему, идеальному существованию до того успевают разстроить свои нервы, что скоро превращаются в очень живую и самую материальную болезнь. Вот, крайности сходятся! Все простые человеческия и особенно женския чувства, как, напр., стыдливость, способная к увлечению чувств, любовь материнская, склонность к мужчине, в котором нет ничего необыкновеннаго, сверхъестественнаго, которыя не гонимы пестьем, не стремятся, не болезненны, не бывают, все такия простыя чувства кажутся им пошлыми, ничтожными, смешными и презренными. Особенно интересны понятия „идеальных дев" о любви. Все они — жрицы любви, думают, мечтают, говорят и пишут только о любви. Но они признают только любовь чистую, неземную, идеальную, платоническую. Брак есть профанация любви в их глазах; счастье — опошление любви. Им непременно надо любить в разлуке, и их высочайшее блаженство — мечтать при луне о предмете своей любви и думать: „может быть, в эту минуту и *он* смотрит на луну и мечтает обо мне: ведь где любви нет разлуки!" Жалкия рыбы с холодной кровью, идеальныя девы считают себя птицами: плавая в мутной воде искусственной первической экзальтации, они думают, что парят в облаках высоких чувств и мыслей. Им чуждо все простое, истинное, задушевное, страстное; думая любить все „высокое и прекрасное", они любят только себя; они и не подозревают, что должно убить свое нежное самолюбие крепкими шутками Фонвизина, думая быть жрицами любви и самоотвержения. Многия из них не прочь бы и от замужества, и при первой возможности вдруг изменяют свои убеждения, и тогда эти девы скоро делаются самыми

простыми бабами: но въ нихъ способность обманывать себя призраками фантазіи доходитъ до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственницами, и такимъ образомъ до семидесяти лѣтъ сохраняютъ способность къ сантиментальной экзальтаціи, къ первическому идеализму. Самыя лучшія изъ этого рода женщинъ рано или поздно образумливаются: но прежнее ихъ ложное направленіе навсегда дѣлается чернымъ демономъ ихъ жизни и, подобно остаткамъ дурно-залѣченной болѣзни, отравляетъ ихъ спокойствіе и счастье. Участіе всѣхъ другихъ гѣнзъ идеальныхъ дѣвъ, которыя не только не чуждаются брака, но въ бракѣ съ предметомъ любви своей видятъ высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при отсутствіи всякаго нравственнаго развитія и при испорченности фантазіи, онѣ создаютъ свои идеалы брачнаго счастья,—и когда увидятъ невозможность осуществленія ихъ нелѣпаго идеала, то вымещаютъ на мужьяхъ горечь своего разочарованія.

Идеальными дѣвами всѣхъ родовъ бываютъ по большей части дѣвицы, которыхъ развитіе было предоставлено имъ же самимъ. И какъ винить ихъ въ томъ, что, вмѣсто живыхъ существъ, изъ нихъ выходятъ нравственные уроды! Окружающая ихъ положительная дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ очень пошла, и имъ невольно овладѣваетъ неотразимое убѣжденіе, что хорошо только то, что не похоже, что діаметрально противоположно этой дѣйствительности. А между тѣмъ самобытное, не на почвѣ дѣйствительности, не въ сферѣ общества совершающееся развитіе всегда доводитъ до уродства. И такимъ образомъ имъ предстоятъ двѣ крайности: или быть пошлыми на общій манеръ, быть пошлыми какъ всѣ, или быть пошлыми оригинально. Онѣ избираютъ послѣднее, но думаютъ, что съ земли перепрыгнули за облака, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ только переползаютъ изъ положительной пошлости въ мечтательную пошлость. И что всего грустнѣе: между подобными несчастными созданіями бываютъ натуры, не лишенныя истинной потребности болѣе или менѣе человѣчески-разумнаго существованія и достойныя лучшей участи.

Но среди того міра нравственно-убійственныхъ явленій изъ [illegible] уголка деревенско-господскаго поселенія, которымъ богата горда плодится и славится, и дышетъ деревнями собственнаго своего превосходства. Натуры геніальныя, не подозрѣвающія своей геніальности, онѣ безсмысленно убиваются безсознательнымъ обществомъ, какъ очистительныя жертвы за его собственные грѣхи... Такова Татьяна Пушкина. Вы коротко знакомы съ почтеннымъ семействомъ Ларинныхъ. Отецъ — не то, чтобъ умѣлъ очень глупить, да и не совсѣмъ умѣлъ: не то, чтобъ человѣкъ, да и не звѣрь, а что-то въ родѣ помѣси, принадлежащаго въ одно и то же время двумъ царствамъ природы — растительному и животному.

Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ,
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

Этотъ миръ, вкушаемый подъ камнемъ, былъ продолженіемъ того же самаго мира, которымъ „добрый баринъ" наслаждался при жизни подъ татарскимъ халатомъ. Бываютъ на свѣтѣ такіе люди въ жизни и счастіи которыхъ смерть не производитъ рѣшительно никакой перемѣны. Отецъ Татьяны принадлежитъ къ числу такихъ счастливцевъ. Но мыслящая его супруга, [illegible] сознавая жизни сравнительно съ своимъ супругомъ, [illegible] замужества она обожала Ричардсона, не потому, чтобъ прочла его, а потому, что отъ своей московской кузины наслышалась о Грандисонѣ. Но мечтательная за Ларина, она вскорѣ взглянула о другомъ. Но о перемѣнѣ въ мужѣ не спросившись его совѣта. Въ теченіе мужа она сперва терпѣла и молилась, а потомъ привыкла къ своему положенію и даже стала имъ довольна особенно съ тѣхъ поръ, какъ поселила за мужемъ самовластно управлять мужемъ.

Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,

Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.
Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій И, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ.
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю *Селину*
И обновила, наконецъ,
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

Словомъ, Ларины жили чудесно, какъ живутъ на этомъ свѣтѣ цѣлые милліоны людей. Однообразіе семейной ихъ жизни нарушалось гостями:

Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
. . . . . .
Ихъ разговоръ благоразумной
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ,
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Еще былъ менѣе ученъ.

И вотъ кругъ людей, среди которыхъ родилась и выросла Татьяна! Правда, тутъ были два существа, рѣзко отдѣлявшіяся отъ этого—сестра Татьяны, Ольга, и женихъ послѣдней, Ленскій. Но и не этимъ существамъ было понять Татьяну. Она любила ихъ просто, сама не зная за что, частью по привычкѣ, частью потому, что они сами не были поэты; но она не открывала имъ внутренняго міра

ихъ есть какое-то темное, инстинктивное чувство того, что они — люди другого міра, что они не поймутъ ея. И дѣйствительно, поэтическій Ленскій далеко не подозрѣваетъ, что такое Татьяна: такая дѣвушка была не по его восторженной натурѣ, и могла ему казаться скорѣе странной и холодной. Нѣжной поэтической Ольгѣ еще менѣе Ленскаго могла понять Татьяну Ольга — существо простое, непосредственное, которое никогда ни о чемъ не разсуждало, ни о чемъ не спрашивало, которому все было ясно и понятно по привычкѣ, и которое все дѣлало отъ привычки. Она очень плакала о смерти Ленскаго, но скоро утѣшилась, вышла за уланa, и изъ граціозной и милой дѣвочки сдѣлалась пошлой барыней, повторивъ собою свою маменьку, съ небольшими измѣненіями, которыхъ требовало время. Но совсѣмъ не такъ легко опредѣлить характеръ Татьяны. Натура Татьяны немногосложны, но глубоки и сильны. Въ Татьянѣ нѣтъ этихъ мелкихъ противорѣчій, которыми страдаетъ сплошь сложныя натуры: Татьяна состоитъ какъ-то вся изъ одного цѣльнаго куска, безъ рѣзкихъ приѣмовъ и примѣсей. Вся жизнь ея проникнута, такъ сказать, цѣльностью, тѣмъ спокойствіемъ, которое въ мірѣ искусства составляетъ высочайшее достоинство художественнаго произведенія. Страстно влюбленная, простая деревенская дѣвушка, потомъ свѣтская дама, Татьяна во всѣхъ положеніяхъ своей жизни всегда она и та же: портретъ ея въ цѣломъ такъ мастерски написанный поэтомъ, впослѣдствіи является не столько развивающимся, но не измѣнившимся.

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу ни къ матери своей:
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

Задумчивость была ея подругой съ колыбельныхъ лѣтъ.

убранная описаніе сихъ книгъ: пальцы Татьяны не знали иглы, и далѣе ребенкомъ она не любила куколъ, и ей чудесны были цѣлія шалости: слышать скучень и шумъ и звонкій смѣхъ тѣсныхъ игръ; ей больше нравились страшные разсказы въ зимній вечеръ. И потому она скоро пристрастилась къ романамъ, и романы полюбили всю жизнь ея.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда почная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она!

Цѣлыя, тѣнія ночи посвящались мечтательности, зимнія — чтенію романовъ, и это среди міра, имѣвшаго благоразумную привычку громко хранить въ то время! Какое противорѣчіе между Татьяною и окружающимъ ее міромъ! Татьяна — это рѣдкій, прекрасный цвѣтокъ, случайно выросшій въ разсѣлинѣ дикой скалы.

Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками ни пчелой.

Эти два стиха, сказанные Пушкинымъ, объ Ольгѣ, гораздо больше идутъ къ Татьянѣ. Какіе мотыльки, какія пчелы могли знать этотъ цвѣтокъ или плѣнять имъ? Развѣ безобразные слѣпни, оводы и жуки: врагъ Пихтина, Буянова, Пустякова и тому подобныхъ? Да, только ленивцы, какъ Татьяна, могутъ плѣнить только въ столицахъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ нравственнаго міра, или такихъ, которые были бы въ уровень съ ея натурой, и которыхъ такъ много на свѣтѣ, или людей совершенно пошлыхъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Этимъ послѣднимъ Татьяна могла нравиться лицомъ, деревенской свѣжестью и до-

ревьемъ, даже ничтожество своего характера, въ которомъ они могли бы видѣть кротость, послушливость и безотвѣтность въ отношеніи къ окружающему мужу, — качества, драгоцѣнныя для ихъ грубой любовности, не говоря уже о разсчетахъ на приданое, на родство и т. п. И стоящіе же въ серединѣ между этими двумя разрядами вовсе не могли отличить Татьяну. Надобно сказать, что всѣ эти серединные существа, занимающія мѣсто между внѣшними натурами и тонкою организаціею, эти господа, служащіе связью геніальности съ толпою, по большей части — все люди „порядочные", посредственные, о которыхъ мы говорили выше. Они имѣютъ думать о себѣ, что они исполнены страстей, чувствъ, высокихъ стремленій, но въ сущности все дѣло ограничивается въ томъ, что у нихъ фантазія развита насчетъ всѣхъ другихъ способностей, преимущественно разсудка. Въ нихъ есть чувство, но еще больше самолюбія, и еще больше охоты и способности высказывать свои ощущенія и вѣчно толковать о нихъ. Въ нихъ есть и умъ, но не свой, а перенятый, книжный, и потому въ ихъ умѣ часто бываетъ много блеска, но никогда не бываетъ истины. Главное же, что̀ всего хуже въ нихъ, что составляетъ ихъ самую слабую сторону, ихъ антисоціальную черту, — то, что въ нихъ нѣтъ страстей, за исключеніемъ только самолюбія, и то мелкаго, которое ограничивается въ нихъ тѣмъ, что они безпрестанно и безпощадно потрясены въ созерцаніи своихъ внутреннихъ достоинствъ. Натуры геніяльныя, но также не холодныя, какъ и не горячія, они непрестанно обладаютъ такою способностью безпристрастно смотрѣть на міръ, какъ будто и ни отчего. Поэтому они холодно и безчувственно говорятъ о своихъ измѣненныхъ чувствахъ, объ отсутствіи, посредствомъ ихъ ума, о страстяхъ, опустошающихъ ихъ сердце, не подозрѣвая, что все это дѣйствительно бури, но только не на морѣ, а въ стаканѣ воды. И нѣтъ людей, которые бы менѣе ихъ способны были оцѣнить истинное чувство, понять истинную страсть, разгадать человѣка, глубоко чувствующаго, безпредѣльно страстнаго. Такіе люди не понравятся бы Татьянѣ: они рѣшительно не въ

въ голосъ, что если она не дура пошлая, то очень странное существо, и что во всякомъ случаѣ она холодна какъ ледъ, лишена чувства и неспособна къ страсти. И какъ же иначе? Татьяна молчалива, дика, ничѣмъ не увлекается, ничему не радуется, ни отъ чего не приходитъ въ восторгъ, ко всему равнодушна, ни къ кому не ласкается, ни съ кѣмъ не дружится, никого не любитъ, не чувствуетъ потребности перелить въ другого свою душу, тайны своего сердца, а главное—не говоритъ ни о чувствахъ вообще, ни о своихъ собственныхъ въ особенности? Если вы сосредоточены въ себѣ и на вашемъ лицѣ нельзя прочесть внутренняго поглощающаго васъ огня, — мелкіе люди, столь богатые прекрасными мелкими чувствами, тотчасъ объявятъ васъ существомъ холоднымъ, эгоистомъ, отнимутъ у васъ сердце и оставятъ при васъ одинъ умъ, особенно, если вы имѣете наклонность иронизировать надъ собственнымъ чувствомъ, хотя бы то было изъ цѣломудреннаго желанія замаскировать его, не любя имъ ни играть ни щеголять...

Повторяемъ: Татьяна—существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастіи взаимности, любовь такой женщины —ровное, свѣтлое пламя: въ противномъ случаѣ,—упорное пламя, которому сила воли можетъ быть не позволитъ прорваться наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и жгучѣе, чѣмъ больше оно сдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна спокойно, но тѣмъ не менѣе страстно и глубоко любила бы своего мужа, вполнѣ пожертвовала бы собою дѣтямъ, вся отдалась бы своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей нашла бы свое величайшее наслажденіе, свое верховное блаженство. И все это безъ фразъ, безъ разсужденій, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ внѣшнимъ безстрастіемъ, съ этой наружной холодностью, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ. Такова Татьяна. Но это только главныя и, такъ сказать,

общія черты ея личности: взглянемъ на форму, въ которую вылилась эта личность, посмотримъ на тѣ особенности, которыя составляютъ ея характеръ.

Создаетъ человѣка природа, но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не спасутъ и не защитятъ человѣка отъ вліянія общества, нигдѣ не скрыться, никуда не уйти ему отъ него. Самое усиліе развиться самостоятельно, внѣ вліянія общества, сообщаетъ человѣку какую-то странность, придаетъ ему что-то уродливое, въ чемъ опять видна печать общества же. Вотъ почему у насъ люди съ дарованіями и хорошими природными расположеніями часто бываютъ самыми несносными людьми, и вотъ почему у насъ только геніальность спасаетъ человѣка отъ пошлости. По этому же самому у насъ такъ мало истинныхъ и такъ много книжныхъ, вычитанныхъ чувствъ, страстей и стремленій, словомъ, такъ мало истины и жизни въ чувствахъ, страстяхъ и стремленіяхъ и такъ много фразерства во всемъ этомъ. Повсюду распространяющееся чтеніе приноситъ намъ величайшую пользу; въ немъ наше спасеніе и участь нашей будущности; но въ немъ же, съ другой стороны, и много вреда, такъ же какъ и много пользы для настоящаго. Объяснимся. Наше общество, состоящее изъ образованныхъ сословій, есть плодъ реформы. Оно помнитъ день своего рожденія, потому что оно существовало офиціально прежде, нежели стало существовать дѣйствительно; потому что, наконецъ, это общество долго составлялъ не духъ, а покрой платья, не образованность, а привиллегія. Оно началось такъ же, какъ и наша литература: копированіемъ иностранныхъ формъ безъ всякаго содержанія, своего или чужого, потому что отъ своего мы отказались, а чужого не только принять, но и понять не были въ состояніи. Были у французовъ трагедіи: давай и мы писать трагедіи, и Сумароковъ въ одномъ лицѣ своемъ совмѣстилъ и Корнеля, и Расина, и Вольтера. Былъ у французовъ знаменитый баснописецъ Лафонтенъ, и опять тотъ же Сумароковъ, по словамъ его современниковъ, своими притчами далеко обогналъ Лафонтена.

Такимъ же точно образомъ въ самое короткое время обзавелись мы своими доморощенными Пиндарами, Горапіями, Анакреонами, Гомерами, Виргиліями и т. п. Иностранныя произведенія всѣ наполнены были любовными чувствами, любовными приключеніями: и мы давай тѣмъ же наполнять наши сочиненія. Но тамъ поэзія книги была выраженіемъ любви, составляющей жизнь и поэзію общества: у насъ любовь вошла только въ книгу, и въ ней и осталась. Это болѣе или менѣе продолжается и теперь. Мы любимъ читать страстные стихи, романы, повѣсти, и теперь подобное чтеніе не считается предосудительнымъ даже для дѣвушекъ. Иныя изъ нихъ даже сами кропаютъ стишки, и иногда недурные. Пусть, говорятъ о любви, читать и писать о ней у насъ любятъ многіе, но любить... это дѣло другого рода! Оно, конечно, если съ позволенія родителей, если строгость мѣстныхъ обычаевъ допускаетъ законнымъ бракомъ, то почему же и не любить! Многіе не только не считаютъ этого предосудительнымъ, но даже считаютъ необходимымъ, и, женясь на приданомъ, толкуютъ о любви. Но любить потому только, что сердце жаждетъ любви, и хочетъ безъ надежды на бракъ, вѣчно лелѣять упоительному пламени страсти — помилуйте, какъ можно! Вѣдь это значитъ сдѣлать „исторію", произвести скандалъ, стать въ оппозицію обществу, предметомъ осторожнаго вниманія, осужденія, презрѣнія: сверхъ того, приличіе, правила нравственности, общественная мораль... Ахъ! какъ вы люди слишкомъ осторожные и благоразумно предусмотрительные, столько и нравственные! Это хорошо; но зачѣмъ же вы противорѣчите себѣ своей охотою къ стихамъ и романамъ, своей страстью къ патетическимъ драмамъ? Но то поэзія, а то жизнь: зачѣмъ мѣшать ихъ между собою, пусть каждая идетъ своей дорогой: пусть жизнь дремлетъ въ апатіи, а поэзія спасаетъ ее занимательными снами. Вотъ это другое дѣло!..

Но худо то, что изъ этого другого была необходимо родится третье, довольно уродливое. Когда между жизнью и поэзіей нѣтъ естественной, живой связи, тогда и въ ихъ брак тайно отъ тѣлеснаго существованія образуется почти нело-

[illegible] Онѣгинъ въ свѣтскомъ обществѣ, [illegible] Она часть общества, вѣрная своей ро[illegible] [illegible], спокойно [illegible] въ грязи грубо-матеріальнаго существованія. Его [illegible], [illegible] еще меньшая численность, но уже довольно значительная, изъ всѣхъ силъ хлопочетъ устроить себѣ поэтическое существованіе, сочетать поэзію съ жизнью. Это у нихъ [illegible] очень просто и очень невинно. Не [illegible] [illegible] поэзіи въ обществѣ, они берутъ ее изъ книгъ и по ней соображаютъ свою жизнь. Поэзія говоритъ, что любовь есть [illegible] жизни: [illegible], надо любить! Сильнымъ вѣрить, само сердце за него вмѣетъ съ умомъ! И вотъ [illegible] [illegible] [illegible]

рѣдкихъ идеальныхъ дѣвъ, о которыхъ мы говорили. Правда, мы сказали, что она представляетъ собою болѣзненное исключеніе въ мірѣ подобныхъ явленій, и теперь не отпираемся отъ своихъ словъ. Татьяна возбуждаетъ не смѣхъ, а глубокое сочувствіе, — но это не потому, чтобъ она вовсе не походила на „идеальныхъ дѣвъ"; а потому, что ея глубокая, страстная натура вселила въ нее собою все, что есть смѣшнаго и дѣтскаго въ идеальности этого рода, и Татьяна осталась естественно-простою въ самой неестественности и уродливости формы, которую сообщила ей окружающая ее дѣйствительность. Съ одной стороны

Татьяна вѣрила преданьямъ,
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты:
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.

Съ другой стороны, Татьяна любила бродить по полямъ,

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

Это живое соединеніе грубыхъ, вульгарныхъ предразсудковъ съ страстью къ французскимъ книжкамъ и съ увлеченіемъ къ глубокому творенію Марлина Залески возможно только въ русской женщинѣ. Весь внутренній міръ Татьяны заключался въ жаждѣ любви, ничто другое не говорило ея душѣ, ума ея спать, и только рѣзкое горе жизни могло потомъ разбудить его, — да и то не для того, чтобъ сберечь страсть и потушить ее разсчету благоразумной морали. Дѣвическія шитьемъ не были заняты въ нихъ не было своей черты „друга и досуга, не было тѣхъ регулярныхъ занятій, свойственныхъ образованной жизни, которыя держатъ въ равновѣсіи нравственныя силы человѣка. Дикое растеніе, вполнѣ предоставленное самому себѣ, Татьяна создала себѣ свою собственную жизнь, въ пустотѣ которой тѣмъ мятежнѣе горѣлъ пожиравшій ее внутренній огонь, что ея умъ ничѣмъ не былъ занятъ

Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь:
Душа ждала... кого нибудь.
И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: *это онъ!*
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ—
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердитъ о немъ. . . . . .
. . . . . .
Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И безподобный Грандиссонъ,
Который намъ наводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.
Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ:
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ и, *себѣ присвоя*
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя...

Здѣсь не книга решила страсть Татьяны, но страсть Татьяны не могла не пробудиться и помимо книги. Затѣмъ было воображать Онѣгина Вольмаромъ, Малекъ-Аделемъ, де-Ли-

нарочь и Вертеромъ (Малекъ-Адель и Вертеръ: не все ли это равно, что Русланъ Лазаревичъ и Корсаръ Байрона)? Забѣмъ, что для Татьяны не существовалъ настоящій Онѣгинъ, котораго она не могла ни понимать ни знать: слѣдовательно ей необходимо было придать ему какое-нибудь значеніе, напрокатъ взятое изъ книги, а не изъ жизни, потому что жизни Татьяна тоже не могла ни понимать ни знать. Затѣмъ было ей воображать себя Кларисою, Юліею, Дельфиною? Затѣмъ, что она и самую себя такъ же мало понимала и знала, какъ и Онѣгина. Повторяемъ: сознаніе страстное, глубоко чувствующее, и въ то же время не развитое, плотно закрытое въ темницу, пустоту своего интеллектуальнаго существованія. Татьяна, какъ личность, является намъ подобною не изящной греческой статуѣ, въ которой все внутреннее такъ прозрачно и выпукло отразилось во внѣшней красотѣ, но подобною египетской статуѣ, неподвижной, плѣнной и связанной. Безъ книги она была бы совершенно нѣмымъ существомъ, и ея пылающій и сохнущій языкъ не обрѣлъ бы ни одного живого, страстнаго слова, которымъ бы могла она облегчить себя отъ тяготѣющей полноты чувства. И хотя непосредственнымъ источникомъ ея страсти къ Онѣгину была ея страстная натура, ея переполнившаяся жажда сочувствія, все же назвалась она дѣтски-наивно и идеально. Татьяна не могла полюбить ничего и еще менѣе могла полюбить кого-нибудь изъ извѣстныхъ ей мужчинъ: она такъ хорошо ихъ знала, и они такъ мало представляли пищи ея романтическому, эстетическому воображенію. И вдругъ является Онѣгинъ.

Онъ весь окруженъ таинствомъ: его аристократизмъ, его свѣтскость, неоспоримое превосходство надъ всѣмъ этимъ сословнымъ и пошлымъ міромъ, среди котораго онъ является какимъ метеоромъ, его равнодушіе ко всему, странность жизни — все это произвело таинственные слухи, которые не могли не существовать на фантазію Татьяны, не могли не расположить, не подготовить ее къ рѣшительному шагу первато сближенія съ Онѣгинымъ. И она увидѣла его и онъ пересталъ быть для нея молодымъ, красивымъ, умнымъ, свѣтскимъ,

рано-пустынный, скучающій, загадочный, непостижимый, весь переполненный тайнами для ея неразвитого ума, весь обольщеніе для ея дикой фантазіи. Есть существа, у которыхъ фантазія имѣетъ гораздо больше вліянія на сердце, нежели какъ думаютъ объ этомъ. Татьяна была изъ такихъ существъ. Есть женщины, которымъ стоитъ только показаться восторженными, страстными, и онѣ тотчасъ же есть женщины, которыхъ вниманіе мужчины можетъ пробудить въ себѣ только равнодушіемъ, холодностью и скептицизмомъ, какъ признакомъ огромныхъ требованій на жизнь или какъ результатомъ мелкости и полнаго переполненія ею: Милая Татьяна была изъ числа такихъ женщинъ...

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижно очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Припозднялася грудь, ланиты,
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь: луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ,—
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ.

Разговоръ Татьяны съ нянею—что за художественное созерцаніе! Это цѣлая драма, проникнутая глубокой поэзіей. Въ немъ удивительно вѣрно изображена русская барышня въ роковой моментъ ея страсти. Сдавленное внутреннее чувство ищетъ порваться наружу, особенно въ первый періодъ еще новой, еще неопытной страсти. Кому открыть свое сердце? сестрѣ? она не была бы понята ею. Няня вовсе не подходитъ, но почему-то и открывается ей Татьяна въ своей тайнѣ — или лучше сказать, почему-то и не скрываетъ она отъ няни своей тайны.

. . . . . „Разскажи мнѣ няня
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?"

—И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не знавали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.—
„Да какъ же ты вѣнчалась, няня?“
— *Такъ, видно, Богъ велѣлъ.* Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ *тринадцать* лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели,
И вотъ ввели въ семью чужую...

Вотъ какъ пишетъ истинно-народный, истинно-національный поэтъ! Въ словахъ няни, простыхъ и народныхъ, безъ тривіальности и пошлости, вы полностью полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взгляды на отношенія полоѣ, на любовь, на бракъ... И это стѣлько великимъ поэтомъ одной черты, вскользь, мимоходомъ брошенной!.. Какъ хороши эти добродушные и простодушные стихи:

И, полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не знавали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь!

Какъ жаль, что именно такая народность не нравится многимъ нашимъ поэтамъ, которые такъ хлопочутъ о народности и гоняются одной изъ площадной тривіальности...

Татьяна вдругъ рѣшается писать къ Онѣгину: порывъ ея былъ безсознателенъ, она не отдавала себѣ въ немъ отчета, не имѣла никакой мысли, что будетъ послѣ, когда она стала знатной барыней, ей не совершенно исчезла возможность такихъ наивно-великодушныхъ движеній сердца... Письмо Татьяны свело съ ума всѣхъ русскихъ читателей, когда появилась третья глава „Онѣгина“. Мы вмѣстѣ со всѣми думали въ немъ видѣть высочайшій образецъ откровенія женскаго сердца. Самъ поэтъ, кажется, безъ всякой пробы, безъ всякихъ задней

мыслить, писать и читать это письмо. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Письмо Татьяны прекрасно и теперь, хотя уже и отзывается немножко какой-то пышностью, чѣмъ-то „романическимъ". Иначе и быть не могло, языкъ страстей былъ тогда новъ и не установился. Превосходно-пышна рѣчь Татьяны, но не умѣла она тогда понять и передать себѣ тѣхъ своихъ ощущеній, если бы не пришла ей на помощь вереница тѣней, оставленныхъ на ея памяти плохими и хорошими романами, безъ толку и безъ разбора читанными ею. Начало письма превосходно: оно прочитано простымъ неизмѣннымъ чувствомъ; въ немъ Татьяна является сама собой:

Я къ вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда,
Когда-бъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ,
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но, говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала-бъ васъ,
Не знала-бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

Прекрасны также стихи въ концѣ письма:

. . . . . Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.

Все въ письмѣ Татьяны истинно, но не все просто; мы выписали только то, что и истинно и просто вмѣстѣ. Сочетаніе простоты съ истиной составляетъ высшую красоту и чувства, и дѣла, и выраженія...

Замѣчательно, съ какимъ усиліемъ старается поэтъ оправдать Татьяну за ея рѣшимость написать и послать это письмо: видно, что поэтъ слишкомъ хорошо зналъ общество, для котораго писалъ...

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима,
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Ихъ добродѣтели природной,
Дивился я ихъ спѣси модной,
И, признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.
Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ,
И что-жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ, суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй.

И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжитъ за милой суетой.
За что-жъ виновнѣе Татьяна?
За то-ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то-ль, что любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства;
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей!
Кокетка судитъ хладнокровно;
Татьяна любитъ не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ малое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ—
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольномъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

Вотъ еще отрывокъ изъ „Онѣгина“, который выключенъ авторомъ изъ этой поэмы, и особенно напечатанъ въ IX томѣ:

О вы, которыя любили
Безъ позволенія родныхъ,
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радости, для нѣги сладкой—
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любезнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча дозволять

Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови,—
Не осуждайте безусловно
Татьяны *внутренной* (?) моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенье чопорныхъ судей.
А вы, *о дѣвы безъ упрека!*
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшитъ сегодня какъ змѣя—
Совѣтую вамъ то же я:
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ-быть, и вы—
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ божество.

Только одна ли наивность, прибавимъ мы отъ себя [illegible]. Нельзя не жалѣть о поэтѣ, который былъ самъ себя принужденнымъ такимъ образомъ оправдывать свою героиню передъ обществомъ. И въ чемъ же? въ томъ, что составляетъ сущность женщины, ея лучшее право на существованіе: что у нея есть сердце, а не пустыя мечты, прикрытыя корсетомъ! Но еще больше жалѣть [illegible] объ [illegible], передъ которымъ поэтъ былъ самъ принужденнымъ оправдывать героиню своего романа въ томъ, что она женщина, а не черезчурная, выточенная по подобію женщина. И всего грустнѣе въ этомъ то, что передъ женщинами въ особенности старается онъ оправдать свою Татьяну. И за то съ какой горечью говоритъ онъ о нашихъ женщинахъ вообще, что касается общественной мертвенности холода, чопорности и сухости! Какъ бываетъ вотъ эта строфа въ первой главѣ „Онѣгина“:

Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ,
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ—
Несносный, хоть невинный вздоръ.

Къ тому-жъ онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

Эта строфа невольно приводитъ намъ на память слѣдующіе стихи, не вошедшіе въ поэму, и напечатанные особо (т. IX).

Морозъ и солнце—чудный день!
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотою:
Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система
И правъ обычай стариковъ:
Онѣ родились для гарема
Иль для неволи...

Но и на Востокѣ есть поэзія въ жизни, строгость закрадывается и въ гаремы. Зато у насъ царствуетъ строгая нравственность, по крайней мѣрѣ внѣшняя, а за нею иногда бываетъ такая не-поэтическая поэзія жизни, которою если воспользуется поэтъ, то, конечно, ужъ не для поэмы.

Если бы мы вздумали оцѣнить всѣми красотами поэмы Пушкина, указывать на всѣ черты высокаго художественнаго мастерства, въ такомъ случаѣ ни нашимъ выпискамъ ни нашей статьѣ не было бы конца. Но мы считаемъ это излишнимъ, потому что эта поэма давно оцѣнена публикою, и все лучшее въ ней у всякаго на памяти. Мы предположили себѣ другую цѣль: раскрыть по возможности отношеніе поэмы къ обществу, которое она изображаетъ. На этотъ разъ предметъ нашей статьи характеръ Татьяны, какъ прекрасный типъ русской женщины. И потому пропускаемъ всю четвертую главу, въ которой главное мѣсто есть объясненіе Онѣгина съ Татьяной и отвѣтъ на ея письмо. Какъ подѣйствовало на нее это объясненіе, понятно: всѣ надежды бѣдной дѣвушки рушились, и она еще глубже затворилась въ себѣ отъ внѣшняго міра. Но разрушенная надежда

не погасила въ ней пожирающаго ее пламени: онъ началъ горѣть тѣмъ упорнѣе и напряженнѣе, чѣмъ глуше и безотраднѣе. Несчастіе дать полную пищу ея страсти и натуръ ея сладострастному воображенію. Имъ тоже нравится эта мечтательность ихъ невѣжества: они любятъ свое горе, любятъ свое страданіе, горюютъ имъ, можетъ-быть, еще больше, нежели сколько горюютъ и любятъ своимъ счастьемъ, если оно выпало на ихъ долю. И притомъ, въ глухомъ лѣсу какое общество, гдѣ и скоро ли бы встрѣтила Татьяна другое существо, которое, подобно Ольгѣ, могло бы поразить ея воображеніе и обратить огонь ея души на другой предметъ? Вообще несчастная, неразвѣтвленная любовь, которая упорно переливаетъ надежду, есть явленіе довольно обыкновенное, причина котораго, по слишкомъ рѣзкимъ и вѣроятно чисто физіологическимъ причинамъ, сама ли не скрывается въ организаціи фантазіи, слишкомъ развитой насчетъ другихъ способностей души. Но какъ бы то ни было, а страданія, происходящія отъ фантазіи, падаютъ тяжело на сердце и терзаютъ его гораздо сильнѣе, нежели страданія, корень которыхъ въ самомъ сердцѣ. Картина глухихъ, никѣмъ не раздѣленныхъ страданій Татьяны изображена въ полной главѣ съ удивительной пѣснью и простотой. Посѣщеніе Татьяной опустѣлаго дома Онѣгина есть седьмое чувство и чувства, пробужденныя въ ней этимъ оставленнымъ жилищемъ, на всѣхъ предметахъ которыхъ лежалъ какой-то отпечатокъ духа и характера оставившаго его хозяина, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы и драгоцѣннѣйшимъ сокровищамъ русской поэзіи. Татьяна не разъ повторила это посѣщеніе.

И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ:
Но показался выборъ ихъ
Ей странен. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;

г. ТЮМЕНЬ.

И ей открылся міръ иной.

. . . . . .

И начинаетъ по немногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

. . . . . .

Ужель загадку разрѣшила,
Ужели *слово* найдено?..

Итакъ, въ Татьянѣ, полагаетъ, совершился актъ сознанія: умъ ея [illegible]. Она поняла, что есть для человѣка интересы, есть страданія и скорби, кромѣ интереса страданій и скорби любви. Но поняла ли она, въ чемъ именно состоятъ эти другіе интересы и страданія, и если поняла, поступаетъ ли она въ дѣйствительности сообразно съ этимъ? Конечно, понятны не только умомъ, головою, потому что есть нѣчто, которое надо переживать и душою и тѣломъ, чтобы понять имъ вполнѣ, и которыхъ нельзя научить въ книгѣ. И поэтому книжное знакомство съ этимъ новымъ міромъ скорбей еще и само по себѣ Татьяны откровеніемъ, что открытіе произошло въ ея тайникѣ, безотчетное и безсознательное внѣ ея, что она вступаетъ въ, ужасную и заставляющую смотрѣть на страсти, даль на глубь жизни. Объ нихъ ее въ необходимости побороться [illegible], была она есть, и если жить жизнью серіи, то про себя, въ глубинѣ своей души, въ тиши уединенія, во мракѣ ночи, посвященной богу и размышленію. Посѣщеніе дома Онѣгина и чтеніе его книгъ приготовили Татьяну къ переродленію изъ первобытной дѣвочки въ сознательную даму, которою такъ умѣло и поразило Онѣгина. Въ предшествовавшей статьѣ мы уже говорили о письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ и о результатѣ всѣхъ его страстныхъ посланій къ ней: теперь перейдемъ прямо къ объясненію Татьяны съ Онѣгинымъ. Въ этомъ объясненіи все существо Татьяны выразилось вполнѣ. Въ этомъ объясненіи высказалось все, что составляетъ сущность русской женщины съ глубокой натурой, развитой обществомъ, — все и нетленная страсть, и [illegible]

[illegible] простого, истреннего чувства, и чистоту, и свѣжесть. Поклонникъ [illegible] съ [illegible] натуры, резонерство и оскорбленное самолюбіе, а [illegible] добродѣтелью, подъ которою [illegible] общественнаго мнѣнія... [illegible] съ [illegible] умомъ, сильной [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Речь Татьяны начинается упрекомъ, въ которомъ заключается желаніе мести за оскорбленное самолюбіе:

Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и *такъ смиренно*
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя.
Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту проповѣдь...

Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ былъ виноватъ передъ Татьяною въ томъ, что онъ не полюбилъ ее тогда, какъ она была моложе и лучше и любила его! Въ ея любви тогда [illegible], что молодость, [illegible] [illegible] Богъ понялъ [illegible] молодости [illegible] [illegible] сентиментальныхъ романовъ [illegible] [illegible] [illegible] Невѣста съ [illegible] мечтами и [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] и страданіемъ, обрѣтала слова для выраженія своихъ чувствъ и мыслей, какая невинна! И все-таки, по мнѣнію Татьяны, она болѣе способна была внушить любовь тогда, нежели теперь, потому что она тогда была моложе и лучше. Какъ въ этомъ видитъ вещи вполнѣ русская женщина! А этотъ упрекъ, что тогда она нашла со стороны Онѣгина одну суровость? „Вамъ была не новость смиренной дѣвочки любовь?“ Да это уголовное преступленіе — не полюбить любовью привлеченнаго

эмбріона!.. Но за этимъ упрекомъ тотчасъ слѣдуетъ и оправданіе:

. . . . . *Но васъ*
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной;
Я благодарна всей душой...

Основная мысль упрековъ Татьяны состоитъ въ убѣжденіи, что Онѣгинъ потому только не полюбилъ ее тогда, что въ этомъ не было для него очарованія соблазна: а теперь привлекли къ ея ногамъ жажда свѣтской славы. Во всемъ этомъ такъ и пробивается страхъ за свою добродѣтель...

Тогда—не правда ли?—въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?..
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?
Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ *обидной* страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче?—что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? *Какая малость!*
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

Въ этихъ стихахъ такъ и слышится трепетъ за свою доб-

роемъ въ большомъ свѣтѣ, а въ слѣдующихъ какъмъ представляются неопровержимыя доказательства глубочайшаго презрѣнія къ большому свѣту. Какое противорѣчіе! И что всего грустнѣе, то и другое истинно въ Татьянѣ:

А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,—
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ пышче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей.

Повторяемъ: ни слова такъ же неприложимы и невѣрны, какъ и противоположныя имъ. Татьяна не любитъ свѣта, и ей счастье могло бы [illegible]; но она знаетъ свѣтъ, его мишурное чело можетъ обольстить ее и обольститъ, и строгость ея судьи можетъ быть ею добровольною...

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.. Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я;
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана,—
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Послѣдніе стихи удивительны: полнымъ „концемъ вѣнчается дѣло"! Этотъ отвѣтъ могъ бы найти въ примѣрѣ высочайшаго „высокаго" (sublime) наравнѣ съ отвѣтомъ Медеи: „moi" и старца Горація: „qu'il mourût!" Вотъ истинная

[illegible] добродѣтели! „Но я другому отдана". [illegible] Вѣрность кому и въ чемъ? Вѣрность пошлымъ обязанностямъ, которыя состоятъ въ соблюденіи чувства и чистоты женственности, потому что нѣкоторыя отношенія, не освящаемыя любовью, въ высшей степени безнравственны. Но у насъ какъ-то все это имѣетъ иной смыслъ и жизнь, любовь и вѣрность по рецепту, жизнь сердцемъ и строгое исполненіе внѣшнихъ обязанностей, внутренно сознательно нарушаемыхъ. Жизнь женщины по преимуществу сосредоточена въ жизни сердца, любить — ея необходимость, а дорожить своею любовью (для этой роли создала природа Татьяну, но общество перестроило ее. Татьяна невольно напомнила намъ Вѣру въ „Герое Нашего Времени", женщину слабую и чувствующую, всегда уступающую силѣ. И прекрасную, вполнѣ въ своей слабости. Правда, женщина поступаетъ безнравственно, принадлежа вторично нелюбимому, одного любя, а другого обманывая. Но гдѣ эти женщины не могутъ быть виновными передъ строгимъ судомъ? Вѣрность страданію отъ совѣсти своей несчастной роли. И какъ бы могла она поступить рѣшительно въ отношеніи къ мужу, когда она видитъ, что онъ ей, кому она все себя пожертвовала, принадлежать ей не хочетъ, любя ее, ревнуетъ не хочетъ быть связанъ съ ней своимъ существованіемъ! Слабая женщина, она чувствуетъ себя подъ вліяніемъ роковой силы своего положенія и демоническій натуры, и не можетъ ему сопротивляться. Татьяна выше ея по своей натурѣ и по характеру, но [illegible] въ трогательномъ развитіи въ художественномъ изображеніи этихъ двухъ женскихъ типовъ. Татьяна портретъ [illegible] Вѣра — не больше, какъ слѣдуетъ II, несмотря на то, Вѣра — больше женщина, но зато и больше несчастна, тогда какъ Татьяна — типъ русской женщины. Восторженные и безпечные, неумѣвшіе жить и женщину по понятіямъ Мариниста, требуютъ отъ необыкновенной женщины презрѣнія къ общественному мнѣнію. Это долгъ женщины не можетъ презирать общественнаго мнѣнія, но можетъ умѣть держаться скромно, безъ фразъ, безъ самохваль-

ства, понимая всю великость своей жертвы, всю тягость проклятія, которое онъ беретъ на себя, повинуясь другому высшему закону, — закону своей натуры, а эта натура — любовь и самоотверженіе... »

Такъ, въ лицѣ Онѣгина, Ленскаго и Татьяны Пушкинъ изобразилъ русское общество въ одномъ изъ фазисовъ его образованія, его развитія, и съ какою истиною, съ какою вѣрностью, какъ полно и художественно изобразилъ онъ его! Мы не говоримъ о множествѣ вставочныхъ портретовъ и силуэтовъ, вошедшихъ въ его поэму и довершающихъ собою картину русскаго общества высшаго и средняго: не говоримъ о картинахъ сельскихъ баловъ и столичныхъ салоновъ: все это такъ извѣстно нашей публикѣ и такъ давно оцѣнено ею по достоинству... Затѣмъ о лиризмѣ поэта, такъ полно и ярко отразившемся въ этой поэмѣ, весь онъ является такой прекрасной, такой гуманной, но въ то же время по преимуществу артистической. Везъ выше въ немъ человѣка, души и ума, принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, весь внутренній русскій помѣщикъ. Онъ выказалъ въ этомъ классѣ на все, что производитъ гуманность по принципамъ класса и его — вѣчныя истины. И потому въ сферѣ его такъ много любви, самое отрицаніе его такъ часто похоже на сожалѣніе и на любованіе. Вспомните описаніе семейства Ларинихъ во второй главѣ, и особенно портретъ самого Ларина. Это было причиною, что въ „Онѣгинѣ“ много устарѣло теперь. Но безъ этого, можетъ-быть, и не вышло бы изъ „Онѣгина“ такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого опредѣленнаго факта для отрицанія мысли, въ самомъ же этомъ обществѣ такъ быстро развивающейся...

„Онѣгинъ“ писался долго: въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, — и потому самъ поэтъ росъ вмѣстѣ съ нимъ, и каждая новая глава поэмы была интереснѣе и зрѣлѣе. Но послѣднія двѣ главы рѣзко отдѣляются отъ первыхъ шести: онѣ явно принадлежатъ уже къ высшей, зрѣлой порѣ художественнаго развитія поэта. О красотѣ отдѣльныхъ мѣстъ

ней, и разговоръ становится довольно: притомъ же ихъ такъ много! К[illegible] принимаетъ: ночная сцена между Татьяной и нянюй. Здѣсь Онѣгинъ съ Ленскимъ и весь конецъ шестой главы. Въ послѣднихъ пѣсняхъ мы не знаемъ, что хвалить особенно, потому что въ нихъ все превосходно. Во первой половинѣ седьмой главы описаніе весны, воспоминаніе о Ленскомъ, посѣщеніе Татьяной дома Онѣгина — какъ-то особенно вмѣстѣ и въ цѣломъ грустно-чувства и живо-прекрасными стихами. Отступленія, вставленныя послѣ отъ разсказа, окончанія его къ самому себѣ исполнены необыкновенной граціи, воздушности чувства, ума, остроты. Вотъ всѣ, какъ мнѣ кажется, главныя достоинства, какія я могъ замѣтить. Но я могъ коснуться такъ многаго, намекнуть о столь многомъ, что Время только исполнится по мѣрѣ русской критики, по мѣрѣ русскаго общества. „Онѣгинъ" можетъ назваться первымъ русскимъ романомъ, и въ самомъ строгомъ значеніи первымъ произведеніемъ. Удивительно ли, что онъ не могъ быть принятъ съ полнымъ восторгомъ публикою и имѣть такое огромное вліяніе и на современную ей и на послѣдующую русскую литературу? А еще вліяніе на нравы общества? Онъ былъ самъ созданъ для русскаго общества: почти первымъ, но зато самымъ вѣрнымъ снимкомъ вѣетъ отъ него! Онъ могъ быть богатырскимъ романомъ, и послѣ него строгое изображеніе нравовъ сдѣлалось уже невозможнымъ. Пусть идетъ время и произноситъ съ собою новыя потребности, новыя идеи, пусть растетъ русское общество и обгонитъ „Онѣгина": какъ бы далеко оно ни ушло, но всегда будетъ оно любить этотъ романъ, всегда будетъ останавливаться на немъ исполненный любви и благодарности взоръ. Эти строфы, которыми такъ и просится въ заключеніе нашей статьи, своимъ недосягаемымъ совершенствомъ на душу читателя лучше всѣхъ выскажутъ то, что бы хотѣлось намъ высказать:

Увы! на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,

Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.
Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,
И къ ней привязанъ мало я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.
И чье-нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ,—лестная надежда!—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвитъ: „То-то былъ поэтъ!“
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

X

„Борисъ Годуновъ“.

Совершенно новая эпоха художественной дѣятельности Пушкина начата „Полтавой“ и „Борисомъ Годуновымъ“. Хотя первая вышла въ 1829 году, а послѣдній въ 1831

году. Тѣмъ не менѣе ихъ должно считать современными другъ другу произведеніями, потому что „Борисъ Годуновъ" написанъ былъ гораздо раньше 1831 года, и знаменитая сцена между Пименомъ и Самозванцемъ была напечатана въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1828 года, небольшая сцена между Курбскимъ и Самозванцемъ, въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1828 годъ, вышедшихъ въ 1827 году „Полтава", со стороны художественности, относится къ „Борису Годунову", какъ стремленіе относится къ достиженію. Публика приняла „Полтаву" холодно, нежели прежнія поэмы Пушкина; „Борисъ Годуновъ" былъ принятъ совершенно холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго, такъ много обѣщавшаго и еще такъ много обѣщающаго. Какъ тогда, такъ и теперь, у „Бориса Годунова" были жаркіе поклонники: но какъ тогда, такъ и теперь, число этихъ поклонниковъ было очень маловременно, а число порицателей огромно. Которые изъ нихъ правы, которые виновны? Тѣ и другіе равно правы и равно виновны, потому что Пушкинъ не могъ въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній достигнуть Пушкинъ до такой художественной высоты, и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ „Борисъ Годуновъ". Эта пьеса для него была истинно Ватерлооской битвой, въ которой онъ развернулъ во всей широтѣ и глубинѣ своей геній и, несмотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное пораженіе.

Прежде всего скажемъ, что „Борисъ Годуновъ" Пушкина совсѣмъ не драма, а развѣ эпическая поэма въ разговорной формѣ. Дѣйствующія лица, вообще слабо очерченныя, больше говорятъ о мѣстами говорятъ превосходно; но они не дѣйствуютъ. Сильныя слова, часто исполненныя высокой поэзіи, но не выходящія изъ страстей, изъ борьбы, изъ дѣйствія. Это одинъ изъ первыхъ и главныхъ недостатковъ драмы Пушкина, до этого недостатка не была онъ причиною въ русской исторіи, изъ которой онъ заимствовалъ содержаніе своей драмы. Русская исторія до Петра Великаго тѣмъ и отличается отъ исторіи западно-

европейскихъ государствъ, что въ нихъ преобладаетъ чисто эпическій или, скорѣе, квіетическій характеръ, тогда какъ въ тѣхъ преобладаетъ характеръ чисто-драматическій. До Петра Великаго въ Россіи развивалось начало семейное и родовое: но не было и признаковъ развитія личнаго; а можетъ-ли существовать драма безъ сильнаго развитія индивидуальностей и личностей? Что составляетъ содержаніе Шекспировскихъ драматическихъ хроникъ? борьба личностей, которыя стремятся къ власти и оспариваютъ ее другъ у друга. Это бывало и у насъ: весь удѣльный періодъ есть не что иное, какъ ожесточенная борьба за великокняжескій и за удѣльные престолы: въ періодъ Московскаго царства мы видимъ сряду трехъ претендентовъ такого рода; но все-таки не видимъ никакого драматическаго движенія. Въ періодъ удѣловъ одинъ князь сверга̀лъ другого и овладѣвалъ его удѣломъ: потомъ, побѣжденный имъ снова уступалъ ему его владѣніе, потомъ опять захватывалъ его: но въ удѣлѣ отъ этого ровно ничего не измѣнялось: перемѣнялись лица, а хоть и сущность ихъ оставалась та же, потому что ни одно новое лицо не приносило съ собой никакой новой идеи, никакого новаго принципа. Отсюда объясняется, почему народонаселеніе того или другого княжества, того или другого города, съ одинаковою ревностью билось и за стараго князя противъ новаго, и за новаго противъ стараго. Одному Богу извѣстно, чѣмъ бы кончилась эта усобица, если бы такъ кстати не поспѣли татары. Съ одной стороны, ихъ жестокое и поворотное, но побѣдное полчищество на православную сторону русскаго племени, а съ другой — было для него благодѣтельно потому, что чувствомъ общей опасности и общаго страданія связало разъединенныя русскія княжества, и способствовало развитію государственной централизаціи черезъ преобладаніе Московскаго княженія надъ всѣми другими. Единство болѣе внѣшнее, нежели внутреннее, но тѣмъ не менѣе все же оно спасло Россію! Іоаннъ III, котораго не безъ основанія нѣкоторые историки называютъ Великимъ, былъ творцомъ нынѣшняго [illegible] Московскаго царства, положивъ въ [illegible]

составляло абсолютную, столь благодетельную для абсолютной династии, основанной им новой династии Романовых. Иван III этого великого, повелительного, переворота совершился тихо и мирно, без всяких потрясений. Иоанн III обнаруживает в этом не только гениальную основательность, переходящую почти в отдаленность, перевес воли, силу характера: он постоянно стремится к цели, действует неослабно, но не борется, потому что не встречает никакого действительного и энергического сопротивления. Дело обошлось без борьбы, и таким образом одно из самых драматических событий древней русской истории совершилось без всякого драматизма. Драматизм, как вообще элемент жизни, заключается в столкновении и борьбе противоположных и враждебно направленных друг против друга идей, которые проявляются как страсть, как голос. Идея самодержавия отчины Московского царства, как идея Иоанна III торжествующая идея умиротворенной удельной системой, встретила в своем безусловно победоносном шествии не противников сильных и ожесточенных, но все готовых, а разве несколько беспечных и ленивых деревень. Роль удельных князей, потомков Рюрика скоро выродилась в простую боярщину, которая перестала быть покорна вражде с царем, но которая стоит между престолом и народом не как посредница, а как непроницаемая ограда, разделяющая царя с народом. Разрушение князей служит неоспоримым доказательством, что в древней России личность никогда и ничего не значила, но все значила роль, и торжество боярщины было торжеством целого рода бояр над родом Рюриковым. Таким образом, удельная борьба княжеских родов перешла в дворскую борьбу боярских родов. Но эта борьба не представляет никакого содержания для драматического поэта, потому что при Петре Московском один род торжествовал над другим, но мысли царской, но ни один из торжествующих родов не вносил ни в ум, ни в администрацию никаких новых начал, никакого нового принципа, никакого элемента. Ничто не изменяет всех сил своих

прежнихъ протопоповъ и ихъ ротницъ, постригать ихъ насильно въ монахи, сажать въ тюрьмы, разсылать по дальнимъ городамъ то въ почетную ссылку, то въ почетную опалу. И такимъ образомъ боролись и мѣнялись лица, а не идеи. Подобная борьба и подобныя смѣны могли много значить для боярскихъ родовъ, для дворской интриги и драмы, но для государства онѣ ровно ничего не значили: историческая же драма можетъ брать содержаніе только изъ государственной жизни. Царствованіе Грознаго, повидимому, больше всего представляетъ матеріаловъ для драмы, какъ зрѣлище внѣшней войны, объявленной абсолютнымъ боярскою драмою, но это только такъ можетъ казаться, и сила ли такъ было на самомъ дѣлѣ, ибо мы не видимъ, чтобъ Грозный чѣмъ нибудь думалъ замѣнить боярщину привязанностью. Словомъ, видно отчужденіе къ боярскимъ родамъ, но нѣтъ въ то же время никакого особеннаго вниманія къ народу: тутъ замѣтно отрицательное личное чувство, а не идея, не принципъ, не убѣжденіе. Стало быть, и тутъ нѣтъ ничего для драмы. Но вотъ является Годуновъ, и чѣмъ бы ни достигъ онъ престола: злодѣйствомъ ли, какъ въ томъ увѣренъ Карамзинъ, или только смѣлымъ и гибкимъ умомъ безъ преступленія, — во всякомъ случаѣ, онъ также не внесъ въ русскую жизнь никакого новаго элемента, и его возвышеніе, равно какъ и его паденіе ничего не значили для будущихъ судебъ русскаго народа: безъ Годунова все пошло бы такъ точно, какъ и съ Годуновымъ. У самозванца были разные политическіе замыслы, которые могли бы измѣнить ходъ нашей исторіи, но эти замыслы были не что иное, какъ чуждыя мечты человѣка рѣшительнаго, пылкаго, умнаго, но, что называется, безъ царя въ головѣ, а потому они и кончились такъ, какъ слѣдовало кончиться мечтамъ. Шуйскій хотѣлъ изъ боярщины образовать аристократію, но какъ это желаніе было и подлое по мысли, и трусости и низости, оно и кончилось бѣдой для Шуйскаго, и ровно ничѣмъ не кончилось для государства. Итакъ, вотъ среду три лица, которыя уже по обыкновенности употребляемыхъ ими способовъ для до-

от власти верховной власти, которые были бы внести в государственную жизнь новыя основания, и которыя ровно ничего не внесли в нее, и прошли в исторіи безъ слѣда, какъ будто бы ихъ и не было. Не такъ бывало въ государствахъ западной Европы, для описанія, напримѣръ, было великимъ событіемъ царствованіе Іоанна Безземельнаго, этого слабаго и нерѣшительнаго брата Ричарда Львинаго Сердца, овладѣвшаго властью въ отсутствіи героя, который гонялся въ Палестинѣ за безполезными славами. Во Франціи, напримѣръ, очень важно было рѣшеніе вопроса: кто будетъ управлять Людовикомъ VIII — его мать, Катерина Медичи, или Коронація Рішелье. Такихъ примѣровъ можно было бы найти множество, но для поясненія нашей мысли **довольно и этихъ двухъ.**

Итакъ, если въ „Борисѣ Годуновѣ" Пушкина почти нѣтъ никакого драматизма, это вина не поэта, а исторіи, въ которой онъ взялъ содержаніе для своей „лирической драмы". Можетъ быть, отъ этого онъ и ограничился только одной **попыткой въ этомъ родѣ.**

А между тѣмъ Борисъ Годуновъ можетъ быть больше, чѣмъ какое-нибудь другое лицо русской исторіи, годилося бы если не для драмы, то хоть для поэмы въ драматической формѣ, — для поэмы, въ которой такой поэтъ, какъ Пушкинъ, могъ бы развернуть всю силу своего таланта и избѣжать тѣхъ огромныхъ недостатковъ и въ историческомъ и въ эстетическомъ отношеніи, которыми наполнена драма Пушкина. Для этого поэту необходимо было нужно самостоятельно проникнуть въ тайну личности Годунова и поэтическимъ инстинктомъ разгадать тайну историческаго значенія, не увлекаясь никакимъ авторитетомъ, никакимъ вліяніемъ. Но Пушкинъ работалъ во всемъ послѣдовательно Карамзину, и весь его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, которого мучитъ совѣсть, и который въ своемъ злодѣйствѣ наноситъ себѣ вредъ. Мысль привлекательная и поэтическая, и уже по одной этой мысли Пушкинъ имѣлъ право дѣлать съ нею **что хотѣлъ!..**

Отдавая полную справедливость огромнымъ заслугамъ Карамзина, въ то же время можно и даже должно безпристрастными глазами видѣть міру, объемъ и границы его заслугъ. Человѣкъ многосторонне-даровитый, Карамзинъ писалъ стихи, повѣсти, былъ преобразователемъ русскаго языка, публицистомъ, журналистомъ, можно сказать, создалъ и образовалъ русскую публику, и, слѣдовательно, упрочилъ возможность существованія и развитія русской литературы, наконецъ, далъ Россіи ея исторію, которая далеко оставила за собою всѣ прежнія попытки въ этомъ родѣ, и безъ которой, можетъ быть, еще и теперь знаніе русской исторіи было бы возможно только для ученыхъ трудженниковъ науки, но не для публики. И во всемъ этомъ Карамзинъ обнаружилъ много таланта, но не геніальности, и потому все сдѣланное имъ весьма важно, какъ факты исторіи русской литературы и образованія русскаго общества, но совершенно лишено безусловнаго достоинства. Важнѣйшій его трудъ, безъ сомнѣнія, есть „Исторія Государства Россійскаго", которая читается и перечитывается до сихъ поръ, когда уже всѣ другія его сочиненія пользуются только почетной памятью, какъ произведенія, имѣвшія большую цѣну въ свое время. И дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока русская исторія не будетъ изложена совершенно съ другой точки зрѣнія и съ тѣмъ умѣньемъ, которое дается только талантомъ, — до тѣхъ поръ „Исторія" Карамзина повѣсть будетъ единственной въ своемъ родѣ. Но уже и теперь ея недостатки видны для всѣхъ, можетъ быть, еще больше, нежели ея достоинства. Въ недостаткахъ фактически нельзя винить Карамзина, приступившаго къ своему великому труду въ такое время, когда историческая критика въ Россіи еще начиналась, и Карамзинъ долженъ былъ, пиша исторію, еще заниматься исторической разработкой матеріаловъ. Гораздо важнѣе недостатки его исторіи, происшедшіе изъ его способа смотрѣть на вещи. Сначала его исторія писалась въ родѣ тѣхъ, которыя писались высокопарной прозой и были въ большомъ ходу въ концѣ прошлаго вѣка. Потомъ мелодрама входитъ въ ихъ жизнь: древняя Русь, онъ, можетъ

Сам [illegible] из самого себя, увлекаясь своим гру[illegible], увлекся и духом древне-русской жизни. Съ Іоанна III Московское царство, въ глазахъ Карамзина, становится высшимъ и цѣлымъ государствомъ, — вмѣсто исторіи до-Петровской Россіи, онъ пишетъ ея діанетрикъ. Все въ ней кажется ему безусловно великимъ, прекраснымъ, мудрымъ и образцовымъ. Къ этому присоединяется еще мелодраматическій взглядъ на характеры историческихъ лицъ. У Карамзина нѣтъ ничего средняго: у него всѣ люди, а есть только или герои добродѣтели, или злодѣи. Этотъ мелодраматизмъ простирается до того, что одно и то же лицо у него сперва является свѣтлымъ ангеломъ, а потомъ чернымъ демономъ. Такова Грозный: онъ, какъ младенецъ, плачетъ, слушая Сильвестра и Адашева, онъ, самъ добродѣтель, самъ мудрость, не умираетъ царица Анастасія, и Грозный вдругъ дѣлается бичомъ своего народа, безумнымъ злодѣемъ. Исторія перескакиваетъ весь ужасъ, слѣдовавшій Грозному, и возвышаетъ на него голосъ, которымъ онъ и не смѣлъ, заставляя его убивать два раза въ различныя эпохи одинъ и тѣхъ же людей. Жертва Грознаго часто говоритъ ему передъ смертью эффектныя рѣчи, какъ будто бы передъ ними не Тиранъ Либія. Такого же мелодраматическаго злодѣя сдѣлалъ Карамзинъ и изъ Бориса Годунова. Подозрѣвая убіеніе, которое больше всего вредитъ исторіи, онъ объ убіеніи царевича Димитрія говоритъ утвердительно, какъ о дѣлѣ Годунова, какъ будто бы въ этомъ уже невозможно никакое сомнѣніе. Юность Годунова, прекрасная лицомъ, свѣтлый умомъ, блестящій краснорѣчіемъ, взятъ палача Малюты Скуратова, и въ рядахъ опричины умѣетъ остаться чистымъ отъ разврата, злодѣйства и крови. Черта характера необыкновеннаго! Но въ немъ еще не видно строгой и глубокой добродѣтели: по крайней мѣрѣ, послѣдующая жизнь Годунова не подтверждаетъ этого. Будучи царемъ, онъ не только сдерживалъ порывы своей подозрительности, и скоро сдѣлался мучителемъ и тираномъ. Вообще, если онъ дѣлъ Грознымъ не запятналъ себя кровью, — въ немъ видно больше ловкости, умѣнья и

разсчета, нежели добродѣтели. Годуновъ былъ необыкновенно умент, и потому не могъ не глумиться злодѣйствомъ, совершеннымъ безъ нужды и безъ причины. Впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, чтобъ Годуновъ былъ лицемѣрный злодѣй: нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что можно въ одно и то же время не быть ни злодѣемъ ни героемъ добродѣтели, и не любить злодѣйства въ одно и то же время по чувству и по разсчету. Карамзинскій Годуновъ—лицо совершенно двойственное, подобно Гремину: онъ и мудрь и ограниченъ, и злодѣй и добродѣтельный человѣкъ, и ангелъ и демонъ. Онъ убиваетъ законнаго наслѣдника престола, сына своего перваго благодѣтеля и брата своего втораго благодѣтеля, мудро правитъ государствомъ и, принимая корону, клянется, что въ его царствѣ не будетъ нищихъ и убогихъ, и что послѣдней рубашкой будетъ онъ дѣлиться съ народомъ. И честно держитъ онъ свое обѣщаніе: онъ дѣлаетъ для народа все, что только было въ его средствахъ и силахъ сдѣлать. А между тѣмъ народъ хочетъ любить его — и не можетъ любить! Онъ приписываетъ ему убіеніе царевича, онъ видитъ въ немъ умышленнаго виновника всѣхъ бѣдствій, обрушившихся надъ Россіею; взводитъ на него обвиненія самыя нелѣпыя и безсмысленныя, какъ, напримѣръ, смерть дальняго царевича, нареченнаго зятя его милой дочери. Годуновъ все это видитъ и знаетъ.

Пушкинъ безподобно передалъ жалобы Карамзинскаго Годунова на народъ:

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,—
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ:
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы,—
Они-жъ меня бѣснуясь проклинали!

Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища,—
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ, ищи-жъ ея любви!

Но говоритъ царь, который справедливо жалуется на свою судьбу и народъ свой. Теперь послушаемъ голоса, если не народа, то цѣлаго сословія, которое тоже, кажется, не безъ основанія, жалуется на своего царя:

. . . . . онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть иль пытка.
. . . . . .
Вѣдь—Юрьевъ день задумалъ уничтожить,
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! Радъ не радъ,
Корми его. Не смѣй переманить
Работника! Не то—въ приказъ холопій.
Ну, слыхано-ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Въ чемъ же заключается источникъ этого противорѣчія въ характерѣ и поступкахъ Годунова? Чѣмъ объясняетъ его нашъ историкъ и вѣтъ за нимъ нашъ поэтъ? Мученіями нечистой совѣсти! Вотъ что заставляетъ говорить Годунова поэтъ, рабски вѣрный историку:

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть.
Такъ, здравая, она торжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,

Тогда бѣда: какъ язвой моровой,
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста...

Какая жалкая мелодрама! Какой мелкій и ограниченный взглядъ на натуру человѣка! Какая бѣдная мысль заставить злодѣя читать самому себѣ мораль, вмѣсто того чтобъ заставить его всѣми мѣрами оправдывать свое злодѣйство въ собственныхъ глазахъ! На этотъ разъ историкъ сыграетъ съ поэтомъ плохую шутку... И вольно же было поэту надѣться «хомъ историка, забывъ, что ихъ раздѣляетъ другъ отъ друга цѣлый вѣкъ!.. Оттого то и въ философскомъ отношеніи онъ взялъ на Годунова сильно напоминаетъ собой добродушную наивность Сумароковскаго „Димитрія Самозванца“...

Прежде всего замѣтимъ, что Карамзинъ сдѣлалъ великую ошибку, позволивъ себѣ до того увлечься голосомъ современниковъ Годунова, что въ убіеніи царевича увидѣть неопровержимо и несомнѣнно доказанное участіе Бориса... Изъ нашихъ словъ, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ мы прямо и рѣшительно оправдывали Годунова отъ всякаго участія въ этомъ преступленіи. Нѣтъ, мы въ криминально историческомъ процессѣ Годунова видимъ совершенную недостаточность доказательствъ за и противъ Годунова. Судъ исторіи долженъ быть осторожнѣе и безпристрастнѣе, какъ судъ присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ. Грѣшно и стыдно утверждать недоказанное преступленіе за такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Борисъ Годуновъ. Смерть царевича Димитрія—тайна темное и неразрѣшимое для потомства. Не утверждаемъ за достовѣрное, но думаемъ, что съ большею основательностью можно считать Годунова невиннымъ въ преступленіи, нежели виновнымъ. Одно уже сильно говоритъ въ пользу этого мнѣнія, что Годуновъ, человѣкъ умный и хитрый, администраторъ искусный и давно ломавшій голову,—зналъ бы совершить свое преступле-

ніе ...ль с легкою, легкою, нашею, какъ свойственно было бы совершить его какому-нибудь удалому проходимцу, въ родѣ Димитрія Самозванца, которой увлекался только минутными желаніями своихъ страстей, и хотѣлъ пользоваться настоящимъ, не думая о будущемъ. Годуновъ имѣлъ всѣ средства совершить свое преступленіе тайно, ловко, не навлекая на себя явныхъ подозрѣній. Онъ могъ воспитать царевича, чтобъ сдѣлать его неспособнымъ къ правленію и удовлетворить по монашеской расѣ могъ гораздо искуснѣе оспаривать законность его права на наслѣдство, какъ какъ царевичъ былъ плодомъ седьмого брака Іоанна Грознаго. Самое вѣроятное предположеніе объ этомъ темномъ событіи нашей исторіи только, кажется, состоитъ въ томъ, что нашлись люди, которые слишкомъ хорошо поняли, какъ важна была для Годунова смерть младенца, открывавшаго ему доступъ къ престолу, и которые, не сговариваясь съ нимъ и не открывая ему своего умысла, думали оказать ему страшнымъ преступленіемъ обязать ему вѣрную и тайно оплаченную услугу. Это напоминаетъ намъ сцену изъ „Антонія и Клеопатры" Шекспира, на дядю Помпея борьба, гдѣ Меласъ, сторонникъ Помпея, выдаваясь объявить его властелиномъ всего міра, даетъ ему возможность овладѣть тремя triumvirами у него совершенно: Цезаремъ, Антоніемъ и Ленидомъ сразить. II, сцена 7). И если услужливые Годуновы были догадливые и умнѣе Мелаза, то нельзя не видѣть, что они оказали Годунову очень дурную услугу не въ одномъ нравственномъ отношеніи. Дѣйствуя Годуновъ внутренно, въ тайнѣ, сознавъ быть ихъ услугой, нельзя не согласиться, что на этотъ разъ они были очень близорукіе и недальновидные. Радуясь этому преступленію, значило ли его радоваться тому, что у его враговъ было, наконецъ, страшное противъ него оружіе, которымъ они при случаѣ хорошо могли воспользоваться. Нѣтъ, еще разъ: скорѣе можно предположить, былъ ли страшно подобное предположеніе, что царевичъ погибъ отъ руки враговъ Годунова, которые, сваливъ на него это преступленіе, какъ только имъ было одно выгодное, могли разсчитывать и

вѣрную его погибель. Какъ бы то ни было, вѣрно одно: ни исторія „Государства Россійскаго“ ни рѣзкій отзывъ объ этомъ твореніи автора „Бориса Годунова“ не имѣли ни малѣйшаго права считать преступленіе Годунова доказаннымъ и неподверженнымъ сомнѣнію.

Но скажутъ намъ—убѣжденіе Карамзина оправдывается единодушнымъ голосомъ современниковъ Годунова, убѣжденіемъ всего народа въ его время: а вѣдь гласъ Божій гласъ народа! Такъ по-видимому главный фактъ есть убѣжденіе тогдашняго народа въ преступленіи Годунова, а готовность, расположеніе народа къ этому убѣжденію, — расположеніе, причина котораго заключалась въ нелюбви, даже въ ненависти народа къ Годунову. За что же эта ненависть къ человѣку, которымъ такъ любилъ народъ, столько сдѣлалъ для него, и котораго самъ народъ сначала такъ любилъ, повидимому? Въ томъ-то и дѣло, что тутъ съ обѣихъ сторонъ была лишь „любовь повидимому“ — и въ этомъ заключается трагическая сторона личности Годунова и судьбы его. Если бы Пушкинъ видѣлъ эту сторону, — тогда, вмѣсто характера въ половину мелодраматическаго, у него вышелъ бы характеръ простой, естественный, понятный и вмѣстѣ съ тѣмъ трагически-высокій. Правда, и тогда у Пушкина не было бы драмы въ строгомъ значеніи этого слова: но она была бы превосходная драматическая поэма или лирическая трагедія.

Итакъ, разгадать историческое значеніе и историческую судьбу Годунова — значитъ объяснить причину: почему Годуновъ, повидимому, столь любившій народъ и столь многое для него сдѣлавшій, не былъ любимъ народомъ? Попытаемся объяснить этотъ вопросъ такъ, какъ мы его понимаемъ.

Карамзинъ и Пушкинъ видятъ въ этой, повидимому, незаслуженной ненависти народа къ Годунову кару за его преступленіе. Слабость и нерѣшительность мѣръ, принятыхъ Годуновымъ противъ Самозванца, они приписываютъ смущенію виновной совѣсти. Это взглядъ чисто-мелодраматическій и въ историческомъ и въ поэтическомъ отношеніи, особенно въ примѣненіи къ такому необыкновенному человѣку, какъ

быль Борисъ! Въ поэмѣ Пушкина самъ Годуновъ объясняетъ причину народной къ себѣ ненависти такъ:

Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.

Это опредѣленіе — не голосъ летописи, а голосъ оскорбленнаго самолюбія, не творца рѣчь великаго человѣка, а плаксивая жалоба неудовлетвореннаго честолюбца въ тѣни, развѣ воображеннаго неудачей. Нѣтъ, народъ никогда не обманывается въ своей симпатіи и антипатіи къ живой власти: его любовь или его нелюбовь къ ней — вѣчный судъ! Гласъ Божій — глас народа!

Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ, есть самолюбіе, самая сильная, самая свирѣпая — властолюбіе. Можно первое сказать, что ни одна страсть не стоила человѣческому сердцу столько страданій и крови, какъ властолюбіе. Во время просвѣщенныя и у народовъ цивилизованныхъ властолюбіе является всегда въ соединеніи съ честолюбіемъ, такъ что иногда трудно рѣшить, которая изъ этихъ страстей господствующая въ человѣкѣ, и властолюбіе кажется только результатомъ честолюбія. Во время варварства у народовъ необразованныхъ властолюбіе имѣетъ другое значеніе, потому что соединяется не только съ честолюбіемъ, но еще съ чувствомъ самосохраненія: тотъ, не будучи первымъ, такъ легко погибнуть ни за что, тотъ всякому вліять хочетъ быть первымъ, чтобъ никого не бояться, но всѣхъ страшить. Но такъ какъ такому изъ всѣхъ и многихъ невозможно быть первымъ, то право перваго естественнымъ ходомъ исторіи всегда утверждалось поочередно въ одномъ родѣ, на основаніи права въ прошедшемъ или настоящемъ. Время освятило и утвердило это право за немногими родами. Это отняло у всѣхъ и у многихъ всякую возможность губить другъ друга и цѣлыми народами призывало на верховное первенство. Передъ правомъ избраннаго Провидѣніемъ рода умолкла зависть, смирилось властолюбіе: родъ призванный вѣковымъ судомъ всѣми по праву

сильнѣе, и равные между собой охотно повинуются высшему передъ всѣми ими. Но когда царствующій родъ прекращается послѣ наслѣдственнаго владычества впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и когда право высшей власти захватываетъ человѣкъ, вчера бывшій равнымъ со всѣми передъ верховной властью, а сегодня торжествующій начать собой новую династію, тогда естественно развязывается у всѣхъ страсть властолюбія. Каждый думаетъ: если *онъ* могъ быть избранъ, почему же *я* не могъ? Чѣмъ *онъ* лучше меня, и почему не *я* лучше его? Но счастливый властолюбецъ силою и хитростью заставляетъ молчать всѣхъ и всѣ страсти умолкаютъ, но до времени, до случая...

Естественно, у того нѣтъ въ отношеніи пріобрѣтенія верховной власти освященнаго вѣками права законнаго наслѣдія, тому, чтобъ заставить въ себѣ видѣть не похитителя власти, а властелина по правуу, остается опереться только на право личнаго превосходства надъ всѣми, на право генія. Только на условіи этого права толпа согласится безусловно признать владычество человѣка, который въ гражданскомъ отношеніи еще вчера стоялъ наравнѣ съ нею. Было ли за Годуновымъ это право? Нѣтъ! И вотъ гдѣ разгадка его историческаго значенія и его исторической судьбы: онъ хотѣлъ играть роль генія, не будучи геніемъ, и палъ трагически и увлекъ за собою паденіе своего рода...

Такой человѣкъ есть лицо трагическое: такая участь есть законное состояніе трагедіи. И что бы могъ сказать Пушкинъ изъ своей поэмы, если бъ взглянулъ на нашего Бориса Годунова съ этой точки! Въ какой бы сферѣ человѣческой дѣятельности ни проявился геній, онъ всегда есть олицетвореніе творческой силы духа, вѣстникъ обновленія жизни. Его назначеніе — ввести въ жизнь новые элементы и чрезъ это двинуть ее впередъ на высшую ступень. Эпоха генія — эпоха въ жизни народа. Геній уже нѣтъ, а передъ нимъ еще живетъ въ формахъ жизни, имъ созданныхъ, духъ его. Таковъ Московское царство, воплощенное [illegible] при Іоаннѣ Іоаннѣ и [illegible]

геніемъ Іоанна III, дѣло Петра Великаго. Тотъ не геній въ исторіи, чье твореніе умираетъ вмѣстѣ съ нимъ: геній по духу исторіи пребываетъ глубоко въ силу своего существованія долго послѣ своей смерти.

Борисъ Годуновъ былъ человѣкъ необыкновенно умный и способный. Царедворецъ жестокаго царя, онъ умѣлъ понравиться ему въ милости, не замаравъ себя ни каплею крови или инымъ безчестнымъ поступкомъ. Но этого ума не объясняетъ отчасти ловко развитанной ленивой на доверіе натуры Малюты Скуратова. Въ этомъ чертѣ высказывается только царедворецъ, но геній еще не видно. Вездѣ, даже самый ограниченный, но хитрый человѣкъ сумѣлъ бы разсчесть выгоды такого брака въ царствованіе Грознаго не геній, можетъ быть, и не рѣшился бы на такой разсчетъ, но въ себѣ скромные замыслы на будущее: дѣло взять племя Малюты Скуратова было ненавистно тому времени, въ которое впервые явился Годуновъ. Повторяемъ: разсчетъ ловокъ, хитеръ, но не геніяленъ: въ немъ видно приготовленіе попріятель, а не будущій великій государь. Годуновъ бываетъ вмѣстѣ съ царемъ въ банѣ, а по смерти Грознаго членомъ верховной думы, и Грозный ему въ особенности, мимо старшихъ бояръ, вручаетъ блюсти царство. Никакія думы не предсказываютъ этому новому Макбету его будущаго величія: но его голова было отъ чего закружиться и безъ предсказаній! Это фантастическое счастье онъ могъ принять за лучшее изъ всѣхъ предсказаній! Онъ уничтожилъ верховную думу и официально былъ названъ правителемъ государства только тогда, когда онъ могъ повелѣвать волею въ царскомъ думѣ, но рѣшать безъ него самовластно, принимать и отсылать, сообразуясь съ нимъ и давать ихъ силу исполненію своею рукою. На тронѣ сидѣлъ царь по имени, мертвецъ и мертвецъ въ существѣ, которому вручилъ своему родственнику и любимцу всю власть свою, „побѣдивъ мірскія сѣти и соблазны". Чего не доставало Годунову? только престола. И онъ достигъ его.

Какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ, Годуновъ обнаружилъ много ума и много способности, но никакого генія. Въ томъ и

другомъ случаѣ это былъ не больше, какъ умный и способный министръ.—Но не Сюлли, не Кольберъ, которые умѣли открыть новые источники Государственной силы тамъ, гдѣ никто не подозрѣвалъ ихъ: нѣтъ, это былъ министръ, который съ успѣхомъ велъ государство по старой, уже проложенной колеи, на основаніи сохраненія statu quo. Насильственная смерть царевича, —кто бы ни былъ ея причиной, уже брошена на него тѣнь подозрѣнія въ глазахъ народа, и это подозрѣніе всѣми силами возбуждали и поддерживали враги его — бояре, которые естественно никакъ не могли простить ему присвоеніе того, на что каждый изъ нихъ считалъ себя точно въ такомъ же, какъ и онъ, правѣ. Какъ правитель, Годуновъ не могъ вносить новыхъ элементовъ въ жизнь государства, которымъ управлялъ не онъ своего имени. Подобная попытка могла бы развернуть всѣ его планы и погубить его. Но когда онъ сдѣлался царемъ, тогда онъ непремѣнно долженъ былъ явиться реформаторомъ-преобразователемъ, чтобъ заставить и народъ и враговъ своихъ бояръ забыть, что еще недавно былъ онъ такимъ же, какъ и они, подданнымъ. Но что же онъ сдѣлалъ для Россіи, сдѣлавшись ея царемъ? —и какимъ царемъ—самовластнымъ, воля котораго для народа была воля Божья! Чего бы нельзя было сдѣлать съ такою властью, подкрѣпляемой геніемъ! Но и сдѣлавшись царемъ, Годуновъ остался тѣмъ же умнымъ и ловкимъ правителемъ, какимъ былъ и при Өедорѣ. Надъ окружающими его боярами онъ имѣлъ личныхъ преимуществъ не больше, какъ настолько, чтобъ оскорбить своимъ превосходствомъ ихъ самолюбіе, ихъ ограниченность и посредственность, но не настолько, чтобъ покорить ихъ этимъ превосходствомъ, заставить ихъ пасть передъ нимъ, какъ передъ существомъ высшаго рода. Онъ ловко разыгралъ комедію, по счастливому выраженію Пушкина, „морщившись передъ короной, выпивъ передъ чаркой яда“; онъ заставилъ себя просить, а не самъ явился себя царемъ; онъ долго обнаруживалъ какое-то удаленіе мысли о верховной власти, и наконецъ умолилъ. Но эта комедія была черезчуръ [illegible]

ОБЛАСТНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ

граль, и въ немъ проглядываетъ не образъ великаго человѣка, который всегда прямо идетъ къ своей цѣли, также и тогда, когда идетъ къ ней не прямой дорогой, а образъ „маленькаго великаго человѣка", смѣлаго интригана. Это сейчасъ же и обнаружилось, какъ скоро избраніе было рѣшено, и избраніе осталось уже только обрядомъ, который не опасно было и отложить на время. Когда Сигизмундъ былъ избранъ большинствомъ, онъ вдругъ выпрямился и, противъ обыкновенія, самъ запѣлъ „Te Deum": въ этой поспѣшности видѣнъ великій человѣкъ, достигшій своей цѣли и принимающій власть не какъ низкій холопъ, съ низкими поклонами, но съ увѣренностью и гордостью силы, созвавшей свое право на власть. Сигизмундъ не началъ разсыпаться въ обѣщаніяхъ: будетъ такова-то и такова, сдѣлаю то и другое и сейчасъ началъ быть и дѣлать, никому не угождая, ни къ кому не подлаживаясь, и заставляя трепетать тѣхъ, которые никого не трепетали и которыхъ всѣ трепетали. Не такъ поступилъ Годуновъ. При вѣнчаніи на царство онъ хвалится быть отцомъ народа, показываетъ свою рубашку, говоря, что всегда будетъ готовъ раздѣлить ее съ послѣднимъ своимъ подданнымъ. Кто просилъ, кто требовалъ отъ него этихъ обѣщаній и клятвъ? И что значатъ они, что внято въ нихъ, если не чрезмѣрная радость о достиженіи давно желанной цѣли, если не благодарность, рождающая свои радости. Благодарность за бывшее бремя всѣхъ сихъ, за великое имѣло не по достоинству, за высшую власть не по заслугѣ! Не такъ принимаетъ подобную власть геній, великій человѣкъ: онъ беретъ ее какъ что-то свое, давно должное ему по праву, никому не кланяясь, никого не благодаря, никому не давая обѣщаній, не давая отдыха въ порывѣ бурно сдержаннаго восторга. Великій поэтъ Годуновъ въ русской исторіи своей повторилъ зрѣлище обыкновенія и клятвъ при вѣнчаніи. Шуйскій въ благородствѣ, а Годуновъ, которой онъ осмѣлился себя внутренно недостойнымъ, предъ тѣмъ обнулилъ права, которыхъ онъ отъ него не просилъ и отдать не хотѣлъ. Но вотъ Годуновъ—царь. Онъ хочетъ царству быть отцомъ милости на всѣхъ

ньется рѣзко... Первый изъ русскихъ царей обратилъ онъ свое непосредственное, прямое, а не черезъ бояръ, вниманіе на массу народа, на его нужды и, слѣдовательно, самый обширный слой... Это была какая-то дѣтская, роковая забывчивость, въ которой былъ виновенъ больше отецъ, нежели царь. Народъ долженъ былъ боготворить Годунова, и Годуновъ долженъ былъ самымъ нарочнымъ изъ всѣхъ бывшихъ до него царей русскихъ. Въ такомъ случаѣ, что ему тайная злоба и явная, темная крамола боярщины! Онъ могъ спокойно пренебречь ее: на сторонѣ его стояла лучшая и надежнѣйшая изъ всѣхъ иностранныхъ и чужихъ возможныхъ гвардій — любовь народная. И въ самомъ дѣлѣ, народъ славитъ царя благодушнаго, ласковаго, правосуднаго, милостиваго, доступнаго... Народъ даже старается, сильнѣе полюбить Годунова — и никакъ не можетъ... Если у него и была на минуту любовь къ Годунову, то въ головѣ только, а не въ сердцѣ: умъ и воображеніе народа увлекались Годуновымъ, а сердце молчало, упрямясь согласиться съ умомъ и воображеніемъ... Но вотъ и прошла минута этой надумашной, такъ сказать, головной любви: Борисъ удвоилъ свои благодѣянія народу, а народъ, принимая ихъ, клянетъ Бориса... Еще прежде его царствованія, когда онъ былъ только правителемъ, умъ умнаго царевича началъ его преслѣдовать: Борисъ былъ счастливымъ опорой пагубному нашествію на Россію крымскаго хана, проникшаго до стѣнъ самой Москвы, и народъ говоритъ, что самъ Борисъ призвалъ хана, чтобы отвратить общее вниманіе отъ смерти царевича и дешевой цѣной прославиться избавителемъ отечества... Царица родила дочь: заговорили, что она родила сына, а Борисъ подмѣнилъ его дѣвочкою: а когда маленькая царевна умерла, прошелъ слухъ, что Годуновъ отравилъ ее, боясь, чтобы Федоръ не перешелъ объ престола... Въ Москвѣ начались пожары: Борисъ казнитъ зажигателей и помогаетъ погорѣвшимъ; а народъ обвиняетъ его самого въ зажигательствѣ и клянетъ его невинныхъ, какъ и невинныхъ жертвъ... Годуновъ старается пресѣчь распускателей этихъ слуховъ и глашатаевъ

народа хуже того не могъ онъ выдумать. Это значитъ согласиться въ справедливости слуховъ. Ясно, что слухи эти распускалъ боярство народъ любитъ ихъ злымъ духомъ...

Но боязнь вызвала на народъ остервенение народа. И Борисъ и самъ народъ пришли къ убѣжденію о любви. Комедія прекратилась только одинъ годъ. Борисъ не вынесъ своей роли и сорвалъ съ себя маску, не имѣя силы только быть самимъ собою. Интрига становится страстью и дѣломъ всей жизни. Гроза надъ Москвою. Самозванецъ Отрепьевъ, его прежнія, поздніе враги его. Семенъ Годуновъ, Басмановъ, Шаховской, Рубецъ, Пушкинъ, Голицынъ, Мосальскій, Шуйскій, Татищевъ, Плещеевъ, Сабуровъ, Салтыковъ, Романовъ, Черкасскій, Шереметевъ, Сицкій, Хворостининъ, Трубецкой, Ляпуновъ, Ростовскій, Ѳедоръ Годуновъ, Ксенія, Марина, Вишневецкій, Мнишекъ, Рожинскій, Сапѣга, Лисовскій, Заруцкій, Наливайко, Хмѣльницкій, Ивашка Хлопко, Гермогенъ, Филаретъ, Шаховской

себя: это можетъ быть. Но также можетъ быть, что онъ умеръ спокойною отъ страшнаго напряженія силъ, вслѣдствіе внутреннихъ волненій. Въ обоихъ случаяхъ онъ умеръ мало-душно. Первое извѣстіе о Самозванцѣ Годуновъ принялъ даже очень хорошо: его можетъ служить доказательствомъ не одному тому, что онъ былъ увѣренъ въ смерти царевича, но и тому, что онъ былъ невиненъ въ ней; въ то же время это служитъ доказательствомъ, какъ мало былъ онъ дальновиденъ, какъ худо понималъ свое положеніе. Онъ бы долженъ знать, что для царевича самый ужасный врагъ — его возрастъ, что онъ убійцею царевича или нѣтъ: въ первомъ случаѣ она была его неизбѣжной карой за преступленіе; во второмъ — она была превосходнымъ предлогомъ для народной ненависти. Бояре могли знать невинность Годунова: но если народъ не любилъ его, этого было уже слишкомъ достаточно, чтобъ для народа преступленіе его было ясенъ день. Пока царевичъ жилъ въ Угличѣ съ матерью, — на него никто не обращалъ вниманія: онъ былъ плодомъ седьмого брака Грознаго, и личный характеръ его матери не возбуждалъ ни участія ни удивленія. Грозный хотѣлъ ее отослать отъ себя и жениться въ восьмой разъ, но смерть помѣшала ему выполнить это намѣреніе. Когда же царевичъ былъ убитъ, и народная ненависть забушевала, — мальчикъ, святой мученикъ, сдѣлался предметомъ народнаго благоговѣнія...

На всѣхъ дѣятеляхъ Бориса, даже самыхъ лучшихъ, лежитъ печать отверженія. Всѣ дѣла его неудачны, не благословляемы, потому что всѣ они выходили изъ ложныхъ источниковъ. Любовь его къ народу была не чувствомъ, а разсчетомъ, и потому въ ней есть что-то двусмысленное, лживое, утилитическое, и потому народъ не обманулся его, и отвѣтилъ на нее ненавистью. Умнѣйшее существо — народъ! Почти всегда невѣжественный, грубый, ограниченный, слѣпой, онъ непогрѣшительно правъ въ своихъ инстинктахъ: если онъ иногда обманывается съ одной стороны, то на одну минуту — не болѣе, и кто не любитъ его по внутреннему, личному, сердечному потребности любить его,

тот может осыпать его деньгами, умирать за него, — он будет ими превозносим и восхваляем, но любим никогда не будет. Если же кто любит его не по расчету, а по внутренней внушительной потребности любить, тот может идти вопреки всьмъ его желаниям, — и за что народ будет его осуждать, будет на него роптать, и в то же время будет любить его. Так Борис Годунов служил живым доказательством первой истины, так Петр Великий служит живым доказательством второй. Оба задумали страшную реформу, попрать патриархизм, предания, историю, обычаем, привычкам народа, — и не только умнейшие из людей его времени имели полное право смотреть на его реформу, как на самую нелепую и пустую игрою ума фантазию, но вероятно и у него самого бывали горькие минуты сомнения и разочарования, когда и сам он думал то же. Реформы его встретили сильную оппозицию — не со стороны только мятежных стрельцов и невежественных раскольников, эта оппозиция была слишком безопасна перед его могучим гением, — гением, наступавшим самовластно — гением насильственным и правым вместе. Но и со стороны всего народа, которого в темных недрах души и невежества сознание еще не пробудилось, — гений должен был действовать насильственно и самовластно. Народ, повинуясь ему безусловно, осуждал его действия и роптал на него, но вместе с тем и любил его по готовности отдать за него последнюю каплю своей крови. Между тем Петр никогда не давал ему обещаний, не писал хартий, но шел прямо и прямо, требуя повиновения, и не умолял о нем, но взял. Все обещанное народу Годуновым он исполнил на деле, и еще гораздо лучше, потому-что действовал в этом случае не по расчету, а по влечению сердца. Только гений может сделать дело, которое, по всьмъ расчетам и по-видимому, не может не оказаться безумием, он доводит его до конца, торжествуя над всьми предрассудками. В чем состоит тайна этого успеха? в творческой силе, присущей организму гения, как инстинкт, более ни в чем. Гений часто действует инстинктивно,

безумно, и всегда успѣваетъ. Между тѣмъ какъ талантъ размышляетъ вѣрно, соображаетъ тонко, дѣйствуетъ мудро, — всѣ это видятъ и всѣ одобряютъ его цѣль и средства, никто не сомнѣвается въ успѣхѣ, — а между тѣмъ, глядь, — вся эта мудрость сама собою обратилась въ безумие, и великолѣпное зданіе, построенное такимъ трудомъ, опутанное каторжнымъ горбомъ: тянуть вѣтеръ — и пѣть его... Вотъ талантъ, который берется за роль генія!..

Борисъ Годуновъ не былъ человѣкомъ нечистымъ и даже обыкновеннымъ, напротивъ, это былъ человѣкъ ума великаго, который цѣлой головой стоялъ выше своего вѣка. Борисъ былъ даже выше многихъ преданій своего времени: первый изъ царей русскихъ рѣшился онъ выдать дочь за иностранца и иновѣрца принца; говорятъ, хотѣлъ и сына женить на иностранной принцессѣ: это вовлекло бы Россію въ болѣе живыя и плодотворныя отношенія съ Европою, нежели въ какихъ она была съ нея до того времени, и потому имѣло бы огромное вліяніе на ея будущую судьбу. Борисъ уважалъ просвѣщеніе, старался, сколько было въ его средствахъ, воспитывать дѣтей своихъ, особенно сына: хотѣлъ основать въ Москвѣ университетъ и послать въ Европу за ученными людьми. Уже одно то, что онъ понялъ необходимость опереться преимущественно на любовь народа, и показываетъ, какъ умѣлъ былъ этотъ несчастный любимецъ счастья. Но всѣ предпріятія его не состоялись, именно потому (а не почему-нибудь другому), что у него былъ только умъ и проницость, но не было геніальности, — тогда какъ судьба поставила его въ такое положеніе, что геніальность была ему необходима. Будь онъ владѣтельный, настоящій царь, — онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ: тогда ему не было бы никакой нужды быть реформаторомъ, и оставалось бы только хранить status quo, улучшая, но не измѣняя его, — а для этого и безъ геніальности достало бы у него ума и способности — и онъ много сдѣлалъ бы полезнаго для Россіи. Но онъ былъ выскочка (parvenu), и потому долженъ былъ быть геніемъ или пасть — и палъ. Вся Русь по старой

власть, онъ самъ не могъ не спотыкаться на той власти, потому что старая Русь не могла простить ему того, что былъ онъ его боярином прежде, чѣмъ увѣнчался царемъ всея Руси. Чтобъ утвердиться самому на престолѣ и упрочить его за своимъ потомствомъ, ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести въ ея жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Онъ былъ только умнѣе своего времени, но не выше его. Въ немъ самомъ жила старая Русь, боязливость его тирановъ и боярскаго. А между тѣмъ онъ чувствовалъ, что по его положенію ему необходимо быть преобразователемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ не геніальный, зналъ, что для этого достаточно прибавить нѣсколько новаго. И вотъ онъ учреждаетъ въ Москвѣ патріаршій престолъ и ставитъ на него не лучшаго, а преданнѣйшаго изъ духовныхъ лицъ, который и коронуетъ его впослѣдствіи. Это новозведеніе было совершенно въ духѣ того времени, — новое доказательство, что Годуновъ не былъ выше своего времени и ничего не вводилъ за нимъ. Другое новозведеніе было еще болѣе въ современномъ ему духѣ, и по тому самому было вредно для Россіи того вѣка и для всей Россіи, и собственно для самого Годунова: мы говоримъ о томъ законѣ Годунова, которымъ увѣковѣченъ русскій пословицею: „Богъ тебѣ судья, борись день!" Этимъ новозведеніемъ Годуновъ развязывалъ обѣ стороны, которыхъ одна боялась, — и помѣщикъ и крестьянинъ. Первые надѣялись, что они не могутъ теперь выгнать изъ своего помѣстья лѣниваго или развратнаго холопа и обязаны кормить его за то, что онъ ничего не даетъ, а послѣдніе, что они могутъ и имѣютъ. Впрочемъ говоря языкомъ римскаго права, изъ personae сдѣлались res. Замѣтимъ, что Годуновъ у насъ не былъ крѣпостного состоянія, и въ этомъ отношеніи не мы у Европы, а Европа у насъ могла бы съ большимъ для себя успѣхомъ позаимствоваться. Вмѣсто крѣпостного права у насъ было только помѣстное право — право владѣть землею и обрабатывать ее руками пролетаріевъ на особенныхъ съ ними условіяхъ, обратившихся въ

обычай. Этотъ новый законъ былъ такъ духу тѣхъ временъ, что утвердился и укоренился надолго — до времени Екатерины, уничтожившей даже слово „рабъ“ и измѣнившей положеніе этого сословія. И вотъ чѣмъ перевязалъ себя Годуновъ въ потомствѣ...

У великаго человѣка и сердце великое. Идя своей дорогой и опираясь на свою силу, онъ ничего не боится: онъ рѣшитъ своихъ врагомъ, но не мститъ имъ за ихъ нападенія; въ немъ заключается торжество его дѣла, а не удовлетвореніе обиженнаго самолюбія. Петръ Великій умѣлъ карать враговъ своего дѣла и умѣлъ прощать личныхъ враговъ, если видѣлъ, что они ему не опасны. Его кара была всегда правосудія, а не дѣломъ личнаго мщенія, и онъ карать открыто, среди бѣлаго дня, но не отравлять во мракѣ; принявъ публично повинность, публично и мстительно дѣлалъ ее публично наказывать, если донось оказывался справедливымъ. Хотя бунтъ стрѣлецкій заставилъ его вернуться изъ путешествія, — кровь стрѣльцовъ пала рѣзнею въ глазахъ кроваваго царя, и онъ не боялся показаться царемъ, потому что, не будь имъ, не такъ дѣйствовать Годуновъ. Сперва онъ крѣпится, надѣясь ласкою и милостью обезоружить тайныхъ враговъ и превратить неблагопріятныя о себѣ толки въ то, что это не существуетъ, — не вышло, и тогда настала эпоха террора, измѣнъ, доносовъ, пытокъ и скоропостижныхъ смертей. У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться кромѣ, не увлекаться личнымъ мщеніемъ и, наконецъ, не сдѣлаться тираномъ. Словомъ, онъ былъ только замѣчательный, а не великій человѣкъ, умный и талантливый администраторъ, но не геній.

Итакъ, вѣрно понять Годунова исторически и логически — значитъ понять необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ: виновенъ ли онъ былъ въ смерти царевича или невиненъ. А необходимость эта основана на томъ, что онъ не былъ геніальнымъ человѣкомъ, тогда какъ его положеніе непремѣнно требовало отъ него геніальности. Это просто и ясно.

Отчего же не понялъ этого Пушкинъ? Или не достало у него художественной проницательности, исторической чуткости? Нѣтъ, оттого, что онъ увѣровалъ авторитетомъ Карамзина и безусловно покорился ему. Вообще надобно замѣтить, что чѣмъ больше понималъ Пушкинъ нашу русскую старину и русскую жизнь, чѣмъ больше писалъ и изслѣдовалъ въ этомъ отношеніи Пушкинъ, тѣмъ больше онъ становился русскимъ человѣкомъ, и потому не могъ уже вѣрно смотрѣть на всѣхъ русскихъ: чтобъ что-нибудь вѣрно оцѣнить разумомъ, необходимо это что-нибудь отдѣлить отъ себя и хладнокровно посмотрѣть на него, какъ на что-то чужое себѣ, внѣ себя находящееся, а Пушкинъ не всегда могъ дѣлать это, потому именно, что все русское слишкомъ срослось съ нимъ. Такъ, напримѣръ, онъ въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и вотчинникомъ, нежели считалъ можно оказать это въ печати. Говоря въ своихъ замѣткахъ о своихъ предкахъ, Пушкинъ осуждаетъ одного изъ нихъ за то, что онъ не принялъ участія въ соборномъ дѣлѣ объ уничтоженіи мѣстничества. Первыми своими произведеніями онъ просился на Русь за русскаго Байрона, за человѣка отрицанія. Но ничего этого не могло долго продолжаться: слишкомъ преобладалъ въ немъ англо-европейскій, болѣе консервативный натуръ, какъ натура Пушкина. Вспомнимъ о томъ, что „стихи", которые могли тогда имѣть любителей читать ихъ въ рукописи, — нельзя не удивляться такой невинности и не восхищаться:

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!

Пушкинъ былъ человѣкъ слишкомъ горячій, слишкомъ нервный, слишкомъ обо всемъ еще и вѣрно думавшій. Пора его „стихобоязни" скоро прошла, потому что скоро понялъ онъ, что ему надо быть только художникомъ, и больше ничѣмъ, и только это натура, а стало-быть, и слово и признаніе его обязаны быть съ тѣмъ, что написалъ онъ программу на Карамзина, сочтутъ ему изъ того „Жизнь Богатыря", не должна принимать участія въ исторіи Россіи, а только тѣмъ, что одно изъ лучшихъ своихъ произведеній написалъ подъ вліяніемъ этого историка и посвятилъ „благодѣтелю для рос-

сіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина сей трудъ, геніемъ вдохновенный" Нельзя не согласиться, что есть что-то официальное и канцелярское въ самомъ складѣ и языкѣ этого посвященія, написаннаго по Ломоносовской конструкціи, съ завѣтнымъ „сей" Кстати о сихъ, оныхъ и тѣхъ-то выхъ: Пушкинъ всегда употреблялъ ихъ по любви къ преданію, хотя къ его сжатому, опредѣленному, выразительному и поэтическому языку они такъ же плохо шли, какъ грязныя латы и шлемъ къ модному платью свѣтскаго человѣка, собирающагося на балъ. Но когда „Библіотека для Чтенія" возвела гоненіе на эти „старопечатныя" слова, Пушкинъ еще болѣе, еще чаще началъ употреблять ихъ къ явному вреду своего слога Въ этомъ поступкѣ не было духа противорѣчія, ни на чемъ неосновательнаго напротивъ, тутъ обнаруживалъ духъ признанія—слѣпого уваженія къ преданію. Если уваженіе къ преданію такъ сильно выразилось въ отношеніи къ симъ, оныимъ, тѣхъ-то выхъ и коимъ, то естественно, что оно еще сильнѣе должно было проявляться въ Пушкинѣ въ отношеніи къ живымъ и мертвымъ авторитетамъ русской литературы. Пушкинъ не зналъ, какъ и возъимѣлъ поэтическій талантъ Баратынскаго, и вдругъ большого поэта даже и въ Дельвигѣ Катенинѣ, по его мнѣнію, воскресилъ величайшій геній Корнеля — безумица!.. Къ старымъ авторитетамъ Пушкинъ не любилъ только одного Сумарокова, котораго очень неосновательно ставилъ ниже Тредіаковскаго Вѣтая, сколько ни бранили, хотя бы въ то же время и основательно, критика на извѣстный авторитетъ, огорчала его и не нравилась ему, какъ посягательство на честь и славу родной литературы. Но въ особенности не знаю мѣры его уваженіе и, можно сказать, его благоговѣніе къ Карамзину, чему причиной отчасти было и то, что Пушкинъ былъ окруженъ тѣнями Карамзинской эпохи и самъ былъ воспитанъ и образованъ въ ея духѣ. Если онъ можно, побѣдоносно выходитъ изъ духа этой эпохи, то не иначе, какъ поэтъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, и не мысль была его великимъ, а поэтическій инстинктъ. Конечно, Пушкина не могли бы такъ сильно по-

борить местныя произведенія Карамзина, и Пушкинъ не могъ находить особеннаго поэзіи въ его стихотвореніяхъ и повѣстяхъ, не могъ особенно увлечься привлекательнымъ и сильнымъ слогомъ его сказокъ и ихъ направленіемъ по Карамзину не очень Пушкинъ, и насколько поэтическій умъ можетъ отличаться отъ своей „Исторіи Государства Россійскаго", которая имѣла на него сильное вліяніе не однимъ своимъ слогомъ, былъ думаетъ, но гораздо больше своимъ духомъ, направленіемъ, принципами Пушкинъ до того вошелъ въ ея духъ, до того проникнулся имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ „Исторіи" Карамзина, и опровергать ее не просто какъ исторію, но какъ политическій и государственный вопросъ, долженствующій быть предметомъ какъ можно лучше и для нашего времени, и остаться такимъ навсегда.

Удивительно ли послѣ этого, что Пушкинъ смотрѣлъ на Годунова глазами Карамзина и столько заботился объ исторіи и поэзіи, сколько о томъ, чтобъ не потерпѣлъ пропасть „Исторіи Государства Россійскаго"? И потому его поэтическій взглядъ не въ цѣлости ensemble, а только въ частностяхъ его трагедіи „Борисъ Годуновъ", не имѣетъ характера монументальности и глубины, мужественной ясности, и цѣлость его и полнота не выдерживаетъ изображенія, какимъ бы хотѣлось оно обнять, оно сдѣлалось мозаическою картиною или, лучше сказать, статуею, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а склеена изъ золота, серебра, мѣди, бронзы, мрамора, глины. Отъ этого Пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ, то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другого тона къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ умѣренной вѣковѣчной совѣсти. Отъ этого, за отсутствіемъ полнаго и живаго поэтическаго цѣлаго, которое было бы цѣлость и полнота всѣхъ частей, „Борисъ Годуновъ" Пушкина является чѣмъ то неопредѣленнымъ и не производитъ почти никакого результата, сосредоточеннаго впечатлѣнія, какого вправѣ ожидать отъ всякаго читателя, безпристрастно и просто смотрящаго на художественныя произ-

тами, безпрестанно восхищающійся ея удивительными частностями.

И дѣйствительно, если съ одной стороны, эта драма отличается большими недостатками, то, съ другой стороны, она же обладаетъ и необыкновенными достоинствами. Первые выходятъ изъ ложности идеи, положенной въ основаніе драмы; вторыя — изъ превосходнаго выполненія со стороны формы. Пушкинъ былъ такой поэтъ, такой художникъ, которыхъ больше-чѣмъ не умѣть, если бы и хотѣть, и труднаго и дѣло выполнить не какъ превосходную форму. Прежде всего спросимъ всѣхъ, сколько нибудь знакомыхъ съ русской литературою: до Пушкинскаго „Бориса Годунова“ изъ русскихъ читателей или русскихъ поэтовъ и литераторовъ имѣлъ ли кто-нибудь и какое-нибудь понятіе о драмѣ, которымъ только можетъ говорить къ намъ русскій человѣкъ того-Петровской эпохи? Не только прежде, какъ послѣ „Бориса Годунова“ явились ли на русскомъ языкѣ хотя одна драма содержаніе которой взято изъ русской исторіи, и въ которой русскіе люди чувствовали бы, понимали и говорили по-русски? И читали всѣхъ этихъ „Іоанновыхъ“, „Скопиныхъ-Шуйскихъ“, „Димитріевъ“, „Іоанновъ Третьихъ“, „Самозванцевъ“, „Царей-Шуйскихъ“, „Еленъ Глинскихъ“, „Пожарскихъ“, которые съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія наводнили русскую литературу и русскую сцену, что рѣшительно ни въ нравственныхъ ихъ сочиненіяхъ, ни на Сумароковыхъ нашего времени? Не будемъ говорить о русскихъ трагедіяхъ, появившихся до Пушкинскаго „Бориса Годунова“: чего же можно и требовать отъ нихъ! Но что русскаго во всѣхъ этихъ трагедіяхъ, которыя явились уже послѣ „Бориса Годунова“? И не можно ли подумать скорѣе, что это нѣмецкія пьесы, только переложенныя на русскіе нравы? Словно гигантъ между пигмеями — то стоитъ поэтъ вполнѣ между множествомъ quasi-русскихъ трагедій Пушкинскій „Борисъ Годуновъ“, въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величіи строгаго художественнаго стиля благороднои классической простоты. Довольно уже расположено было критикою нехранить и удивленія на сценѣ въ пользу

Чудова монастыря между отцемъ Пименомъ и Григоріемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эта сцена, которая была написана въ одномъ Московскомъ журналѣ года за четыре или лѣтъ за пять до появленія всей драмы, и которая тогда такъ нравилась многимъ, эта сцена въ художественномъ отношеніи, по строгости стиля, по полнотѣ и ясности и непогрѣшаемой простотѣ, выше всѣхъ похвалъ. Это что-то великое, громадное, колоссальное, никогда не бывалое, никѣмъ непревзойденное. Пушкинъ увлекся этимъ и увлекъ въ это первое мгновеніе и потому чѣмъ болѣе поэтическаго и высокаго въ его сценѣ, тѣмъ болѣе грѣшитъ авторъ противъ истины и правды. Дѣйствительности не русскому, но и никакому строгому отдѣльному лѣтописцу того времени не могли придти въ голову подобныя мысли—

. . . . . Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пыль выковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ.
. . . . . .
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною —
Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно".

Нѣтъ и подобнаго не могъ сказать русскій отшельникъ-лѣтописецъ конца XVI и начала XVII вѣка; слѣдовательно, эти прекрасныя слова — ложь, но ложь, которая стоитъ истины! Гдѣ, когда и какъ, какимъ образомъ могъ Пушкинъ найти въ XVI вѣкѣ Сковы и Кирпея и Расшиву! А сколько прекрасныхъ и образованныхъ лицъ въ Европѣ того времени! И не тѣ: въ нихъ, въ этихъ лицахъ

относительно времени, мѣста и нравовъ есть истина относительно человѣческаго сердца, человѣческой натуры. Въ лицѣ Пушкина тоже есть своя истина, хотя и условная, приположительная: отшельникъ Пименъ не могъ такъ высоко смотрѣть на свое призваніе, какъ лѣтописецъ: но развѣ въ его время такой взглядъ былъ возможенъ. Пименъ выразился бы не иначе, а именно такъ, какъ выразился его высказаться Пушкинъ. Сверхъ того, мы выписали изъ этой сцены рѣшительно все, что можно осуждать какъ ложь въ отношеніи къ русской дѣйствительности того времени: все остальное такъ глубоко проникнуто русскимъ духомъ, такъ глубоко вѣрно исторической истинѣ, какъ только могъ это сдѣлать лишь геній Пушкина истинно-національнаго русскаго поэта. Какая, напримѣръ, глубоко вѣрная черта русскаго духа заключается въ этихъ словахъ Пимена:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

Вообще въ этой сценѣ удивительно хорошо обрисованы, въ ихъ противоположности, характеры Пимена и Григорья: одинъ — идеалъ безмятежнаго спокойствія въ простотѣ ума и сердца, какъ тихій свѣтъ лампады, озаряющей въ темномъ углу кіевской пещерной келліи: другой — весь безпокойство и тревога. Григорью грезилась сѣчица одна и та же грезa. Проснувшись, онъ дивится спокойствію, съ которымъ старецъ пишетъ свою лѣтопись, и въ это время рисуетъ идеалъ исторіи, который въ то время былъ невозможенъ, другими словами, выдумываетъ превосходительную поэтическую ложь:

Ни на челѣ высокомъ ни во взорахъ
Нельзя прочесть его *сокрытыхъ думъ*;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ пріказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости ни гнѣва.

Затѣмъ онъ разсказываетъ старцу о „бѣсовскомъ мечтаніи", смущавшемъ сонъ его:

Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кишѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И падая стремглавъ, я пробуждался...

Въ этомъ предсказаніи сна весь будущій Самозванецъ [illegible] какъ по-русски обрисовать онъ [illegible] вѣрность въ [illegible] словѣ въ [illegible]! Весь еще [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

повѣсти! Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ! Ничья, никакая исторія Россіи не имѣетъ такого яснаго, живого созерцанія духа русской жизни, какъ это простодушное, безхитростное разсказчиковъ Царина Іоанна Грознаго, искавшаго успокоенія „въ подобіи монашескихъ трудовъ": характеристика Өеодора и разсказъ о его смерти, все это чудо искусства, неподражаемые образы русской жизни то-Петровской эпохи! Вообще вся эта превосходная сцена сама по себѣ есть великое художественное произведеніе, полное и оконченное. Она показала, какъ должно писаться драматическія сцены изъ русской исторіи, если уже онѣ должны писаться. И если не навсегда, то надолго убила возможность такихъ сценъ въ русской литературѣ, потому что скоро-ли можно ожидать такого таланта, который посмѣлъ бы подвизаться на томъ поприщѣ? А при этомъ еще нельзя не подумать, не истощилъ ли Пушкинъ своей трагедіи всего содержанія русской жизни то Петра Великаго такъ, что касается другихъ эпохъ и другихъ событій исторической значило бы только съ другими именами и названіями повторить ту и ту же основную мысль, и потому быть убійственно однообразнымъ?

Теперь о частностяхъ. Вся трагедія какъ будто состоитъ изъ отдѣльныхъ частей или сценъ, изъ которыхъ каждая существуетъ какъ будто независимо отъ цѣлаго. Это показываетъ, что трагедія Пушкина есть драматическая хроника, образецъ которыхъ созданъ Шекспиромъ. Кромѣ превосходной сцены въ Чудовомъ монастырѣ, между старцемъ Пименомъ и Отрепьевымъ, въ трагедіи Пушкина есть много прекрасныхъ сценъ. Таковы: первая — въ кремлевскихъ палатахъ между Воротынскимъ и Шуйскимъ, въ которой и исторически и поэтически вѣрно обрисованъ характеръ Шуйскаго; вторая — сцена пира и пьянаго Щелкалова на площади; третья — въ кремлевскихъ палатахъ, между Борисомъ, согласившимся царствовать, патріархомъ и боярами. Въ этой сценѣ превосходно обрисованы добросовѣстное лицемѣріе Годунова, — въ томъ смыслѣ добросовѣстное, что обманы-

изъ другихъ, онъ прежде всѣхъ обманываетъ самого себя, такъ всякій бываетъ, обольщаемый ростомъ гнѣва. Прекрасно также окончаніе этой сцены, происходящее между Воротынскимъ и Шуйскимъ, гдѣ характеръ послѣдняго все болѣе и болѣе развивается, его слова—

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать,—

такъ оригинальны, что должны со временемъ обратиться въ любимую поговорку у обыкновенныхъ и осторожныхъ людей вродѣ Шуйскаго. Превосходна маленькая сцена между патріархомъ и игуменомъ, начинающая пролог: это одинъ изъ драгоцѣнѣйшихъ перловъ трагедіи.

Мы уже говорили по поводу шестой сцены о цѣли трагедіи: въ ней Борисъ зрѣлостью, опытомъ, сильнымъ умомъ своихъ мечтаній и осторожности на небывалую ширость нрава, и ростъ разсужденій о томъ, какъ должно тотъ, въ комъ вѣчная совѣсть. Намъ кажется, что это не драма, а мелодрама, потому драматическіе злодѣи никогда не разсуждаютъ сами съ собой о нечистой нечистотѣ совѣсти и о прелестяхъ добродѣтели. Вмѣсто этого, они пользуются, чтобъ тѣни до нихъ не прикасались къ нимъ, если уже дошли до нея.

Седьмая сцена въ коемъ на новомъ планѣ превосходна. Жаль только, что должно выкинуть рѣчи царя Ѳеодора, заставивъ его спросить Самозванца въ одномъ изъ коемъ, въ которомъ и царица простилась съ нимъ. Къ лучшимъ сценамъ трагедіи принадлежитъ восьмая—въ домѣ Шуйскаго. Превосходно, выше всякой похвалы, перебранка между женами Шуйскаго, ропотъ и жалобы на Годунова его современниковъ. Выше мы уже выписали этотъ монологъ.

Слѣдующая затѣмъ большая сцена представляетъ собою двѣ части. Въ первой Борисъ превосходно очерченъ, какъ примѣрный семьянинъ, нѣжный отецъ, онъ утѣшаетъ дочь, опечаленную невѣстой, говоритъ съ сыномъ о сладкомъ плодѣ ученія, о томъ, какъ полезенъ царю терпѣливому трудъ. Все это такъ просто, такъ естественно,—и Борисъ является

въ этой сценѣ во всемъ свѣтѣ своихъ лучшихъ качествъ. Во второй части сцены Борисъ узнаетъ отъ Шуйскаго о появленіи Самозванца. Странное волненіе, обнаруженное Борисомъ при этомъ извѣстіи, основано поэтомъ на виновной совѣсти Годунова, и его поспѣшность къ рѣшительнымъ мѣрамъ противорѣчитъ исторической истинѣ: извѣстно, что Годуновъ вначалѣ принялъ слишкомъ слабыя мѣры противъ Отрепьева, вѣроятно, не считая его за опаснаго врага. Но если смотрѣть на эту сцену съ точки зрѣнія Пушкина, въ ней много драматическаго движенія, много страсти. Борисъ въ страшномъ волненіи, а Шуйскій, не теряя присутствія духа отъ мысли, что волненіе можетъ ему стоить головы, ни на минуту не перестаетъ быть придворной лисой.

Сцена въ Краковѣ, въ домѣ Вишневецкаго, между Самозванцемъ и іезуитомъ Черниковскимъ очень хороша, за исключеніемъ Ломоносовской фразы — „сыны славянъ", некстати вложенной поэтомъ въ уста Самозванцу. Продолженіе и конецъ этой сцены, гдѣ Самозванецъ говоритъ съ сыномъ Курбскаго, съ разными русскими, приходящими къ нему, съ поляномъ Собѣскимъ и поэтомъ, — не представляютъ никакихъ особенно рѣзкихъ чертъ.

За маленькой, но прелестной сценой въ замкѣ Мнишка въ Самборѣ слѣдуетъ знаменитая сцена у фонтана. Въ ней Самозванецъ является увальнемъ, который готовъ забыть свое дѣло для любви, а Марина — холодной, честолюбивой женщиной. Вообще эта сцена очень хороша: но въ ней какъ будто чего-то не достаетъ или какъ будто проглядываетъ какія-то новыя черты, которыя трудно и указать, но которыя тѣмъ не менѣе производятъ на читателя не совсѣмъ выгодное для сцены впечатлѣніе. Кажется, не преувеличилъ ли поэтъ любовь Самозванца къ Маринѣ, не сдѣлалъ ли онъ изъ минутной прихоти чувственнаго человѣка какую-то глубокую страсть? Самозванецъ въ этой сценѣ слишкомъ нетерпѣливъ и благороденъ: порывы его слишкомъ чисты: въ нихъ не видно будущаго рыцаря несчастной дочери Годунова.. Кажется, въ этомъ заключается ложь этой сцены. Безразсудство Самозванца, его безу-

ное признаніе передъ Маринкой въ самозванствѣ совершенно въ его характерѣ, пылкомъ, отважномъ, дерзкомъ, на все готовомъ, но рѣшительно неспособномъ ни на что великое, ни на какой глубоко обдуманный планъ: совершенно въ его характерѣ и мгновенные порывы животной чувственности, но ещо ни въ его характерѣ человѣческое чувство любви къ женщинѣ. Характеръ Марины удивительно хорошо выдержанъ въ этой сценѣ.

Сцена на литовской границѣ между молодымъ Курбскимъ и Самозванцемъ до того приторна, фразиста и исполнена пустой декламаціи, выдаваемой за новость, что трудно повѣрить, чтобъ она была написана Пушкинымъ..

Сцена въ царскомъ думѣ между Годуновымъ, патріархомъ и боярами можетъ быть хороша, даже превосходна только съ Пушкинской точки зрѣнія на участіе Годунова въ смерти царевича: если же смотрѣть на нее иначе, она покажется искусственной, и потому ложной. Но въ ней есть двѣ превосходныя черты: это рѣчь патріарха о чудесахъ, творимыхъ останками царевича, и о чудномъ исцѣленіи стараго пастуха отъ слѣпоты. Вторая черта — ловкій оборотъ, которымъ хитрый Шуйскій выводитъ Годунова изъ замѣшательства, въ какое привело его неосторожное предложеніе патріарха.

Сцена на равнинѣ, близъ Новгорода-Сѣверскаго, очень интересна своей живостью, характеромъ Мархерета и даже пестрой смѣсью языковъ и лицъ. Сцена юродивыхъ на кремлевской площади можетъ быть сочтена даже за превосходную, но только съ Пушкинской точки зрѣнія на виновную совѣсть Бориса. Въ сценѣ съ Пименомъ Самозванецъ обрисованъ очень удачно: особенно хороша эта черта:

Самозванецъ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ.

А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

Самозванецъ, *смѣясь*

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу.

Въ сценѣ въ царскихъ палатахъ, между Годуновымъ и Басмановымъ, оба эти лица являются въ какомъ-то странномъ свѣтѣ. Годуновъ собирается уничтожить мѣстничество (!) Басмановъ этому, разумѣется, радъ. Оба они разсуждаютъ объ управленіи народомъ, и Годуновъ окончательно рѣшаетъ:

Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ;
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

Басмановъ за это величаетъ его „высокимъ державнымъ духомъ", желаетъ ему поскорѣе управиться съ Отрепьевымъ, чтобъ потомъ „сломить рогъ родовому боярству" Но вотъ Борисъ умираетъ, вотъ даетъ онъ послѣднія наставленія своему наслѣднику: что же особеннаго въ этихъ наставленіяхъ?—Изъ нихъ замѣчательно только одно:

Не измѣняй теченья дѣлъ—Привычка—
Душа державъ...

Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, что говоритъ умирающій Годуновъ своему сыну, видитъ царь умный, способный и опытный, который былъ однимъ изъ лучшихъ царей русскихъ, если бъ престолъ достался ему по правамъ наслѣдія,—но слишкомъ ограниченный умъ для того, чтобъ усидѣть на захваченномъ тронѣ...

Крикъ мужика на амвонѣ любимаго мѣста: „взялъ Борисова щенка!" ужасенъ: это голосъ всего народа или, лучше сказать, голосъ судьбы, обрекшей на гибель родъ несчастнаго честолюбца, взявшаго на себя бремя не по силамъ.. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ тутъ выразить голосъ судьбы, обрекшей на гибель родъ злодѣя, цареубійцы. Можетъ быть, это было такъ: но спрашиваемъ: которое изъ Годуновыхъ болѣе трагическое лицо цареубійца, наказанный за злодѣяніе, или достойный человѣкъ, падшій за недостаткомъ геніальности? Трагическое лицо непремѣнно должно возбуждать къ себѣ участіе Самъ Ричардъ III,

но чудовище злодѣйства, возбуждаетъ къ себѣ участіе нечеловѣческой мощью духа. Какъ злодѣй, Борисъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого участія, потому что онъ—злодѣй мелкій, малодушный: но, какъ человѣкъ замѣчательный, такъ сказать, увлеченный судьбою взять роль не по себѣ, онъ очень и очень возбуждаетъ къ себѣ участіе: видишь необходимость его паденія, и все-таки жалѣешь о немъ...

Превосходно окончаніе трагедіи. Когда Мосальскій объявитъ народу о смерти дѣтей Годунова, „народъ въ ужасѣ молчитъ"... Отчего же онъ молчитъ? развѣ не самъ онъ кричалъ: „извѣсть Борисова щенка" Мосальскій продолжаетъ: „Чего вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!" „Народъ безмолствуетъ".

Это послѣднее слово трагедіи, заключающее въ себѣ глубокую черту, достойную Шекспира. Въ этомъ безмолвіи народа слышенъ страшный, трагическій голосъ поэзіи Немезиды, превращенной судьбой своей изъ поэзіи жертвой — изъ тѣми, кто погубилъ родъ Годуновыхъ...

XI.

Домикъ въ Коломнѣ.—Родословная моего Героя (отрывокъ изъ сатирической поэмы) **Мѣдный Всадникъ. — Галубъ. — Египетскія Ночи. Анджело. — Сцена изъ Фауста. Пиръ во время чумы. Моцартъ и Сальери.—Скупой Рыцарь. — Русалка. — Каменный Гость.— Сцены изъ рыцарскихъ временъ. — *Сказки:* о Царѣ Салтанѣ: о Мертвой Царевнѣ и о Семи Богатыряхъ: о Золотомъ Пѣтушкѣ: о Рыбакѣ и Рыбкѣ: о Купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и о Работникѣ его Балдѣ. — *Повѣсти:* Арапъ Петра Великаго: Повѣсти Бѣлкина: Пиковая дама: Капитанская Дочка: Дубровскій.—Лѣтопись села Горохина. — Кирджали. Исторія Пугачевскаго бунта. — Журнальныя статьи.—Заключеніе.**

При разборѣ оставшихся сочиненій Пушкина, о которыхъ намъ не было еще говорено, мы нѣсколько отступимъ отъ того хронологическаго порядка, въ какомъ появлялись въ свѣтъ его сочиненія, чтобы, окончивъ съ поэмами, драматическія произведенія обозрѣть вмѣстѣ.

„Домикъ въ Коломнѣ" — шутка, стихотворная рукою ве-

лнаго мастера. Несмотря на видимую незначительность ея со стороны содержанія, эта шуточная повѣсть тѣмъ не менѣе отличается большими достоинствами со стороны формы. Острота, шутки, разсказъ, въ одно время и легкій и занимательный, мѣстами пробѣлки чувства, на всемъ какой-то особенный колоритъ, и, наконецъ, превосходный стихъ — все это тотчасъ же обличаетъ великаго мастера. Когда нечаянно попадается вамъ подъ руку эта, теперь уже стоть старая пьеса, и взоръ вашъ небрежно падаетъ на первую попавшую строфу или стихъ, — все равно, съ начала это или съ середины, но только вы незамѣтно для самого себя непремѣнно прочтете до конца, и на душѣ вашей отъ этого чтенія останется впечатлѣніе легкое, но невыразимо сладостное, хотя бы вы уже сто разъ читали и перечитывали эту пьесу прежде. Многихъ удивитъ подобное мнѣніе: но „Домикъ въ Коломнѣ" мы считаемъ однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній, въ которомъ подъ легкой небрежной формой и при видимой незначительности содержанія, скрыто много искусства. Эта пьеса доказываетъ ту простую истину, что жизнь, лишь бы искусство вѣрно воспроизводило ее, всегда высоко для насъ занимательна, и что люди, ищущіе въ произведеніяхъ искусства только эффектныхъ сюжетовъ, не понимаютъ ни жизни ни искусства. Поэтическія произведенія такъ-же имѣютъ свой колоритъ, какъ и произведенія живописи, и если колоритъ въ картинахъ цѣнится такъ высоко, что иногда только онъ одинъ и составляетъ все ихъ достоинство, то такъ же точно колоритъ долженъ цѣниться и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, онъ меньше всего доступенъ большинству читателей, которые по обыкновенію прежде всего хватаются за содержаніе, за мысль, мимо формы, и потому часто дюжинныя произведенія принимаются ими за великія, а великія — за дюжинныя. Мы увѣрены, что есть много читателей, которымъ „Домикъ въ Коломнѣ" очень нравится, но которые тѣмъ не менѣе считаютъ его только миленькою, но очень пустою вещью. Такъ всегда судитъ большинство.

„Родословная моего Героя", названная отрывкомъ изъ

сатирической повѣсти, вмѣстѣ съ „Графомъ Нулинымъ" и „Домикомъ въ Коломнѣ" составляетъ типъ особеннаго рода поэмъ, которыя такъ любитъ новая „натуральная" школа нашей литературы, появившаяся, какъ извѣстно, не отъ Карамзина и Дмитріева, а отъ Пушкина и Гоголя. Это по преимуществу поэмы нашего времени, потому что ихъ больше другихъ любятъ въ наше время. И потому тоже: въ нихъ поэтъ не прячется за своими героями или за событіемъ, но прямо отъ своего лица обращается къ читателю съ тѣми вопросами, которые равно интересны и для самого поэта и для читателей. Въ поэмахъ этого рода даже важное и патетическое само по себѣ выказывается съ оттѣнкомъ ироніи, юмористически, и иногда тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя, чѣмъ небрежнѣе говоритъ поэтъ.

Нельзя сказать положительно, хотѣлъ ли Пушкинъ написать цѣлую поэму, и почему-нибудь остановился на пяти, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что отрывокъ „Родословная моего Героя" во всякомъ случаѣ представляетъ собой нѣчто цѣлое, потому что выражаетъ мысль совершенно полную и опредѣленную. Судя по словамъ автора, отрывокъ этотъ можно принять за сатиру на людей, которые потому только не уважаютъ знатности породы, что сами не могутъ похвалиться ею (по крайней мѣрѣ). Пушкинъ тутъ ясно даетъ чувствовать, что не понимаетъ другой возможности равнодушія къ гербамъ и пергаментамъ, но, всмотрѣвшись больше въ его произведеніе, нельзя не увидѣть, что это очень острая сатира, написанная поэтомъ на самого себя. Съ неподражаемымъ остроуміемъ шутитъ поэтъ надъ предками своего героя, излагая его генеалогію:

Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Спицкихъ пересѣвъ.

Этотъ намекъ на мѣстничество, составлявшее point d'honneur нашей боярщины, блещетъ истинно Вольтеровскимъ

остроумiемъ, которое, конечно, не возбудитъ въ читателѣ особеннаго уваженiя къ „родословнымъ“: но вслѣдъ затѣмъ ироniя поэта бросается совсѣмъ въ противоположную сторону.

По извините; статься можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спѣсь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.
Кто-бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,—
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ,—
Вамъ все равно. Конечно такъ;
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами,
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно
Прямого просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою „собственныхъ заслугъ“,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ,
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

Эти мысли изумительны своей павностью, достойной тѣхъ временъ, когда Варлаама Еверскаго за споры то съ нимъ, то съ другимъ съ безчестiемъ выводили изъ-за царскаго стола. Изъ чего хлопочетъ поэтъ? противъ чего возстаетъ онъ? Противъ того, чего самъ не могъ осмѣять... Что за упрекъ такой: „Васъ спѣсь дворянская не гложетъ“? Неужто спѣсь дворянская или мѣщанская есть добродѣтель, а не порокъ -привычка грубости и нравовъ и невѣжества?.. Вамъ все равно, кто бы ни былъ вашъ родоначальникъ -князь или цѣловальникъ Митюшка!.. Гордиться происхожденiемъ отъ князя такъ же смѣшно, какъ и стыдиться происхожденiя отъ цѣловальника, потому что какъ въ первомъ случаѣ заслуга, такъ во второмъ преступленiе суть чистѣйшая случайность. Не происхожденiе, а жизнь приноситъ человѣку честь или безчестiе. Иначе Сусанинъ или Мининъ были бы низкими людьми въ сравненiи со всякимъ глупень-

кимъ и пошленькимъ княземъ, какихъ довольно бываетъ и въ большомъ свѣтѣ между князьями, достойными всякаго уваженія по ихъ личнымъ достоинствамъ. Поэтъ обвиняетъ родословныхъ людей нашего времени въ томъ, что они презираютъ своими отцами, ихъ славою, правами и честью, — упрекъ столько же ограниченный, сколько и не основательный. Если человѣкъ не гордится тѣмъ, что происходитъ по прямой линіи отъ какого-нибудь великаго человѣка, неужели это непремѣнно значитъ, что онъ презираетъ своего великаго предка, его славу, его великія дѣла? Кажется, суть сдѣлки выведена совсѣмъ произвольно. Презирать предковъ, когда они и ничего не сдѣлали хорошаго, смѣшно и глупо, можно не уважать ихъ, если не за что уважать, но въ то же время не презирать, если не за что презирать. Гдѣ нѣтъ мѣста уваженію, тамъ не всегда есть мѣсто презрѣнію. Умный отецъ хорошее, презирается. Хорошаго отсутствіе хорошаго не всегда даетъ право презрѣнію умнаго и наоборотъ. Еще смѣшнѣе гордиться чужимъ величіемъ или стыдиться чужой низости. Первая мысль прекрасно объяснена въ превосходной басни Крылова „Гуси"; вторая лжива сама по себѣ. Извѣстно, что цѣловальники въ древности — приказные чиновники не отличались особенной честностью, не отличаются и нынѣ, какъ ни славны они въ питейныхъ домахъ; но если сынъ цѣловальника, по своей натурѣ, оказался неспособнымъ къ званію своего отца, и, вмѣсто того, чтобъ обмѣривать въ кабакѣ пьяныхъ мужиковъ, прожилъ весь свой вѣкъ—пожалуй, не великимъ, даже не порядочнымъ, а просто честнымъ человѣкомъ, скажите: зачѣмъ ему стыдиться, что онъ сынъ своего отца? Притомъ же мы нисколько не споримъ, что Тамерланъ былъ большой аристократъ. Но крѣпки мѣры, при его жизни въ этомъ никто не смѣлъ усомниться подъ опасеніемъ быть посаженну на колъ: но послѣ, нежели сдѣлаться великимъ ханомъ, онъ былъ хромцомъ, зашибившимъ за покражу овцы увѣчьемъ ноги. Такъ и всякій рѣдко начнетъ быть однимъ человѣкомъ не знатнаго происхожденія, у котораго въ родни былъ не одинъ сапожникъ или портной. Но все

это истины немного пошлыя, потому именно, что онѣ уже слишкомъ истинны. Тѣмъ, повидимому, страшнѣе, что великій поэтъ видѣлъ въ нихъ ложь, а восхвалилъ истину. Но здѣсь въ поэтѣ оказался человѣкъ, не могшій, какъ ни старался, отрѣшиться отъ предразсудковъ, надъ которыми самъ смѣялся... Но далѣе—

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ *этомъ смыслѣ* (въ какомъ же?) демократъ;
Но каюсь, новой Ходаковской,
Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о родныхъ,
О толстобрюхой старинѣ.

Признаніе по истинѣ плачевное! На вкусъ товарища нѣтъ, говоритъ русская пословица: но кому какое дѣло до чужихъ вкусовъ, и кто свои личные и притомъ страшные вкусы вправѣ выдавать другимъ за законъ? одинъ любитъ говорить съ московской бабушкой о родныхъ и о „толстобрюхой старинѣ“: другой любитъ разсуждать съ своимъ крѣпостнымъ писаремъ о личныхъ качествахъ и добродѣтеляхъ сего послѣдняго: оба правы, и мы никому изъ нихъ мѣшать не намѣрены, а только считаемъ себя вправѣ попросить обоихъ не навязывать намъ своихъ вкусовъ, какъ правилъ нравственности и добродѣтели.

Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды;

Дѣйствительно, жаль, если правда, что звуки нашей славы намъ чужды. Только стоитъ ли правда равнодушіе къ „толстобрюхой старинѣ“ и равнодушіе къ народной славѣ—совсѣмъ не одно и то же. Если поэтъ хотѣлъ этимъ упрекомъ намекнуть на то, что мы, какъ молодой, исполненный надеждъ народъ, больше заняты своимъ настоящимъ и больше смотримъ на свое будущее, нежели на прошедшее,—то ему слѣдовало бы выразиться яснѣе и понять лучше причину этого явленія, совершенно необходимаго и нисколько не предосудительнаго въ его источникѣ...

Что спросталъ
Изъ бояръ мы лѣземъ въ tiers état...

Полно, спроста ли! Мы вообще убѣждены, что ни одно историческое явленіе не дѣлается спроста, и ни въ одномъ не виноваты люди. Предки нашихъ бояръ пили все въ гору, хотѣли быть только барами и жили широко, не заботясь о будущемъ, а ихъ дѣти принуждены были понять, что барство подрывается прежде всего деньгами, и что безъ денегъ барство — суста сусть! Тутъ видна скорѣе смѣлливость и догадливость, нежели простота. Фабрики, компаніи, акціи, спекуляціи, предпріятія, обороты — все это вещи, можетъ быть, дѣйствительно высокія, не аристократическія, зато уже и совсѣмъ не простонародныя. Въ наше время простаковъ мало, и простакъ въ наше время именно тотъ, кого гложетъ какая-нибудь спѣсь...

Что намъ не въ прокъ пошли науки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

„Да изъ чего же слѣдуетъ, что науки пошли намъ не въ прокъ? Развѣ не изъ того ли, что онѣ избавили насъ отъ дворянской спѣси?.. Странный выводъ! Впрочемъ, пошелъ онъ отъ покойнаго Вяземскаго, любившаго не въ мѣру головныхъ выводовъ. Страшное зрѣлище: великій поэтъ видитъ все въ успѣхахъ просвѣщенія, которое безъ насильственныхъ переворотовъ смягчило грубость нравовъ и сблизило между собой дотолѣ раздѣленныя сословія!..

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ:
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поноситъ и Фигляринъ;
Что русскій *вытертый* бояринъ (баринъ?)
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава,
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

Многимъ кажется ужасно остроумной выходка о демо-

критическомъ опытѣ осла, лягающаго геральдическаго льва, и они такъ восхитились ею, что повѣрили древности этого геральдическаго льва, по наивному незнанію, что существованіе нашей геральдики есть искусственное и не простирается даже за полувѣкъ отъ настоящаго дня... Отъ этихъ стиховъ такъ и вѣетъ „Литературной Газетой“ 1830 года... Ничего не можетъ быть нелѣпѣе, какъ приложеніе къ нашему русскому быту фактовъ исторіи Западной Европы, съ ея католическими и рыцарскими преданіями, вовсе для насъ чужими и нисколько къ намъ не идущими. И оттого слова: „аристократическій“, „демократическій“, встрѣчающіяся изрѣдка въ русскихъ стихахъ или русской прозѣ, тѣмъ смѣшнѣе и забавнѣе, чѣмъ серьезнѣе смотрятъ они... Пушкина, кажется, очень занимало общественное положеніе Байрона, гордившагося тѣмъ, что въ его жилахъ текла королевская кровь, и больше дорожившаго своимъ званіемъ лорда, нежели своимъ значеніемъ перваго поэта Европы XIX вѣка. Но Байронъ — другое дѣло. Отъ англичанина: его предразсудки имѣли значеніе историческое и національное. Если бъ онъ не сдѣлался великимъ человѣкомъ, онъ все бы остался важнымъ лицомъ въ своемъ отечествѣ: обладателемъ огромнаго наслѣдства, по праву рожденія членомъ палаты лордовъ... Аристократизмъ—въ этомъ словѣ заключается вся политическая конструкція Англіи, какъ государства, и потому тамъ въ парламентѣ могутъ принадлежать не одни дворяне, но и люди всѣхъ другихъ сословій, которые въ сохраненіи statu quo видятъ для себя великій вопросъ: быть или не быть?.. Какъ потомка старинной фамиліи, Пушкина знала бы только его кругъ знакомыхъ, а не Россія, для которой въ этомъ обстоятельствѣ не было ничего интереснаго; но какъ поэта, Пушкина узнала вся Россія, и теперь гордится имъ, какъ сыномъ, дѣлающимъ честь своей матери. Кому нужно знать, что бѣдный дворянинъ, существующій своими литературными трудами, богатъ длиннымъ рядомъ предковъ, мало извѣстныхъ въ исторіи? Гораздо интереснѣе было знать, что напишетъ новаго этотъ геніальный поэтъ...

Забавны въ сатирическомъ смыслѣ послѣдніе стихи отрывка:

Вотъ почему, архивы роя,
Я разбиралъ въ досужный часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, *великій мужъ*,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ
И регистраторомъ служилъ.

Увы! Sic transit gloria mundi! На кого же тутъ пенять, на кого жаловаться! Какіе тутъ аристократы и демократы? Тутъ было довольно или просто о мотовствѣ, о незнаніи хозяйства, о нерасчетливой жизни на авось, о естественномъ разорбленіи имѣній черезъ право наслѣдства. Тѣмъ, которые тутъ проиграли, остается одно—вступить въ tiers-état, но не спроста, а для того, чтобъ, во-первыхъ, что-нибудь дѣлать, а во-вторыхъ, чтобъ имѣть болѣе вѣрныя средства къ существованію. Вмѣсто этой юмористической повѣсти, Пушкину лучше было бы написать дидактическую поэму о пользѣ свекло-сахарныхъ заводовъ или о преимуществѣ плодопеременной системы земледѣлія надъ трехпольной, какъ Ломоносовъ написалъ посланіе о пользѣ стекла, начинающееся этими наивными стихами:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

А между тѣмъ „Родословная Моего Героя" написана стихами до того прекрасными, что нѣтъ никакой возможности противиться ихъ обаянію, несмотря на ихъ содержаніе. И потому эта пьеса—истинный шедевръ, построенный великимъ мастеромъ изъ прекраснаго паросскаго мрамора.

Теперь перейдемъ къ тремъ русскимъ, въ художественномъ отношеніи, поэмамъ Пушкина—„Мѣдному Всаднику", „Галубу" и „Египетскимъ Ночамъ".

„Мѣдный Всадникъ" многимъ кажется какимъ-то страннымъ произведеніемъ, потому что тема его, повидимому, выражена невполнѣ. По крайней мѣрѣ, страхъ, съ какимъ побѣжалъ помѣшанный Евгеній отъ конной статуи Петра, нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ того, что пропущены слова его къ монументу. Иначе, почему же вообразилъ онъ, что грозное лицо царя, возгорѣвъ гнѣвомъ, тихо обратилось къ нему, и почему, когда стремглавъ побѣжалъ онъ, ему все слышалось.

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой!..

Успокоюсь въ томъ, что въ напечатанной поэмѣ не достаетъ словъ, обращенныхъ Евгеніемъ къ монументу, и вамъ станетъ ясна идея поэмы, безъ того смутная и неопредѣленная. Настоящій герой ея — Петербургъ. Оттого и начинается она грандіозной картиной Петра, задумывающаго основаніе новой столицы, и яркимъ изображеніемъ Петербурга въ его теперешнемъ видѣ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
„Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
„На зло надменному сосѣду;
„Природой здѣсь намъ суждено
„Въ Европу прорубить окно,
„Ногою твердой стать при морѣ;
„Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
„Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
„И запируемъ на просторѣ!"
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,

Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфирородная вдова.

Не перечитываемъ вполнѣ этого описанія, исполненнаго такой власти и мощи поэзіи, но, чтобъ прослѣдить идею поэмы въ ея развитіи, напомнимъ читателю заключеніе:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

Содержаніе этого разсказа составляетъ описаніе страшнаго наводненія, постигшаго Петербургъ въ 1824 году. Это печальное событіе имѣетъ прямое отношеніе къ построенію Петромъ Великимъ Петербурга, не по одной этой

причинъ столь дорого стоившаго Россіи. Съ исторіей наводненія, какъ историческаго событія, поэтъ искусно сплелъ частную исторію любви, сдѣлавшейся жертвою этого происшествія. Герой повѣсти — Евгеній, — имя, такъ сдружившееся съ перомъ нашего поэта, который съ грустью описываетъ его незначительность, не соотвѣтствующую его понятіямъ о родословіи:

Прозванье намъ его не нужно—
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подъ перомъ Карамзина,
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало.
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ: гдѣ-то служитъ;
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о покойницѣ роднѣ
Ни о забытой старинѣ.

Онъ легъ спать съ грустными мечтами о своемъ житьѣ-бытьѣ: вечеръ былъ мраченъ и буренъ. На другой день сдѣлалось наводненіе—

И всплылъ Петрополь какъ тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Картина наводненія написана у Пушкина красками, которыя нынѣ жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помышлявшій на мысли написать эпическую поэму „Потопъ“. Тутъ не знаешь, чему больше дивиться, громадной ли грандіозности описанія, или его почти прозаической простотѣ, что, вмѣстѣ взятое, доходитъ до высочайшей поэзіи. Опасаясь, боясь перепечатать всю поэму, пропускаемъ начало описанія, чтобъ поспѣшить къ герою поэмы:

Тогда на площади Петровой—
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ подъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые,—
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный

Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже!.. тамъ—
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ некрашенный да ива
И ветхій домикъ; тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего!
И, обращенъ къ нему спиною,
Въ непоколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Бѣдный Евгеній. Онъ страшился, не за себя, не слышалъ, какъ подымался жадный валъ, Параша, ивушка, домикъ, вдова и дочь, его мечта, или во снѣ, или вся наша и жизнь не что, какъ сонъ пустой, насмѣшка рока надъ землей? Несчастный сошелъ съ ума. Бросая по улицамъ пресѣкаемый мостовщиками, получая удары отъ разсѣрженныхъ ямщиковъ, онъ —

Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ,
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Въ этомъ безпрестанномъ столкновеніи несчастнаго съ „Гигантомъ на бронзовомъ конѣ“ и въ впечатлѣніи, какое производитъ на него видъ Мѣднаго Всадника, скрывается весь смыслъ поэмы; здѣсь ключъ къ ея идеѣ...

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились——
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потокъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя грозно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и *Того*,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ съ мѣдной головой
И съ распростертой рукою—
Какъ будто градомъ любовался.
Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой,
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло.
Глаза подернулись туманомъ,
По членамъ холодъ пробѣжалъ,
И вздрогнулъ опъ—и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ русскимъ великаномъ.
И, перстъ свой на него поднявъ,
Задумался... Но вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился... *Показалось*
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И опъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руки къ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ,—
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ...

И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ лицѣ его изображалось
Смятенье: къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный сымалъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой...

Въ этой поэмѣ видимъ мы трогательную участь личности, страдающей какъ бы вслѣдствіе избранія мѣста для новой столицы, гдѣ погибло столько людей. И наше сокрушенное сочувствіемъ сердце, вмѣстѣ съ несчастнымъ, готово смутиться: но вдругъ взоръ нашъ, упавъ на изваяніе виновника нашей славы, склоняется долу, и въ священномъ трепетѣ, какъ бы въ сознаніи тяжкаго грѣха, бѣжитъ стремглавъ, думая слышать за собой

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой...

Мы понимаемъ смущенной душой, что не произволъ, а разумная воля олицетворены въ этомъ Мѣдномъ Всадникѣ, которой, въ непоколебимой вышинѣ, съ распростертой рукой, какъ бы любуется городомъ. И намъ чудится, что, среди хаоса и тьмы этого разрушенія, изъ его мѣдныхъ устъ исходитъ пророчество: „мы будемъ", и простертая рука города долженствуетъ утихнуть разъяреннымъ стихіямъ. И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствія къ страданію этого частнаго. При взглядѣ на Великана, горе и неисчислимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенія, и какъ бы символически осуществляющаго собой несокрушимость его творенія, мы, хотя и безъ содроганія сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ избрать участи индивидуальностей, обезпечивая участь вѣчно и государственно что-то нетворческаго необходимаго, и что его взглядъ на пользу есть уже его одобреніе. Да, это поэма апофеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая гражданская, какая могла только придти въ голову поэта.

вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи... Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ: въ сказахъ насъ, русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи... Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы ни о твоей „Петріадѣ", но его „Стансы" (Въ надеждѣ славы и добра), многія мѣста въ „Полтавѣ", „Пиръ Петра Великаго" и, наконецъ, этотъ „Мѣдный Всадникъ" образуютъ собой самую дивную, самую великую „Петріаду", какую только въ состояніи создать геній великаго національнаго поэта. И мѣрой пресѣта при чтеніи этой „Петріады" должно опредѣлиться, до какой степени вправѣ называться русскимъ всякое русское сердце...

Намъ хотѣлось бы сказать что-нибудь о стихахъ „Мѣднаго Всадника", о ихъ упругости, силѣ, энергіи, величавости, но это выше силъ нашихъ: только такими же стихами, а не нашей бѣдной прозой можно хвалить ихъ. Нѣкоторыя мѣста, какъ, напримѣръ, упоминовеніе о графѣ Хвостовѣ, показываютъ, что по этой поэмѣ еще не былъ проведенъ окончательно рѣзецъ художника, а и напечатана она, какъ извѣстно, вслѣдъ его смерти: но и въ этомъ видѣ она—колоссальное произведеніе...

Въ статьѣ Пушкина „Путешествіе въ Арзрумъ" находится слѣдующія строки: „Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ „Кавказскаго Плѣнника" и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно: но многое угадано и выражено вѣрно". Насъ всегда поражала благодарная и безпристрастная вѣрность этой оцѣнки, и нельзя не согласиться, что это лучшая критика на „Кавказскаго Плѣнника". „Кавказскій Плѣнникъ" вышелъ въ свѣтъ въ 1822 году и былъ однимъ изъ первыхъ произведеній Пушкина, наиболѣе способствовавшихъ его народности въ Россіи. Истиннымъ героемъ ея былъ не столько плѣнникъ, сколько Кавказъ, исторія плѣнника была только рамкою для описанія Кавказа. Случилось такъ, что и одно изъ послѣднихъ произведеній Пушкина опять посвящено было тому же Кавказу, тѣмъ же горцамъ. Но какая

огромная разница между „Кавказскимъ Плѣнникомъ“ и „Галубомъ“. Словно въ разные вѣка и разными поэтами написаны эти двѣ поэмы! Въ „Путешествіи въ Арзрумъ“ Пушкинъ разсказываетъ между прочимъ о похоронахъ у горцевъ, которыхъ свидѣтелемъ ему случилось быть. Это даетъ право догадываться, что впечатлѣнія, плодомъ которыхъ былъ „Галубъ“, собраны были поэтомъ во время его путешествія въ Арзрумъ, въ 1829 году, и что эта поэма была написана имъ послѣ 1829 года. Если ее развѣять отъ „Кавказскаго Плѣнника“ промежутокъ только десять лѣтъ,—какой великій прогрессъ! И что бы написалъ намъ Пушкинъ, если бъ прожилъ еще хоть десять лѣтъ!

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла!
Живъ презрительный Терситъ!..

Въ „Галубѣ“ глубоко гуманная мысль выражена въ образахъ столько же отчетливо-ѣдкихъ, сколько и поэтическихъ. Старикъ черкесъ, похоронивъ одного сына, воспитываетъ другого для мести его воспитателю. Но этотъ второй сынъ не хочетъ имъ съѣсть брата, и обманутъ надежды отца. Безъ образованія, безъ всякаго знакомства съ другими идеями или другими формами общественной жизни, онъ инстинктивно чувствуетъ своей натурой юноши. Тащить вынести изъ стѣнъ своего родного племени, своего роднаго общества. Онъ не понимаетъ разбоя ни какъ ремесла, ни какъ потѣхи, онъ не понимаетъ мщенія ни какъ долга, ни какъ наслажденія.

Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ печаленъ надъ горой.

Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ?
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, что онъ такое—поэтъ, художникъ, жрецъ науки или просто одинъ изъ тѣхъ внутреннихъ глубоко сосредоточенныхъ въ себѣ натуръ, рождающихся для мирныхъ трудовъ, мирнаго счастья, мирнаго и благодѣтельнаго вліянія на окружающихъ его людей? Какъ знать это кому-нибудь, если онъ самъ того не знаетъ? Явись онъ въ цивилизованномъ обществѣ—хотя съ трудомъ, съ борьбой, надѣлавъ тысячи ошибокъ, но зналъ бы онъ свое назначеніе, нашелъ бы его и отдался бы ему. Но онъ родился среди патріархально-разбойническаго, дикаго и невѣжественнаго племени, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго, — и ему нѣтъ мѣста на землѣ, онъ отверженъ, проклятъ: его родные—враги его... Отецъ Тазита—чеченецъ душой и тѣломъ, чеченецъ, которому непонятны, которому ненавистны всѣ нечеченскія формы общественной жизни, который признаетъ святой и безусловно истинной только чеченскую мораль, и который, слѣдовательно, можетъ въ сынѣ любить только истаго чеченца. Въ отношеніи къ сыну онъ не дѣйствуетъ иначе, какъ заодно съ чеченскимъ обществомъ, во имя его національности. Трагическая коллизія между отцомъ и сыномъ, т. е. между обществомъ и человѣкомъ, не могла не обнаружиться скоро. Разъ Тазитъ, въ своихъ горныхъ разъѣздахъ, встрѣтилъ армянина съ товарами и не ограбилъ, не убилъ или не привелъ его домой на арканѣ. Другой разъ повстрѣчалъ онъ бѣглаго раба—и оставилъ его невредимымъ: въ третій—

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

. . . . . .

Сынъ.

Убійцу брата.

Отецъ.

Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай, нагляжусь!

Сынъ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...

Отецъ.

Ты долга крови не забылъ...
Врага ты навзничь опрокинулъ...
Не правда ли? ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?..
Гдѣ-жъ голова, подай!.. Нѣтъ силъ...
Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи
И сыну грозно возопилъ:
„Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ!
„Ты не чеченецъ—ты старуха,
„Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ!
„Будь проклятъ мной, поди—чтобъ слуха
„Никто о робкомъ не имѣлъ,
„Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
„Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
„Окровавленной кошкой сѣлъ
„И къ безднѣ гналъ тебя нещадно:
„Чтобъ ты, какъ раненый олень,
„Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
„Чтобъ дѣти русскихъ деревень
„Тебя веревками поймали
„И какъ волчонка затерзали—
„Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!
„Не оскверняй моихъ очей!“

Здѣсь, въ лицѣ отца, говоритъ общество. Такія чеченскія исторіи случаются и въ цивилизованныхъ обществахъ: Галилея въ Италіи чуть не сожгли живого за его несогласіе

съ чеченскими понятіями о міровой системѣ. Но тамъ человѣкъ знаніемъ опередилъ свое общество и, еслибъ былъ сожженъ, могъ бы имѣть хоть то утѣшеніе переть смертью, что идеи-то его не сожгутъ невѣжественные палачи... Здѣсь же человѣкъ вышелъ изъ своего народа своей натурой, безъ всякаго сознанія объ этомъ, самое трагическое положеніе, въ какомъ только можетъ быть человѣкъ!.. Одинъ среди множества, и ближніе его — враги ему: стремится онъ къ людямъ и съ ужасомъ отскакиваетъ отъ нихъ, какъ отъ змѣи, на которую наступилъ нечаянно... И винитъ, и презираетъ, и проклинаетъ онъ себя за это, потому что его сознаніе не въ силахъ оправдать въ собственныхъ его глазахъ его отчужденіе отъ общества... И вотъ она—вѣчная борьба общаго съ частнымъ, разума—съ авторитетомъ и преданіемъ, человѣческаго достоинства — съ общественнымъ варварствомъ! Она возможна и между чеченцами!..

Превосходны, выше всякой похвалы послѣдніе стихи „Галуба", представляющіе живое изображеніе черкесскихъ нравовъ и трогательную картину отчужденныхъ отъ общества любовниковъ:

Они въ толпѣ четою странной
Стоятъ, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время! съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзво говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла...
И онъ, не властный превозмочь

Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: „Твоя мнѣ дочь
„Давно мила; по ней тоскуя,
„Одинъ и сиръ давно живу я;
„Благослови любовь мою;
„Я бѣденъ, но могучъ и молодъ;
„Я агнецъ дома, звѣрь въ бою:
„Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ;
„Тебѣ я буду сынъ и другъ
„Послушный, преданный и нѣжный.
„Твоимъ сынамъ—кунакъ надежный,
„А ей приверженный супругъ..."

Увы! бѣдный юноша говорилъ все это, не зная самъ себя. Онъ былъ могучъ и молодъ, у него много было отваги и храбрости,—но онъ долженъ былъ бѣжавшаго раба, не могъ убить израненнаго и обезоруженнаго врага: онъ не былъ чеченцемъ, и въ его саклю поселится бы голодъ.. И за то онъ отвергнутъ: отвергнута и та, которая имѣла несчастіе полюбить его! Что съ ними стало, намъ неинтересно знать. Они должны погибнуть—это вѣрно, но какъ погибнутъ, что до того!.. Слѣдовательно, поэму эту можно считать цѣлой и оконченной. Мысль ея видна и выражена вполнѣ.

„Египетскія Ночи"—въ одно и то же время и повѣсть, писанная прозой, и поэма, писанная стихами. Повѣсть прекрасная. Характеръ Чарскаго, русскаго поэта и свѣтскаго человѣка, которымъ знаетъ цѣну искусству и таланту и со всѣмъ тѣмъ стыдится ремесла своего: характеръ импровизатора, страстнаго, вдохновеннаго жреца искусства, униженнаго, привыкшаго къ пощечинамъ итальянца, жаднаго къ прибыльщика нищаго: характеръ нашего большого свѣта, его странныя отношенія къ искусству,—все это выдержано съ удивительной вѣрностью, до мельчайшихъ подробностей, до прекрасной дѣвушки, по приказанію матери написавшей тему импровизатору. Но что сказать о поэмѣ—„Cleopatra ei suoi amanti"?. Въ „Медномъ Всадникѣ" поэтъ показалъ намъ величественный образъ преобразователя Россіи и современный Петербургъ: въ „Галубѣ" перенесъ насъ въ среду кавказскихъ дикарей, чтобъ показать, что и тамъ есть чело-

вѣчное достоинство, осужденное на трагическое страданіе: въ „Египетскихъ Ночахъ“ волшебнымъ жезломъ своей поэзіи онъ переноситъ насъ въ среду древняго римскаго міра, отжившаго, утратившаго всѣ вѣрованія, всѣ надежды, холоднаго къ жизни и все еще жаждущаго наслажденій, за которыя охотно платятъ жизнью, какъ-будто жизнь нечего цѣнить. Во всѣхъ этихъ трехъ поэмахъ видимъ мы Пушкина, узнаемъ въ немъ ему только свойственные колоритъ и стиль: но онъ въ одной изъ нихъ не повторяетъ онъ себя, напротивъ, въ каждой является изумленному взору нашему совершенно новый міръ: „Мѣдный Всадникъ“ — весь современная Русь, „Галубъ“ — весь Кавказъ, „Египетскія Ночи“, это — воскресшій, подобно Помпеѣ и Геркулануму, древній міръ на закатѣ его жизни. О стихахъ импровизатора не говоримъ: это чудо искусства...

Три послѣднія означенныя вами поэмы въ художественномъ отношеніи неизмѣримо выше всѣхъ прежнихъ поэмъ Пушкина. Въ нихъ видимъ вполнѣ развившійся и выработавшійся художественный стиль, которымъ долженъ былъ принадлежностью всякаго великаго поэта. Что-то глубоко-грустное, но вмѣстѣ и величаво-спокойное лежитъ въ поэтическомъ колоритѣ, разлитомъ на этихъ твореніяхъ. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ лирическихъ стихотвореній поэтъ не даромъ сравнилъ печаль души своей съ виномъ, которое тѣмъ крѣпче, чѣмъ старѣе. Мы прибавимъ отъ себя, что вино, чѣмъ старѣе, тѣмъ не только крѣпче, но и вкуснѣе и ароматнѣе. Продолжая сравненіе, начатое самимъ же поэтомъ, скажемъ, что послѣднія произведенія его, утративъ конфетную сладость первыхъ, пріобрѣли вкусъ и благовонную существенность дорогого стараго вина...

„Анджело“ составляетъ переходъ отъ лирическихъ поэмъ къ драматическимъ: по крайней мѣрѣ, діалогъ играетъ въ этой пьесѣ большую роль. „Анджело“ былъ принятъ публикой очень сухо, и по дѣломъ. Въ поэмѣ видно какое-то усиліе на простоту, отчего простота ея слога вышла какъ-то искусственна. Можно найти въ „Анджело“ счастливыя выраженія, удачные стихи, если хотите, много искусства

чисто-техническаго, безъ вдохновенія, безъ жизни. Короче, эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней нечего сказать.

Теперь перейдемъ къ драматическимъ опытамъ Пушкина, которые онъ столь блистательно начатъ своимъ „Борисомъ Годуновымъ". Драматическій элементъ сильно пробивался и въ первыхъ поэмахъ его —„Бахчисарайскомъ Фонтанѣ", „Цыганахъ" и „Полтавѣ", такъ что по нимъ уже можно было видѣть, что онъ можетъ пріобрѣсти такіе же успѣхи и въ драматической поэзіи, какіе пріобрѣлъ уже въ лирической и эпической. Сцена изъ „Бориса Годунова", напечатанная еще въ 1828 году, оправдала это ожиданіе. Въ 1829 году во второмъ томѣ „Стихотвореній Александра Пушкина" была напечатана „Сцена изъ Фауста". Это былъ не переводъ какого-нибудь отрывка изъ знаменитой драматической поэмы Гёте, но вариація, развитая на ея тему. Многимъ эта сцена такъ понравилась, что они, не зная Гёте „Фауста", порѣшили, будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами, но между ею и Гётевымъ „Фаустомъ" нѣтъ ничего общаго. Она — не что иное, какъ развитіе и распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его маленькомъ стихотвореніи „Демонъ". Этотъ демонъ былъ „довольно мелокъ, изъ самыхъ ничтожныхъ". Онъ соблазнилъ однихъ юношей

Въ тѣ дни, когда имъ были *новы*
Всѣ впечатлѣнья бытія.

Поэтому ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли на него, ибо

Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасною мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

„Нѣкоторыя, говоритъ Пушкинъ, были мои встрѣчи съ

нимъ!" Знакомое съ демономъ другого поэта, наше время съ улыбкой смотритъ на Пушкинскаго чертенка. И не диво: для кого существуетъ истина, красота и благо, тѣ не сомнѣваются теперь въ ихъ существованіи: для кого же они не существуютъ, тѣ и не заботятся о нихъ. Но для первыхъ есть другой демонъ, и если они не знали его, —

Ихъ умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ;—межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно...

Это уже демонъ совсѣмъ другого рода: отрицать все для одного отрицанія и существующее стараться представлять не существующимъ—для него было бы слишкомъ пошлымъ занятіемъ, которое онъ охотно представляетъ мелкимъ бѣсамъ шумнаго гона, дьявольской черни и сволочи. Самъ же онъ отрицаетъ для утвержденія, разрушаетъ для созиданія: онъ наводитъ на человѣка сомнѣніе не въ дѣйствительности истины, какъ истины, красоты, какъ красоты, блага, какъ блага, но какъ этой истины, этой красоты, этого блага. Онъ не говоритъ, что истина, красота, благо—призраки, порожденные больнымъ воображеніемъ человѣка: но говоритъ, что иногда не все то истина, красота и благо, что считаютъ за истину, красоту и благо. Если бъ онъ, этотъ демонъ отрицанія, не признавалъ самъ истины, какъ истины, что противопоставилъ бы онъ ей? во имя чего сталъ бы онъ отрицать ея существованіе. Но онъ тѣмъ и страшенъ, тѣмъ и могущъ, что сѣва родитъ въ васъ сомнѣніе въ томъ, что доселѣ считали вы непререкаемой истиной, какъ уже кажетъ вамъ издалека идеалъ новой истины. И пока эта новая истина для васъ только призракъ, мечта, предположеніе, догадка, предчувствіе, пока не сознали вы ея и не овладѣли ею, вы — добыча этого демона, и должны узнать всѣ муки неудовлетворяющаго стремленія, всю пытку сомнѣнія, всѣ страданія безотраднаго существованія. Но съ сущности это преблагонамѣренный демонъ: если онъ и губитъ иногда людей, если и дѣлаетъ несчастными цѣлые

эпохи, то не иначе, какъ желая добра человѣчеству и всѣ-ми выручая его. Это демонъ движенія, вѣчнаго обновленія, вѣчнаго возрожденія...

Этого демона Пушкинъ не зналъ, и оттого такъ и заботился о родословныхъ вообще. Его Мефистофель, въ „Сценѣ изъ Фауста", все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воспѣлъ онъ въ молодости подъ громкимъ именемъ „демона". Это просто на-просто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина—не измученный неудовлетвореннои жаждои знанія человѣкъ, а какои-то пресытившіяся гулякa, которому уже ничего въ горло не-лезетъ, un homme blasé. Несмотря на то, пьеса эта написана ловко и бойко, и потому читается легко и съ удовольствіемъ.

„Пиръ во время Чумы", отрывокъ изъ трагедіи Вильсона: „The city of the plague", принадлежитъ къ загадочнымъ произведеніямъ Пушкина. Всѣмъ извѣстно, что „Скупой Рыцарь" его оригинальное произведеніе, а онъ назвалъ его отрывкомъ изъ трагикомедіи Чепстона: „The caveteous Knigth", для того, какъ говорятъ, чтобъ посмотрѣть, какое дѣйствіе произведетъ на нашу публику это сочиненіе. Можетъ быть, и Вильсонъ долженъ брать Чепстону, хотя и есть слухи, что какъ Вильсонъ, такъ и пьеса его—факты не вымышленные. Какъ бы то ни было, но если пьеса Вильсона такъ же хороша, какъ переведенныи изъ нея Пушкинымъ отрывокъ, то нельзя не согласиться, что этотъ Вильсонъ написалъ великое произведеніе. Можетъ быть и то, что Пушкинъ только воспользовался идеей, воспроизвелъ ее по своему, и у него вышла удивительная поэма, не отрывокъ, а цѣлое, оконченное произведеніе. Основная мысль—оргія во время чумы, оргія отчаянія, тѣмъ болѣе ужасная, чѣмъ болѣе веселья. Мысль по-истинѣ трагическая! И какъ много выразилъ Пушкинъ въ этои маленькои поэмѣ, какъ рѣзко обрисованы въ ней характеры, сколько драматическаго движенія и жизни! Умилительная пѣсня Мери, столь наивная и нѣжная выраженіемъ, столь страшная содержаніемъ, про-

извлечь на читателя невыразимое впечатлѣніе. Какъ много страннаго смысла въ просьбѣ предсѣдателя оргіи спѣть эту пѣсню! Но пѣснь предсѣдателя оргіи въ честь чумы — яркая картина гробоваго сладострастія, отчаяннаго веселья: въ ней слышится дикое вдохновеніе несчастія и, можетъ быть, преступленія сильной натуры... Такіе переводы, если они и близко вѣрны подлинникамъ, стоятъ оригинальныхъ произведеній. Не потому ли на Жуковскаго у насъ никто не смотритъ какъ на переводчика, хотя и всѣ знаютъ, что лучшія его произведенія—переводы?

„Моцартъ и Сальери" — цѣлая трагедія, глубокая, великая, ознаменованная печатью моцарта генія, хотя и небольшая по объему. Ея идея — вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія. Есть организаціи несчастныя, недовольныя, одаренныя сильнымъ талантомъ, пожираемыя сильною страстью къ искусству и къ славѣ. Любя искусство для искусства, онѣ приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои, съ невозможнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы понести рабство, влачить себя на нѣсколько лѣтъ какому нибудь художнику, лишь бы онѣ открыли тайны своего искусства. Если такой человѣкъ положительно безталаненъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самодовольный Трещалковскій, который и живетъ и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ великій геній. Но если это человѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, и главное — съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностію глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство — изъ него выходитъ Сальери. Для выраженія своей идеи Пушкинъ умѣлъ выбрать эти два типа. Въ Сальери, какъ мало извѣстнаго лицу, онъ могъ сдѣлать, что ему угодно, но въ лицѣ Моцарта онъ исторически умѣлъ выбрать безпечнаго художника, „дитя природы". У Сальери свои мысли, за его сторонѣ своего рода справедливость, неразборчивая въ отношеніи къ цѣли, но для него самого оправдываемая могучими страстями его страсти къ искусству, возвышаемой его словомъ. Въ немъ борются, спорятъ, страстей, страстенъ,— самый художникъ въ

которыми родится человѣкъ, которая, какъ проклятіе, получитъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своей кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой человѣкъ всегда лицо трагическое: онъ можетъ быть отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшонъ. Его страсть—родъ помѣшательства при здравомъ состояніи разсудка. Сальери зналъ умомъ, зналъ любить музыку и зналъ понимать ее, что сейчасъ поетъ, что Моцартъ геній, и что онъ, Сальери, ничто передъ нимъ. Сальери былъ гордъ, благороденъ, и никому не завидовалъ. Пріобрѣтенная имъ слава была счастіемъ его жизни; онъ ничего больше не требовалъ у судьбы. Вдругъ видитъ онъ „безумца, гуляку праздная", на чело котораго горитъ помазаніе выше...

О небо!
Гдѣ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ—
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки праздная? О, Моцартъ, Моцартъ!

Моцартъ является со всей простотой, веселостью, шутливостью, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ геній, по своему простодушію не подозрѣвающій собственнаго величія или не видящій въ немъ ничего особеннаго. Онъ приноситъ съ собой къ Сальери стараго скрипача-нищаго и велитъ ему сыграть что-нибудь изъ Моцарта. Сальери въ бѣшенствѣ отъ эту профанацію высокаго искусства. Моцартъ хохочетъ, какъ шаловливый ребенокъ, потомъ играетъ для Сальери фантазію, набросанную имъ на бумагу въ безсонную ночь, и Сальери восклицаетъ въ ревнивомъ восторгѣ:

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь,
Я знаю, *я*!..

Моцартъ отвѣчаетъ ему наивно:

Ба! право? можетъ быть...
Но божество мое проголодалось...

Замѣтьте: Моцартъ не только не отвергаетъ непонимаемаго ему трагическаго дара, но даже самъ называетъ себя недо-

емъ, имѣетъ съ нимъ нѣкоторое сходство и Сальери. Въ этомъ видитъ Пушкинъ удивительное добродушіе и безпечность для Моцарта своею „геній“ ни по чемъ сказанное ему, что онъ геній. — онъ охотно согласится съ этимъ: начинайте доказывать ему, что онъ вовсе не геній,—онъ согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ равно искренно. Въ лицѣ Моцарта Пушкинъ представилъ намъ непосредственнаго геніальнаго поэта, который проявляетъ себя безъ усилія, безъ разсчета на успѣхъ, нисколько не подозрѣвая своего величія. Нельзя сказать, чтобъ всѣ геніи были таковы: но такіе особенно невыносимы для талантовъ вродѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери гораздо выше Моцарта: но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ. И потому самая простота Моцарта, его неспособность цѣнить самого себя еще больше раздражаетъ Сальери. Онъ не потому завидуетъ, что Моцартъ выше его, превосходство онъ могъ бы вынести благородно, потому что онъ ничто передъ Моцартомъ, потому что Моцартъ — геній, а талантъ передъ геніемъ — ничто... И вотъ онъ передрѣшается отравить его. „Иначе“, говоритъ онъ: „мнѣ съ нимъ погибнуть, мы — двѣ жертвы и служители музыки. И что послѣ насъ, если онъ останется еще живъ? Вѣдь, онъ не пойметъ безсмертья еще выше? Вѣдь, оно опять падетъ на него смерти?“ Вотъ она, логика страстей!..

За обѣдомъ въ трактирѣ Моцартъ случайно спрашиваетъ Сальери, правда ли, что Бомарше кого-то отравилъ. Какъ истинный итальянецъ, Сальери отвѣчаетъ, что отравилъ, потому что Бомарше былъ слишкомъ смѣшонъ для такого ремесла. Моцартъ тутъ же при этомъ напѣваетъ:

Опять же геній,
Какъ ты да я. А геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

Эта выходка усторожила рѣшимость Сальери. Здѣсь Пушкинъ поразилъ насъ Шекспировскимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Въ простодушныхъ словахъ Моцарта онъ сосредоточилъ все жгучее и терзающее для раны, которую нанесъ Сальери. Онъ зналъ себя, какъ человѣка слова, а не

ко злодѣйство, а между тѣмъ самъ геній говоритъ, что геній и злодѣйство несовмѣстны, и что слѣдовательно онъ, Сальери, не геній. А! такъ я не геній? Вотъ же тебѣ, и ядъ брошенъ въ стаканъ геніи. Но когда Моцартъ выпилъ, Сальери какъ-бы съ смущеніемъ и ужасомъ восклицаетъ:

Постой.
Постой, постой!.. ты выпилъ!.. безъ меня?

Это опять истинно-драматическая черта! Но вотъ одна изъ тѣхъ смѣлыхъ, обнаруживающихъ глубочайшее знаніе человѣческаго сердца чертъ, которыя никогда не могутъ придти въ голову таланту, всегда слѣдующему „нѣкоей мысли развлеченьемъ", и не которыя онъ никогда не рѣшился, если бы онѣ и могли придти къ нему: это Сальери, съ умиленіемъ слушающій Requiem Моцарта и говорящій ему:

Эти слезы
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страшившій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Какъ прекрасны эти слова сами-по-себѣ, какъ характеромъ умиленія, какъ они должны быть исполнены любви къ Моцарту! „Другъ Моцартъ", вѣдь не убійца Моцарта любитъ свою жертву, любитъ ее за ту же самую, за которую ненавидитъ... Только великое, геніальное можетъ имѣть власть въ глубинахъ человѣческой натуры такія страсти, такія противорѣчія, и изобразить ихъ такъ просто, что онѣ становятся намъ понятными безъ объясненій...

Послѣдняя сцена Сальери, когда духъ Моцарта, оставшись одинъ, ходитъ по комнатѣ съ различными и замѣчаетъ на самой себѣ сцену:

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ! Но уже-ль онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:

А Бонароттн? Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы—и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

Какая глубокая и поучительная трагедія! Какое огромное содержаніе и въ какой безконечно-художественной формѣ! Но намъ предстоитъ переходить отъ одного чуда искусства къ другому, и тяжесть взятой нами на себя обязанности смущаетъ насъ своей несоразмѣрностью съ нашими силами. Ничего нѣтъ легче, какъ говорить о слабомъ произведеніи или открывать слабыя стороны хорошаго: ничего нѣтъ труднѣе, какъ говорить о произведеніи, которое вѣчно и въ цѣломъ и въ частяхъ! Къ такимъ принадлежатъ: „Моцартъ и Сальери", „Скупой Рыцарь", „Каменный Гость" и „Русалка", о которыхъ, за исключеніемъ перваго, еще никѣмъ изъ нашихъ журналистовъ и критиковъ досель не сказано ни одного слова...

Нечего говорить объ идеѣ поэмы „Скупой Рыцарь": она слишкомъ ясна и сама по себѣ и по названію поэмы. Страсть скупости—идея не новая, но геній умѣетъ и старое сдѣлать новымъ. Идеалъ скупца одинъ, но типы его безконечно различны. Плюшкинъ Гоголя гадокъ, отвратителенъ, это—лицо комическое; Баронъ Пушкина ужасенъ—это лицо трагическое. Оба они страшно истинны. Это не то, что скупой Мольера: риторическое олицетвореніе скупости, карикатура, памфлетъ. Нѣтъ, это лица страшно истинныя, заставляющія содрогаться за человѣческую природу. Оба они поражаемы одной гнусной страстью, и все-таки нисколько одинъ на другого не похожи, потому что и тотъ и другой — не аллегорическое олицетвореніе выражаемой ими идеи, но живыя лица, въ которыхъ общій порокъ выразился индивидуально, лично. Мы сказали, что скупой Пушкина — лицо трагическое. Альберъ говоритъ жиду: когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, на что мнѣ тогда и деньги?

Жидъ. Деньги?—Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда, сюда;

Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ,
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ, и самъ имъ служитъ:
И какъ же служитъ? какъ алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной! *Въ нетопленной конурѣ*
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.

Въ этомъ портретѣ мы видимъ лицо чисто комическое: не сойдемъ съ подмостокъ, гдѣ этотъ старикъ любуется своимъ золотомъ, и пусть онъ багровымъ краскомъ своего комическаго фальста скроетъ намъ мрачныя бездны сердца своего героя: мы содрогнемся отъ трагическаго величія этой страсти скупости: мы увидимъ, что она естественна, что у нея есть своя логика. Любуясь своимъ золотомъ, старый баронъ восклицаетъ:

Что не подвластно мнѣ!.. Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И *вольный* геній мнѣ *поработится*,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды;
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему:
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...

Ужасно, потому что истинно! Да, въ словахъ этого отверженца человѣчества, къ несчастію, все истинно, кромѣ того, что не въ его волѣ покинуть многое изъ того, что могъ бы онъ вынести. Въ этомъ и заключается наказаніе за порокъ скупости. Скупецъ раскрываетъ всѣ свои сундуки и выкидаетъ (ужасное мотовство!) по свѣту передъ каждымъ

нихъ. Это его сладострастіе, его оргія! При видѣ освѣщенныхъ грудъ золота онъ приходитъ въ сатанинскій восторгъ, и въ патетической рѣчи обнажаетъ передъ нами страшныя тайны страшнѣйшей изъ человѣческихъ страстей. Золото — кумиръ этого человѣка, онъ исполненъ къ нему поэтическаго чувства, говоритъ о немъ языкомъ благоговѣнія, служитъ ему, какъ преданный, усердный жрецъ! Расточить его наслѣдіе, по его мнѣнію, — значитъ разбить священные сосуды, напоить грязь нарскимъ елеемъ. Онъ смотритъ еще на золото, какъ молодой, пылкій человѣкъ на женщину, которую онъ страстно любитъ, обладаніе которой онъ купилъ цѣной страшнаго преступленія и которая тѣмъ дороже ему. Онъ хотѣлъ бы спрятать ее отъ „недостойныхъ взоровъ", его ужасаетъ мысль, чтобы она не принадлежала кому-нибудь послѣ его смерти.

По выдержанности характеровъ (скряги, его сына, герцога, жида), по мастерскому расположенію, по страшной силѣ пафоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и окончательности, словомъ, по всему эта драма—огромное, великое произведеніе, вполнѣ достойное генія самого Шекспира.

Изъ міра средневѣковъ въ Западной Европы, изъ міра рыцарей и феодальныхъ рабовъ перенесемъ въ міръ древней Руси, міръ полу-историческій, міръ полу-сказочный. Говорятъ, будто „Русалка" была писана Пушкинымъ, какъ либретто для оперы. Если бы это было и правда, то хотя самъ Моцартъ написалъ бы музыку на эти слова, — опера не была бы выше своего либретто, — тогда какъ до сихъ поръ лучшія оперы писаны на глупѣйшія и пошлѣйшія слова... Но это предположеніе едва ли основательно. За исключеніемъ двухъ хоровъ русалокъ и одной свадебной пѣсни, да голоса невидимой русалки на свадебномъ пиру, вся пьеса писана пятистопнымъ ямбомъ, слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пѣнія.

Въ фантастической формѣ этой поэмы скрыта самая простая мысль, разсказана самая обыкновенная, но тѣмъ больше ужасная исторія. Мельникъ, человѣкъ не злой, не развратный, но слабый сколько по любви къ дочери, столько, мо-

жетъ быть, и по страху къ княжескому могуществу, сквозь пальцы смотрѣлъ на связь своей дочери съ княземъ. Какъ человѣкъ хладнокровный, какъ мужчина, онъ тотчасъ понялъ, почему посѣщенія князя на его мельницу сдѣлались рѣже, и видя, что стараго уже не воротить, совѣтуетъ дочери воспользоваться хотя матеріальными выгодами этой связи. Но дочь — существо любящее и страстное, привязчивое, слѣдовательно, обреченное на несчастье и гибель,— и вѣрить не хочетъ, чтобъ ея любезный охладѣлъ къ ней. Она говоритъ:

Онъ занятъ; мало-ль у него заботы?
Вѣдь, онъ не мельникъ; за него не станетъ
Вода работать! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжеле.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему. Когда князья трудятся?
И что̀ ихъ трудъ? травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да собирать сосѣдей,
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ.
Онъ самъ работаетъ—куда какъ жалко!

Но слышится топотъ коня — и бѣдная женщина все забыла. Она видитъ, что князь печаленъ, но не умѣетъ, не можетъ понять сразу, отчего такъ превосходитъ ее эта печаль. Онъ объясняется съ ней довольно осторожно, но тѣмъ не менѣе ясно: онъ женится на другой: онъ — князь, онъ не воленъ въ выборѣ невѣсты. Она оцѣпенѣла, а онъ, благородный мужчина, радъ тому, что дѣло обошлось безъ бури, не понимая, что эта тишина страшнѣе всякой бури,—и на полумертвую надѣваетъ ей новизну и ожерелье, даетъ ей для отца мѣшокъ денегъ, и хочетъ уйти...

Она. Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

Князь. Припомни.

Она. Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы на вѣки въ самомъ дѣлѣ
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся...

За этой страшной, трагической сценой слѣдуетъ другая, не менѣе ужасная. Подарки князя глубоко оскорбили несчастную. Она отдаетъ отцу его мѣшокъ съ деньгами.

Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!..

Мельникъ (*въ слезахъ*). До чего я дожилъ!
Что Богъ привелъ услышать!

Бѣднякъ въ немъ замеръ, проснулся отецъ... несчастная бросилась въ Днѣпръ... Мы на свадьбѣ, картина которой съ удивительной вѣрностью передана поэтомъ во всемъ ея простодушіи старинныхъ русскихъ нравовъ. Хоръ дѣвушекъ — прелесть... Вдругъ, среди наивнаго веселья, раздается фантастическій голосъ...

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
А слыхала-ль ты, рыбка сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечоръ у насъ красная дѣвица утопилась,
Утопая, милаго друга проклинала?

Общее смятеніе. Князь велитъ конюшему отыскать мельничиху; ея, разумѣется, не находятъ...

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Княгиня жалуется на охлажденіе къ ней мужа; няня утѣшаетъ ее, не подозрѣвая, что въ грубой и невѣжественной простотѣ ея добродушныхъ словъ скрывается ужасная, роковая истина:

Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
Курп-куку! махъ, махъ крыломъ—и прочь;
А женщина—что бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,
Ни пьетъ ни ѣстъ, глядитъ—не наглядится;
Женился,—и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,

То на войну нелегкая несетъ,
Туда, сюда—а дома не сидится.

Не есть ли это законная кара сильному полу за безаконное рабство, въ которомъ онъ держитъ слабый полъ? Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать по обольщеніи любовныхъ похожденій героя поэмы, этого русскаго донъ-Хуана... Наскучивъ женой, онъ вспоминаетъ о прежней любви, раскаялся, какъ въ глупости, что бросилъ дочь мельника, не понимая, что она потому только стала ему мила, что ее нѣтъ съ нимъ, что его жена не мила ему...

Сцена на берегу Днѣпра. Ночь. Раздается хоръ русалокъ, напоминающій своимъ фантастически-шумнымъ напѣвомъ оргіи Valse infernal изъ „Роберта Дьявола“:

Веселой толпою
Съ глубокаго дна
Мы ночью всплываемъ,
Насъ грѣетъ луна.
Любо намъ ночной порою
Дно рѣчное покидать.
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.

Одна.

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ на землѣ.

Этотъ „кто-то“ —князь, котораго влекутъ къ этимъ мѣстамъ воспоминанія прежней счастливой любви. Вдругъ онъ встрѣчается съ отцомъ погубленной имъ дѣвушки.

Старикъ. Здорово.

Здорово, зять!

Князь. Кто ты?

Старикъ. Я здѣшній воронъ.

Князь. Возможно-ль? это мельникъ!..

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы спрыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

Отосланная княземъ свита является опять къ нему, по приказанію обезпокоенной княгини. Это вниманіе со стороны уже нелюбимой имъ жены раздражаетъ его, и досада его изливается обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ восклицаніемъ, однимъ и тѣмъ же съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, какъ существуютъ въ немъ охладѣлые любовники и постоянныя любовницы, и наоборотъ:

Несносна
Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ нельзя ступить безъ няньки?

Въ послѣдней сценѣ князь встрѣчается съ своей дочерью-русалкой, которая послана матерью уловить его... Какъ жаль, что эта пьеса не кончена! Хотя ея конецъ и понятенъ: князь долженъ погибнуть, увлеченный русалками на дно Днѣпра. Но какими бы фантастическими красками, какими бы дивными образами все это было сказано у Пушкина—и все это погибло для насъ!.. „Русалка" въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій геній только въ эпоху полнаго своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ высказывать столько общечеловѣческаго, дѣйствительнаго, реальнаго, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію...

Теперь мы приблизились къ перлу созданій Пушкина, къ богатѣйшему, роскошнѣйшему алмазу въ его поэтическомъ вѣнкѣ... Для кого существуетъ искусство какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, тѣ

того „Каменный Гость" не можетъ не казаться, безъ всякаго сравненія, лучшимъ и высшимъ въ художественномъ отношеніи созданіемъ Пушкина... Какая дивная гармонія между идеей и формой! какой стихъ, прозрачный, мягкій и упругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная, какая антично-благородная простота стиля! какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ! Принимаясь перечитывать это чудное созданіе искусства, восклицаешь мысленно къ поэту:

Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины рдѣютъ...
О, разскажи-жъ ты намъ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ ревнивой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ...

Такая тема не можетъ пользоваться популярностью Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять Для непонимающихъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны: для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма Но первыхъ много, послѣднихъ мало, и потому она существуетъ для немногихъ...

Герои ея — лицо миѳическое, испанскій Фаустъ. Идея донъ-Хуана могла родиться только въ странѣ, гдѣ жить — значитъ любить и драться, а быть счастливымъ и великимъ значитъ быть любимымъ и храбрымъ, въ странѣ, гдѣ религіозность доходитъ до фанатизма, храбрость до жестокости, любовь—до изступленія, гдѣ романическая настроенность дѣлаетъ героемъ и кавалера и разбойника. Но донъ-Хуанъ, какимъ является онъ у Пушкина,—не изступленный любовникъ, не мрачный изувѣръ: онъ слишкомъ умѣетъ, чтобъ сходить съ ума женщинъ и не знать никакихъ препятствій удовлетворенію своихъ желаній. Красавецъ собой, стройный, ловкій, онъ веселъ и остеръ, искренекъ и лживъ, страстенъ и холоденъ, умѣнъ и повѣса, красно-

рѣчивъ и дерзокъ, храбръ, смѣлъ, отважевъ. Какъ во всякой высшей натурѣ, въ немъ есть что-то импонирующее. Можетъ быть, это сила его воли, широкость и глубина его души. Для него жить значитъ наслаждаться: посреди своихъ побѣдъ, онъ сейчасъ готовъ умереть; умертвить же соперника въ честномъ бою и насладиться любовью въ присутствіи трупа, ему ровно ничего не значитъ. Онъ вѣритъ въ свою звѣзду, и потому на всякаго, кто вызоветъ его, смотритъ заранѣе какъ на убитаго. Такіе люди опасны для женщинъ и не знаютъ, что такое неуспѣхъ въ любви или волокитствѣ. Женщина больше всего обожаетъ въ мужчинѣ силу, мужественность, могущество. Она любитъ, чтобъ онъ былъ съ ней не только нѣженъ, но и дерзокъ. Донъ-Хуанъ имѣетъ въ себѣ все это. Въ глазахъ женщины онъ левъ между мужчинами, не въ повѣйшемъ, пошломъ значеніи этого слова, означающаго франта и модника, а въ смыслѣ превосходства, храбрости и мужества.

Донъ-Хуанъ является ночью въ Мадритъ. Изъ его разговора съ слугой мы узнаемъ, что онъ былъ въ ссылкѣ за дуэль и воротился тайкомъ. Онъ спрашиваетъ у Лепорелло, могутъ ли узнать его?

Да, донъ-Хуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Изъ этой грубой похвалы слуги видно ясно, что такое донъ-Хуанъ для всего Мадрита. Мѣсто, въ которомъ они находились въ то время, напоминаетъ донъ-Хуану женщину, которую онъ, кажется, любилъ больше другихъ, — и онъ говоритъ задумчиво:

Бѣдная Инеза!
Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!
. . . . . .
Чудную пріятность
И находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно:
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно,—мало было
Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ

У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной;
А мужъ ея былъ негодяй суровой—
Узналъ я поздно. Бѣдная Инеза!

Въ этихъ немногихъ стихахъ цѣлый портретъ женщины, вся исторія ея жизни... Самое воспоминаніе о ней, столь полное любви и грусти, уже говоритъ, какова должна была быть эта женщина, которая, не будучи красавицей, умѣла привязать къ себѣ такого человѣка. Но грусть воспоминанія не долго занимаетъ донъ-Хуана.

Лепорелло.

Что-жъ? вслѣдъ за ней другія были.

Донъ-Хуанъ.

Правда.

Лепорелло.

А живы будемъ, будутъ и другія.

Донъ-Хуанъ.

И то.

На этотъ разъ онъ хочетъ итти къ Лаурѣ. Но является монахъ, и онъ съ нимъ нѣсколько минутъ говоритъ, что на монастырское кладбище сейчасъ должна придти донья-Анна, чтобъ плакать на могилѣ своего мужа, убитаго нашимъ героемъ. Донъ-Хуанъ успѣлъ замѣтить только ея маленькую ножку! но этого довольно для него, чтобъ рѣшиться узнать ее покороче; а пока онъ спѣшитъ къ Лаурѣ.

Лаура — актриса, жрица искусства и наслажденія. Въ ней нѣтъ притворства и лицемѣрія: она вся наружу. Молодая и прекрасная, она не думаетъ о будущемъ, и живетъ для настоящей минуты. Она вѣчно окружена мужчинами и обходится съ ними безъ церемоніи, иногда даже съ какимъ-то граціознымъ цинизмомъ. У ней гости; они въ восторгѣ отъ ея игры въ этотъ вечеръ: только одинъ между ними мраченъ. Это донъ-Карлосъ, у котораго донъ-Хуанъ убилъ брата. Она спѣла пѣсню („Я здѣсь, Инезилья") и сказала, что эту пѣсню сочинилъ „ея вѣрный другъ, ея вѣтреный любовникъ донъ-Хуанъ". Это имя приводитъ донъ-Карлоса въ бѣшенство, и онъ ругаетъ его безбожникомъ и мерзавцемъ, а ее — дурой. Она грозитъ своимъ слугамъ своимъ

жарѣзать его; но онъ успокаивается, и они мирятся. Гости уходятъ, и она говоритъ Карлосу:

Ты, бѣшеный, останься у меня,
Ты мнѣ понравился; ты донъ-Хуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Оставшись съ ней, Карлосъ, вмѣсто лести и любезности, заводитъ мрачные разговоры: теперь ты молода, говоритъ онъ ей, окружена поклонниками, а лѣтъ черезъ шесть, когда глаза твои впадутъ и сѣдина блеснетъ въ косѣ, что тогда съ тобой будетъ? — Этотъ человѣкъ такъ же пустъ, какъ и донъ-Хуанъ, только другимъ образомъ. Онъ мраченъ и въ молодости, мраченъ наединѣ съ прекрасной женщиной, которая сказала ему, что она его любитъ; къ старости же изъ него былъ бы готовъ отличный пиѳагоръ, который съ полнымъ убѣжденіемъ и спокойной совѣстью жегъ бы ереписовъ и съ особеннымъ наслажденіемъ бичевалъ бы самого себя... Лаура въ старости сдѣлалась бы дуэньей и мастерски помогала бы ввѣренной ей бдительности жены проводить за носъ мужа, а, можетъ быть, пошла бы въ монастырь: но пока она не хочетъ слышать ни о вздорѣ — о будущемъ.

Является донъ-Хуанъ: Лаура въ радости бросается ему на шею: Карлосъ вызываетъ его — и падаетъ мертвый.

Донъ-Хуанъ. Вставай, Лаура, кончено.
Лаура. Что тамъ?
Убитъ? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ!
Куда я выброшу его?
Донъ-Хуанъ. Быть можетъ,
Онъ живъ еще.
Лаура. Да! живъ! гляди, проклятый,
Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
А ужъ не дышитъ — каково?

Въ слѣдующей сценѣ донъ-Хуанъ въ монашеской рясѣ уже разговариваетъ съ доньей-Аной. Она проситъ его соединить молитвы съ ея молитвами.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, донна-Анна!
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, *склонившись тихо,*
Вы кудри черныя на мраморъ блѣдный
Разсыплете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ;
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

Что это—языкъ коварной лести или голосъ сердца? Мы думаемъ, и то и другое вмѣстѣ. Отличіе людей такого рода, какъ донъ-Хуанъ, въ томъ и состоитъ, что они умѣютъ быть искренно страстными въ самой лжи и непритворно холодными въ самой страсти, когда это нужно. Донъ-Хуанъ распоряжается своими чувствами, какъ полководецъ солдатами: не онъ у нихъ, а они у него во власти и служатъ ему къ поглощенію цѣли. Донья-Анна изумлена странностью такихъ рѣчей въ устахъ монаха; но донъ-Хуанъ идетъ далѣе и съ изумительной дерзостью признается ей, что онъ не монахъ, но пока прикрывается вымышленнымъ именемъ. Сцена эта ведена съ непостижимымъ искусствомъ. Донья-Анна гонитъ его прочь, а между тѣмъ хочетъ знать, кто же онъ, и чего онъ требуетъ...

Смерти!
О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь не похоронятъ,
Не подлѣ праха милаго для васъ,
Не тутъ—не близко—далѣ гдѣ-нибудь.
Тамъ—у дверей—у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Придете кудри наклонять и плакать...

Донья-Анна защищается все слабѣе и слабѣе: у нея вырывается кокетливый вопросъ: „И любите давно ужъ вы

меня?" Самолюбіе ея затронуто—до сердца недалеко.. Она назначила ему свиданіе у себя дома завтра вечеромъ...

Донья-Анна — такъ же пылкая испанка, какъ и Лаура, только въ другомъ родѣ. Та — баядера европейскихъ обществъ, а эта — ихъ матрона, обязанная обществомъ быть лицемѣркою и пріученная къ лицемѣрству. Она дѣвочка; посѣщеніе монастырей, набожныя занятія и слезы надъ гробомъ мужа (суроваго старика, за котораго вышла насильно и котораго никогда не любила) суть единственная ограда, единственное утѣшеніе ея, бѣдной безутѣшной вдовы... Но она женщина, и притомъ южная: страсть у нея — дѣло минуты, и ни поворъ общественнаго мнѣнія ни лютая казнь не помѣшаютъ ей отдаться вполнѣ тому, кто умѣлъ заставить ее полюбить...

Донъ-Хуанъ въ восторгѣ отъ своего успѣха. Хотъ онъ и привыкъ къ побѣдамъ, но эту онъ считалъ труднѣе, чѣмъ оказалось, потому что донья-Анна возбудила въ немъ сильную страсть. Повѣса въ радости своей велитъ Лепорелло звать статую командора къ донъ-Аннѣ на завтрашній вечеръ. Статуя кивнетъ ему головой въ знакъ согласія. Лепорелло въ ужасѣ. Донъ-Хуанъ самъ зоветъ ее—и съ ужасомъ видитъ, что она кивнула и ему...

Но донъ-Хуанъ не такой человѣкъ, чтобъ что-нибудь могло остановить его. Онъ у вдовы Рѣчи его страстны, нѣжны, льстивы, вкрадчивы: искусно сумѣлъ онъ, возбудивъ ея женское любопытство, объявить донъ-Аннѣ собственное имя. Онъ хочетъ, чтобъ его любили для него самого, чтобъ его обнимала жена убитаго имъ мужа. Но она уже любитъ его, и его дерзость еще болѣе увлекаетъ ее. Не торопясь глупо, онъ проситъ на разставанье только одного холоднаго и мирнаго поцѣлуя—и получаетъ поцѣлуй... Но вотъ входитъ статуя, съ словами:

„Я на зовъ явился".

Донъ-Хуанъ. О, Боже, донна Анна!

Статуя. Брось ее;
Все кончено. Дрожишь ты, донъ-Хуанъ?

Донъ-Хуанъ. Я? нѣтъ! я звалъ тебя, и радъ,
что вижу.

Статуя. Дай руку.

Донъ-Хуанъ. Вотъ она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!..
Я гибну—кончено—о, донна Анна!..

Онъ провалился. Это фантастическое окончаніе поэмы не вмѣняется въ статую производить непріятное впечатлѣніе, потому что не возбуждаетъ того ужаса, который обыкновенно бы возбуждалъ. Въ наше время статуя не должна, и внѣшнихъ развязокъ, deux ex machina, не любитъ: но Пушкинъ былъ связанъ преданіемъ и оперой Моцарта, неразрывной съ образомъ донъ-Хуана. Иначе и быть не могло. Драма непремѣнно должна была разрѣшиться трагически—гибелью донъ-Хуана: иначе она была бы веселой повѣстью, не больше, и была бы лишена идеи, лежащей въ ея основаніи. Что такое донъ-Хуанъ? Не отчаянный, чтобъ жить не одной физической жизнью, но и нравственной вмѣстѣ, только умѣть ее создать какъ слѣдуетъ, то-есть чтобъ она текла безпрестанно, вліяніемъ на что-нибудь. Иначе жизнь его была бы не полна или пуста. Въ поискахъ высшей цѣли онъ встрѣтилъ любовь, но склонность, это влеченіе противоположныхъ, можетъ-статься, составляющихъ ихъ силъ. Онъ находитъ свою страсть, находитъ свою женщину, но... и здѣсь, какъ вездѣ, онъ ищетъ, гдѣ бы ему найти ее, и не находитъ. Донъ-Хуанъ посвятилъ свою жизнь наслажденію любовью, не отдаваясь однако ни одной женщинѣ исключительно. Это путь ложный. Не говоря уже о томъ, что мужчинѣ невозможно наполнить всю жизнь свою одной любовью, его односторонее стремленіе не можетъ не обратиться въ безнравственную крайность, потому что для удовлетворенія ея онъ долженъ быть губить женщинъ по ихъ положенію въ обществѣ и онъ сдѣлать себѣ изъ этого ремесло. Осторожность не условной, но истинно-нравственной идеи всегда влечетъ за собою наказаніе, разумѣется, нравственное же. Самымъ естествен-

нимъ показаніемъ дона-Хуана могла бы быть истинная страсть къ женщинѣ, которая или не развѣялась бы этой страсти, или отдалась бы ей вполнѣ. Кажется, Пушкинъ это и думалъ сдѣлать: по крайней мѣрѣ, такъ заставляетъ думать послѣднее, изъ глубины души вырвавшееся у дона-Хуана восклицаніе: „О, донна-Анна!“ когда его увлекаетъ статуя: но эта статуя портитъ все дѣло, въ чемъ, какъ мы замѣтили выше, нашъ поэтъ не виноватъ нисколько.

Такъ, несмотря на это, „Каменный Гость“ въ художественномъ отношеніи есть лучшее созданіе Пушкина,— а это много, очень много!

„Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ представляютъ мышленнаго, возгнушавшагося своимъ состояніемъ и оставшаго поэзію въ благородныхъ, а между тѣмъ чуть не поплатившагося на висѣлицу. Такія исторіи случались въ средніе вѣка, и Пушкинъ мастерски вложилъ одну изъ нихъ въ форму сцены, написанныхъ прозою. Однакожъ эти сцены не имѣютъ достоинства глубокой идеи, которую поэтъ скорѣе бы могъ найти въ борьбѣ общины противъ феодаловъ. Впрочемъ, въ этихъ сценахъ есть превосходныя пѣсни („Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“), въ которыхъ сказано больше, нежели во всей цѣлости этихъ сценъ.

Сказки Пушкина: „О царѣ Салтанѣ“, „О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“, „О золотомъ пѣтушкѣ“, „О купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и о работникѣ его Балдѣ“ были плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности. Народныя сказки хороши и интересны такъ, какъ создала ихъ фантазія народа, безъ перемѣнъ, украшеній и переѣлокъ. Но „Сказка о Рыбакѣ и Рыбкѣ“, о которой мы не упомянули въ числѣ прочихъ сказокъ, заслуживаетъ исключенія, потому что въ ней есть положительныя достоинства. Это не народная сказка: народу принадлежитъ только ея мысль, но выраженіе, разсказъ, стихъ, самый колоритъ — все принадлежитъ поэту.

Поэтъ въ прозѣ Пушкинъ, хотя и далеко не можетъ равняться въ достоинствѣ съ лучшими, стихотворными его произведеніями далѣе перваго періода его дѣятельности,

однако тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ русской литературы. Первый его опытъ въ этомъ родѣ напечатанъ былъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1829 годъ, подъ названіемъ: „IV глава Историческаго Романа". Въ X томѣ полнаго собранія его сочиненій напечатано шесть главъ и начало седьмой этого романа, подъ названіемъ „Арапъ Петра Великаго". Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" IV-я глава напечатана не вполнѣ: но это едва ли не интереснѣйшій отрывокъ изъ всѣхъ семи главъ. Будь этотъ романъ конченъ такъ же хорошо, какъ начатъ, мы имѣли бы превосходный историческій русскій романъ, изображающій нравы величайшей эпохи русской исторіи. Поэтъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ своего романа выводитъ въ немъ на сцену и великаго преобразователя Россіи, во всей народной простотѣ его пріемовъ и обычаевъ. Не понимаемъ, почему Пушкинъ не продолжалъ этого романа. Онъ имѣлъ время кончить его, потому что IV-я глава написана имъ была еще прежде 1829 года. Эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна умѣщена въ историческіе романы Загоскина и Лажечникова, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, поровнѣ взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ. Передъ ними, передъ этими семью главами неоконченнаго „Арапа Петра Великаго", бѣдны и жалки повѣсти Кукольника, содержаніе которыхъ взято изъ эпохи Петра Великаго и которыя все-таки не лишены достоинства. Но это вовсе не похвала „Арапу Петра Великаго": великому небольшая честь быть выше ничтожествъ, — а больше его у насъ не съ кѣмъ сравнивать.

Въ 1831 году вышли „Повѣсти Бѣлкина", холодно принятыя публикой и еще холоднѣе журналами. Удивительно, хотя и нельзя сказать, чтобъ въ нихъ уже вовсе не было ничего хорошаго, все-таки эти повѣсти были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то въ родѣ повѣстей Карамзина, съ тою только разницей, что повѣсти Карамзина имѣли для своего времени великое значеніе, а повѣсти Бѣлкина были ниже своего времени. Особенно жалка изъ нихъ одна — „Барышня-крестьянка", неправдо-

подобная, болѣе читальная, представляющая помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія...

„Пиковая Дама" — собственно не повѣсть, а мастерской разсказъ. Въ ней удивительно вѣрно очерчена старая графиня, ея воспитанница, ихъ отношенія и сильный, но демонически-эгоистическій характеръ Германа. Собственно это не повѣсть, а анекдотъ: для повѣсти содержаніе „Пиковой Дамы" слишкомъ исключительно и случайно. Но разсказъ, повторяемъ, верхъ мастерства.

„Капитанская Дочка" — нѣчто вродѣ „Онѣгина" въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины. Многія картины по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изложенія — чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера француза и въ особенности его дядьки изъ инвалидовъ, Савельича, этого русскаго Калеба, Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума Ивана Игнатьевича, наконецъ, самого, Пугачева, съ его „господами енаралами"; таковы многія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ, не находимъ нужнымъ перечислять. Ничтожный, безцвѣтный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Маріи Ивановны и мелодраматическій характеръ Швабрина хотя принадлежатъ къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти, однакожъ не мѣшаютъ ей быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы.

„Дубровскій" — pendant къ „Капитанской Дочкѣ". Въ обѣихъ преобладаетъ начало помѣщичьяго принципа, и молодой Дубровскій представленъ Ахилломъ между людьми такого рода, — роль, которая рѣшительно не удалась Гриневу, герою „Капитанской Дочки". Но Дубровскій, несмотря на все мастерство, которое обнаружилъ авторъ въ его изображеніи, все-таки остался лицомъ мелодраматическимъ и не возбуждающимъ къ себѣ участія. Вообще вся эта повѣсть сильно отзывается мелодрамой. Но въ ней есть дивныя вещи. Старинный бытъ русскаго дворянства, въ лицѣ Троекурова, изображенъ съ ужасающей вѣрностью. Подьяческое и судопроизводство того времени тоже принадлежатъ къ блѣ-

сѣнящимъ сторонамъ повѣсти. Превосходно очерчены также и эпизоды. Но всего лучше — характеръ героини, по преимуществу русской женщины. Усѣченная жизнь и французскіе романы сильно развили въ ней не чувство, не страсти, а фантазію, и она считала себя идеальною героиней, готовой на всѣ жертвы для того, кого полюбитъ. Покуда ей приходилось только играть въ романъ, она была возможнымъ безумствомъ: но едва до дѣла — и она принялась за мораль и добродѣтель. Быть похищенной любовникомъ-разбойникомъ у алтаря, куда насильно привезли ее, чтобъ обвѣнчать съ развратнымъ старичишкою, казалось для нея очень „романтическимъ", слѣдовательно, чрезвычайно заманчивымъ. Но „добродѣтельно" отвѣчать, и она взялась этому обрадоваться и разыграла роль вѣрной жены, слѣдовательно, опять героини...

„Пѣвица села Горохина" — шутка острая, въ которой, впрочемъ, есть и серьезныя вещи, какъ, напримѣръ, прибытіе въ село Горохино управителя и картина его управленія.

„Кирджали" — мастерской разсказъ печальнаго происшествія.

Объ „Исторіи Пугачевскаго Бунта" мы не будемъ распространяться. Скажемъ только, что этотъ историческій опытъ — образцовое произведеніе и со стороны исторической и со стороны слога. Въ послѣднемъ отношеніи Пушкинъ вполнѣ достигъ того, къ чему Карамзинъ только стремился. „Исторію Пугачевскаго Бунта" дополняетъ, что если бы онъ успѣлъ написать исторію Петра Великаго, мы имѣли бы великое историческое созданіе...

Въ журнальныхъ статьяхъ своихъ Пушкинъ отрекался со всѣми своими притязаніями: въ нихъ видѣнъ человѣкъ, не чуждый образованности своего вѣка, но по какому-то странному упорству добровольно оставшійся при идеяхъ Карамзина, очень почтенныхъ для своего времени, которое давно прошло. Поэтому и по другимъ причинамъ многія изъ его журнальныхъ статей лишены всякой критики. Но нѣкоторыя изъ нихъ по многимъ отношеніямъ замѣчательны: таковы, напримѣръ: „Ломоносовъ", „О Мильтонѣ и Шато-

брізиновомъ переводѣ „Потеряннаго Рая", „Рославлевѣ" Очень любопытны его „Отрывки литературныя, критическія замѣчанія": въ нихъ онъ весь. Но полемическія его статьи — верхъ совершенства. Таковы: „Отрывокъ изъ „Литературныхъ Прогулокъ" и „Торжество Дружбы, или Оправданный Александръ Анонимовичъ Орловъ" и „Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ" *)

Трудъ нашъ конченъ. О достоинствѣ его мы не осмѣлились судить публикѣ: мы скажемъ только, что это еще первая попытка разобрать критически весь кругъ поэтической и литературной дѣятельности одного изъ величайшихъ поэтовъ Россіи. Мы смотрѣли на его произведенія съ любовью, но безъ ослѣпленія и предубѣжденія въ его пользу или противъ него. Пусть другіе сдѣлаютъ это лучше насъ: мы первые посильнымъ опытамъ нашимъ дѣлаемъ снисхожденіе и научиться у нихъ.

Заключаемъ: Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ-художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ былъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. И потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на геніальническіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку всякому, кто казался ему „человѣкомъ". Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски-кроткаго, мягкаго и нѣжнаго,

---

*) Эти статьи не вошли въ *полное* собраніе сочиненій Бѣлинскаго, вѣроятно, для большей *полноты*...

И все это отразилось въ его позднихъ созданіяхъ. Придетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство.

Конечно, придетъ время, когда потомство воздвигнетъ ему вѣковѣчный памятникъ: но тѣмъ страннѣе видѣть его современниковъ, что они не имѣютъ еще порядочнаго изданія его сочиненій. Скоро десять лѣтъ минетъ послѣ трагической кончины нашего великаго поэта, а мы не имѣемъ даже сноснаго собранія его твореній! Пора бы подумать объ этомъ.

В. Г. Бѣлинскій.

Алфавитный указатель

именъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ.

Алашевъ. 182.
Александръ Благословенный. 107.
Александръ Македонскій. 227.
Анакреонъ. 155.
„Анджело“. 212, 233.
„Андрей Шенье“. 15.
„Антоній и Клеопатра“, Шекспира. 186.
„Арапъ Петра Великаго“. 212, 256.
„Араукана“. 60.
Аріостъ. 6, 8, 9, 11.
Ахиллъ. 227.
„Ахиллъ“, Жуковскаго. 16.
Баратынскій. 201.
Барбье. 38.
„Барышня-Крестьянка“. 256.
Батюшковъ. 3, 9, 13, 89.
„Бахчисарайскій Фонтанъ“. 1, 26, 28—33, 35, 234.
Байронъ. 36, 56, 67, 100, 111, 159, 200, 219.
Бенедиктовъ. 145.
„Беппо“, Байрона. 100.
„Библіотека для Чтенія“. 201.
Богдановичъ. 2, 6, 9, 13, 107.
„Божественная Комедія“, Данте. 62.
Бомарше. 239.
„Борисъ Годуновъ“. 4, 34, 36, 55, 58, 175—212, 234
„Братья-Разбойники“. 1, 34, 35, 89, 90.
Буало. 3.
Булгаринъ. 259.
„Vengeance (une)“, Дюма. 46.
Верстовскій. 14.
Вяльсонъ. 236.
Виргилій. 3, 62, 63, 155.
„Владиміръ“. 60.
Воейковъ. 20.
Вольтеръ. 9, 154, 214.
„Вѣстникъ Европы“. 6, 10, 14, 16, 19.
Галилей. 230.
„Галубъ“. 212, 220, 228—232, 233.
„Генріада“. 60, 62, 64.
„Герой нашего времени“, Лермонтова. 95, 97, 99, 102, 109, 172.
Гёте. 63, 234.
Гоголь. 4, 98, 102, 103, 145, 214, 241.
Годуновъ, Борисъ. 179, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 202, 207, 208, 209, 210, 211, 212.
Гомеръ. 3, 60, 61, 62, 63, 155, 227.
Горацій. 3, 14, 61, 155, 171.
„Горе отъ ума“, Грибоѣдова. 4, 10, 97, 99, 101, 102, 103, 104.
„Графъ Нулинъ“. 34, 35, 56, 58, 85—87, 100, 214.

Грей. 16.
Грибоѣдовъ. 4, 10, 101, 102, 103, 104.
„Гуси“, Крылова. 216.
Давыдовъ, Денисъ. 37, 38, 47.
Данте. 62, 63.
„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, Жуковскаго. 6, 9, 16, 17.
Дельвигъ. 201.
„Демонъ“. 234, 236.
Державинъ. 2, 3, 5, 6, 20, 88, 89, 101, 107.
Димитрій Самозванецъ. 176, 186, 187, 194, 195, 206, 208, 209, 210, 211.
„Димитрій Самозванецъ“, Сумарокова. 185.
Дмитріевъ. 3, 5, 9, 15, 85, 99, 102, 107, 214.
„Дмитрій Донской“, Озерова. 89.
„Домикъ въ Коломнѣ“. 212, 213, 214.
Донской. 24.
„Донъ Жуанъ“, Байрона. 100.
Драйденъ. 14, 15.
„Дубровскій“. 212, 257.
„Душенька“, Богдановича. 6, 9, 13.
Дюма. 46
„Евгеній Онѣгинъ“. 34, 36, 55, 56, 58, 85, 87—175, 257.
„Египетскія Ночи“. 212, 220, 232, 233.
Екатерина Великая. 66, 106, 110, 257.
„Jeanne“, Жоржъ Зандъ 92.
„Женихъ“. 90, 91.
Жоржъ Зандъ. 92.
Жуковскій. 3, 9, 13, 16, 17, 20, 89, 93, 237.
Загоскинъ. 256.
Задека, Мартынъ. 132, 157.
„Иліада“, Гомера. 58, 60, 61, 63.
„Илья Богатырь“, Карамзина. 200.
Искра. 84.
„Исторія Государства Россійскаго“, Карамзина. 181, 187, 202.
„Исторія Пугачевскаго бунта“. 212, 258.
Іоаннъ Безземельный. 180.
Іоаннъ Грозный. 179, 182, 186, 190, 194, 195, 207.
Іоаннъ Калита. 189.
Іоаннъ III. 177, 178, 182, 190.
„Кавказскій Плѣнникъ“. 1, 19—28, 31, 33, 35, 227, 228.
„Каменный Гость“. 212, 241, 248—254.
Камоэнсъ. 7.
Кантемиръ. 2.
„Капитанская Дочка“. 212, 257.
Карамзинъ. 5, 107, 180, 181, 182, 183, 185, 187, 200, 201, 202, 256, 258.
Карлъ XII. 75, 84, 85.
Катенинъ. 201.
„Кирджали“. 212, 258.
Кирша Даниловъ. 7, 8, 10, 11, 91.
„Cleopatra ei suoi amanti“. 232.
Клопштокъ. 63.
Колумбъ, 111.
Корнель. 3, 154, 201, 204.
Кочубей. 65, 66, 70, 71, 72, 73, 74, 78, 84.
„Крао“, Эжена Сю. 46.
Кромвель. 62.
Крыловъ. 89, 92, 101, 102, 107, 216.
Кукольникъ. 256.
Курбскій. 176.
Лажечниковъ. 256.
Лафонтенъ. 89, 154.
Лермонтовъ. 4, 21, 91, 95, 102, 110.
„Литературная Газета“. 219.
Ломоносовъ. 2, 3, 5, 9, 87, 201, 220.

„Ломоносовъ". 258.
„Lusiades", 60.
„Людмила", Жуковскаго. 16, 17, 89.
Людовикъ VIII. 180.
„Лѣтопись села Горохина". 212. 258.
Мазепа. 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 85.
Малюта Скуратовъ. 182, 190, 194.
Марлинскій. 145, 172.
Медичи, Екатерина. 180.
Мерзляковъ. 15.
„Мертвыя Души", Гоголя. 87, 99.
„Мессіада", Клопштока. 60, 62, 63.
Мильвуа. 3.
Мильтонъ. 3, 259.
Мининъ. 215.
Мирабо. 38.
„Модная Жена", Дмитріева. 85, 99.
Мольеръ. 241.
„Московскій Вѣстникъ". 176.
Моцартъ. 237, 238, 239, 240, 243, 254
„Моцартъ и Сальери". 212, 237—241.
„Мѣдный Всадникъ". 212, 220—227, 232, 233.
„Наполеонъ". 15.
Новиковъ. 107.
„Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ". 259.
Овидій. 3, 56.
„Одиссея", Гомера. 58, 60, 61.
Одоевскій, кн. 110.
Озеровъ. 5, 89.
„О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ" „Потеряннаго Рая". 259.
„Orlando furioso", Аріоста. 8.
Орликъ. 68, 72, 73.
„Освобожденный Іерусалимъ", Тасса. 60, 62.
„Отелло", Шекспира. 69.
„Отечественныя Записки". 1.
Отрепьевъ. 207, 208, 209, 211.
„Отрывки: литературныя и критическія замѣчанія". 259
„Отрывокъ изъ „Литературныхъ Лѣтописей". 259.
Палій. 78.
Парни. 3, 6.
„Патріада", Ломоносова. 60, 87.
Петровъ. 2, 3, 87.
Петръ Великій. 64, 65, 66, 67, 68, 69, 75, 77, 84, 85, 92, 94, 106, 108, 176, 177, 190, 196, 199, 207, 221, 222, 226, 227, 256, 258.
„Пиковая Дама". 212, 257.
„Пиръ во время чумы". 212, 236.
„Пиръ Петра Великаго". 227.
Пиндаръ. 3. 155.
„Повѣсти Бѣлкина". 212, 257.
Полевой. 145.
„Полтава". 34, 35, 36, 55; 57—85, 175, 176, 227, 234.
Поповскій. 9.
„Потерянный Рай", Мильтона. 60, 62, 259.
Пугачевъ. 257.
„Путешествіе въ Арзерумъ". 26, 227, 228.
„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ", Жуковскаго. 16.
„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова", Лермонтова. 91.
„Разгулье купеческихъ сыновъ въ Марьиной Рощѣ". 97.
Расинъ. 3, 154, 204.
„Ревизоръ", Гоголя. 4.
„Requiem", Моцарта. 240.
Ричардъ Львиное Сердце. 180.
Ричардъ III. 211.
Ришелье. 180.

„Робертъ Дьяволъ". 246.
„Родословная моего героя". 212, 213—220.
„Рославлевъ". 259.
„Россіада". 60, 64.
„Русалка". 212, 241, 243—247.
„Русланъ и Людмила". 1—19, 26, 33, 35, 36, 58, 89, 90, 92.
Руссо, Жанъ-Баптистъ. 14, 15.
Сальери. 237, 238, 239, 240.
„Свѣтлана", Жуковскаго. 16, 17, 89.
Сильвестръ. 182.
Сказки: „О золотомъ пѣтушкѣ". 212, 255.
„ „О купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и о работникѣ его Балдѣ". 212, 255.
„ „О мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ". 93, 211, 255.
„ „О Рыбакѣ и Рыбкѣ". 212, 255.
„ „О спящей царевнѣ", Жуковскаго. 93.
„ „О царѣ Берендеѣ до колѣнъ борода", Жуковскаго. 93.
„ „О царѣ Салтанѣ". 93, 212, 255.
„Скупой Рыцарь". 212, 236, 241.
Соллогубъ, гр. 110.
„Стансы" (Въ надеждѣ славы и добра). 227.
„Странствователь и Домосѣдъ", Батюшкова. 9.
Сумароковъ. 2, 3, 154, 185, 201, 203.
Сусанинъ. 215.
„Сцена изъ Фауста". 212, 234—236.
„Сцены изъ рыцарскихъ временъ", менъ". 212, 255.
Сю, Эженъ. 46.
„Сынъ Отечества". 7.
„Сѣверные Цвѣты". 86, 176, 256.
„Талія". 10, 101.
Тамерланъ. 216.
Тассъ. 3, 62.
„Телемахида". 13.
Титъ Ливій. 182.
„Торжество Дружбы или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ". 259.
Тредьяковскій. 201, 237.
„The caveteous Knigth", Ченстона. 236.
„The city of the plague", Вильсона. 236.
„Фаустъ", Гёте. 63, 234.
Фонвизинъ. 24, 101, 107.
Хемницеръ. 102.
Херасковъ. 2, 3, 87.
„Цыгане". 33, 34, 35—57, 71.
„Чайльдъ - Гарольдъ", Байрона. 100.
Ченстонъ. 236.
„Черная Шаль". 14, 15.
„IV глава Историческаго Романа". 256.
„Чужой Толкъ", Дмитріева. 15.
Шекспиръ. 38, 46, 69, 82, 98, 110, 177, 186, 207, 212, 239, 243.
Шиллеръ. 3, 34, 110.
Шуйскій, Василій. 179, 194, 207, 208, 209, 210.
„Энеида". 58, 60, 62, 63.
„Эолова Арфа", Жуковскаго. 16, 17.
Юлій Цезарь. 61.
Ѳедоръ, царь. 191, 193, 207.